№ 3/3

БИБЛІОТЕКА

ВОСТОЧНЫХЪ ИСТОРИКОВЪ.

56/54

801-91
6541-6

ИЗДАВАЕМАЯ

И. БЕРЕЗИНЫМЪ,

ПРОФЕССОРОМЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ III.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ АБУЛЬ-ГАЗИ.

КАЗАНЬ.

1854.

XVI-1320
ИМПЕРАТОРСКІЙ
МУЗЕЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ 11 Іюня 1854 года.

Цензоръ Ю. Шидловскій.

Въ типо

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ этомъ продолженіи изданія моего «Библіотека восточныхъ историковъ» я предлагаю русскій переводъ исторіи Абуль-гази: «Книга родословія тюркскаго». Такъ какъ русскій переводъ сочиненія Абуль-гази съ тюркскаго подлинника уже давно былъ начатъ и приведенъ къ окончанію экстраординарнымъ Профессоромъ Казанской Духовной Академіи, Г. С. Саблуковымъ, то я, вмѣсто своего новаго перевода, нашелъ болѣе удобнымъ напечатать переводъ Г-на Саблукова, уже совершенно готовый, тогда какъ къ своему собственному переводу я только еще предполагалъ приступить. Переводъ Г-на Саблукова былъ исполненъ независимо отъ меня; но, при печатаніи его, я имѣлъ, наравнѣ съ самимъ переводчикомъ, надзоръ за корректурою каждаго листа. Въ основаніе перевода принято печатное казанское изданіе исторіи Абуль-гази и рукопись С. Петербургской Академіи Наукъ, о которой была напечатано мною подробная статья въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1850 г. Іюль, отд. IV. — Правописаніе собственныхъ именъ въ переводѣ Г-на Саблукова предоставлено на волю переводчика, хотя во многихъ случаяхъ произношеніе его не сходится съ тѣмъ, которое было принято мною въ первомъ томѣ «Библіотеки восточныхъ историковъ».

Печатаніе подлинника исторіи Абуль-гази въ моемъ изданіи я нахожу не нужнымъ: тѣ отмѣны и улучшенія, которыя заключаетъ въ себѣ петербургскій манускриптъ въ сравненіи съ казанскимъ изданіемъ, будутъ представлены Г. Саблуковымъ, въ примѣчаніяхъ ко второму и третьему томамъ «Библіотеки», что и составитъ четвертый томъ изданія.

Дальнѣйшее печатаніе готовыхъ для «Библіотеки восточныхъ историковъ» матеріаловъ будетъ зависѣть отъ благосклоннаго пріема моего изданія учеными и отъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

И. Березинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Извѣстна потребность найти въ сказаніяхъ восточныхъ историковъ поясненія темнымъ мѣстамъ русской исторіи въ разныя эпохи сближенія нашего отечества съ азіатскими народами. Посвятившіе себя трудамъ по русской исторіи часто высказывали желаніе, чтобы имъ сдѣлалось доступнымъ все, что восточная литература можетъ доставить полезнаго при ихъ изысканіяхъ. Желаніе употребить къ дѣлу историческіе разсказы Востока не исключало изъ списка источниковъ и «Родословной тюркскаго племени».

Это историческое сочиненіе хивинскаго хана сдѣлалось извѣстнымъ Европѣ еще во второй четверти прошедшаго столѣтія. Шведскіе офицеры, отправленные въ Сибирь послѣ Полтавской побѣды, въ Тобольскѣ открыли рукопись Абуль-газіевой исторіи, и, узнавъ ея содержаніе, постарались о составленіи перевода этого творенія. Филиппъ Іоаннъ Таббертъ Штраленбергъ былъ, думаютъ, главою этого ученаго предпріятія. Бухарскій Ахундъ, знающій русскій языкъ, диктовалъ переводъ Абуль-газіева сочиненія русскому писцу. Съ русскаго перевода Шведъ Шёнстрёмъ сдѣлалъ переводъ на нѣмецкій языкъ. Этотъ переводъ, подъ именемъ Мессершмидова, изданъ былъ въ 1780 подъ заглавіемъ: Abulgasi Bahadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalischen Chanen, aus einer turkischen Handschrift übersetzt von Dr. D.G. Mes-

serschmid, 1780. Съ нѣмецкаго перевода сдѣланъ былъ переводъ на французскій языкъ и изданъ Варенномъ въ 1726 году въ Брюсселѣ подъ заглавіемъ: Histoire généalogique des Tartars, traduite du manuscript tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan, et enrichie d'un grand nombre des remarques authentiques et curieuses sur l'estat présent. de l'Asie septentrionnale, avec des cartes nécessaires. Par D. Примѣчанія составлены Бентикомъ. Французскій переводъ служилъ подлинникомъ и для перевода англійскаго, въ 1780 году. Съ французскаго перевода сдѣлалъ Тредьяковскій русскій переводъ подъ заглавіемъ: «Родословная исторія о Татарахъ, переведенная на французской языкъ съ рукописныя татарскія книги, сочиненія Абулгачи-Баядуръ-Хана... а съ французскаго на Россійскій въ Академіи наукъ». Томъ I и II. (1770 г.).

Всѣ эти переводы не удерживаютъ за собою довѣрія къ ихъ вѣрности и не служатъ надежною опорою при объясненіи по нимъ какого-либо историческаго вопроса. Ученые, какъ знающіе языкъ Абуль-газіева сочиненія, такъ и незнающіе его, желали болѣе удовлетворительнаго перевода. Съ цѣлію доставить знающимъ тюркскія нарѣчія возможность подарить историческія науки удовлетворительнымъ переводомъ, Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ напечаталъ подлинникъ Абуль-газіева сочиненія; онъ вышелъ изъ типографіи Казанскаго Университета, подъ заглавіемъ: Abulgasi Bagadur Chani Historia Mongolorum et Tatarorum, nunc tatarice edita auctoritate et munificentia I. C. N. de Romanz ff. Casani, 1825, in folio, съ латинскимъ предисловіемъ академика Френа. По случаю изданія текста «Родословной тюркскаго племени,» одинъ изъ библіографовъ (въ Московскомъ Телеграфѣ 1826 г. стр. 310) говоритъ: «Важное вліяніе Азіи на Европу въ средніе вѣки доказываетъ намъ необходимость разбора и разсмотрѣнія Азіатскихъ лѣтописей, въ отношеніи къ исторіи Европы... Чтобы судить о достоинствѣ и достовѣрности повѣствованій Азіатскихъ и потомъ основываться на нихъ, должно прежде всего узнать подлинники; должно, чтобы оріенталисты сличили, исправили ихъ тексты и передали намъ оные въ вѣрныхъ и строгихъ переводахъ.... порадуемся, что Европа одолжена Россіи изданіемъ подлинника книги важной и единственной въ своемъ родѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожелать, чтобы, для пользы русской исторіи, книга сія переведена была на какой-нибудь европейскій языкъ. Этого можемъ мынадѣяться теперь отъ трудолюбія нѣмецкихъ оріенталистовъ, если, при усиливающейся въ Россіи охотѣ заниматься восточною литературою, Русскіе не предупредятъ ихъ». Чрезъ десять лѣтъ послѣ изданія подлинника Абуль-газіевой «Родословной», біографъ автора ея, О. И. С. (въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, томъ I, стр. 49, 50) высказалъ тоже ожиданіе: «цѣль покойнаго Канцлера еще не нашла исполнителя. Историческая Критика, русская и всеобщая, доселѣ ожидаетъ хорошаго перевода «Родословной исторіи Татаръ».

Достаточное изученіе языка, на которомъ писалъ Абуль-гази, ободренія нѣкоторыхъ оріенталистовъ и неоріенталистовъ, видѣвшихъ опыты моего перевода Абуль-газіевой исторіи, и возможность исправить печатный текстъ ея по другому рукописному и лучше выразумѣть смыслъ неясныхъ мѣстъ въ немъ, побудили меня составить переводъ Абуль-газіева сочиненія. Кончивъ мой трудъ, представляю его вниманію ожидавшихъ Абуль-газіева творенія въ переводѣ на отечественный языкъ. Въ какой мѣрѣ удовлетворю ожиданіямъ ученыхъ — это покажутъ знающіе подлинникъ

Родословной тюркскаго племени; а я, съ своей стороны, считаю здѣсь умѣстнымъ познакомить читателя этого перевода съ авторомъ его подлинника, съ историческимъ и литературнымъ его достоинствомъ, и съ способами, при которыхъ я могъ представить этотъ трудъ въ настоящемъ его видѣ.

Авторъ «Родословной тюркскаго племени» Абуль-гази-Багадуръ-Ханъ, въ своемъ твореніи подробно разсказалъ всю свою жизнь: привожу здѣсь только главныя ея черты, которыми поясняется историческая достовѣрность его разсказовъ, опредѣляется степень литературнаго и ученаго достоинства его сочиненія. Абуль-гази Багадуръ-Ханъ, сынъ Арабъ Мохаммедъ-Хана, потомокъ Чингизъ-Хана, изъ рода Шейбани, изъ поколѣнія Узьбековъ, родился въ городѣ Ургенджѣ, въ 1014 (1605 Р. Х.) году. Прозваніе свое Абуль-Гази «воитель за вѣру» онъ получилъ въ память побѣды, одержанной, за 40 дней до его рожденія, отцемъ его надъ Уральскими Козаками, напавшими на Ургенджь, и также потому, что родъ, изъ котораго была мать его, носилъ титло Газіевъ «воителей за вѣру.» На шестомъ году Абуль-гази лишился матери и до шестнадцатилѣтняго возраста воспитывался въ отцовскомъ домѣ, въ Ургенджѣ. Въ это время отецъ, женивъ его, отдалъ ему въ удѣльное владѣніе половину Ургенджа, другую половину брату его Хабешь-султану, а себѣ взялъ городъ Хіюкъ. Абуль-Гази скоро поссорился съ братьями, Хабешемъ и Ильбарсомъ, чрезъ годъ перешелъ изъ Ургенджа къ отцу и получилъ отъ него во владѣніе городъ Катъ. Раздоры Абуль-гази съ братьями не прекращались: Арабъ-Мохаммедъ-Ханъ и Абуль-Гази были ими побѣждены: Арабъ Мохаммедъ былъ убитъ своимъ сыномъ Ильбарсомъ, Абуль-гази убѣжалъ въ Бухару, къ Ишимъ-Кули-Хану. Принятый имъ ласково, онъ прожилъ здѣсь двагода и возвратился на родину, гдѣ Ильбарсъ былъ уже умерщвленъ Эсфендіаромъ, старшимъ братомъ Абульгазіевымъ. Эсфендіяръ, провозглашенный Ханомъ, отдалъ Абуль-гази Ургенджь. Это было въ 1033 (1623 Р. Х.) году, когда Абулгази исполнилось только 20 лѣтъ. Вскорѣ братья поссорились, и Абуль-Гази, обезсиленный Исфендіяромъ, бѣжалъ въ Тюркестанъ, къ Ишимъ-Хану, который, чрезъ два мѣсяца, представилъ Абулгази Турсунъ-Хану, владѣтелю Ташкендскому. Спустя два года, когда Ишимъ-Ханъ убилъ Турсуна, Абулгазн, удалился въ Бухару къ Ишимъ-кули-Хану; но, принятый имъ холодно и приглашаемый Узьбеками, воротился въ Хіюкъ. Одержавъ побѣду надъ своими братьями, Эсфендіяромъ и Мохаммедъ-Шерифомъ, онъ помирился съ ними. Эсфендіяръ-Ханъ, притворно помирившись съ Абуль-Гази, въ расплохъ напалъ на него, захватилъ его и отослалъ въ Персію къ Шаху-Сефи, вступившему въ этомъ году на персидскій престолъ. Шахъ-Сефи назначилъ Исфаганъ мѣстопребываніемъ Абуль-Гази. Здѣсь Хивинскій царевичь прожилъ десять лѣтъ подъ стражей, въ хорошемъ домѣ, получая отъ персидскаго правительства нескудное содержаніе. На одиннадцатомъ году своего изгнанія, Абуль-Гази, склонивъ къ побѣгу троихъ своихъ слугъ, раздѣлявшихъ съ нимъ заточеніе, хитро умѣлъ пробраться до границъ Хивы; два года прожилъ между Тюркменами, годъ у Калмыцкаго Хана, и возвратился въ Ургенджь. Въ 1054 (1644 Р. Х.) году, по смерти Исфендіяра, провозглашенъ Ханомъ. Двадцатилѣтнее царствованіе Абуль-гази-Хана, скончавшагося въ 1074 (1664 Р. Х.) году, представляетъ рядъ войнъ съ непокорными тюркменскими племенами, съ Калмыками, и набѣговъ на Бухару.

Абуль-Гази Багадуръ-Ханъ въ свое время при-

надлежалъ въ образованнѣйшимъ Государямъ Востока: достоинства писателя и поэта, которыя онъ смѣло приписываетъ себѣ въ своемъ предисловіи къ «Родословной» оправдываются этимъ самымъ сочиненіемъ. Основательно зная тюркскій языкъ, онъ хорошо также зналъ персидскій и порядочно монгольскій. Въ продолженіе десятилѣтняго пребыванія своего въ Персіи, Абулгази познакомился съ персидскими писателями о Монголахъ и Тюркахъ, преимущественно съ Исторіею Монголовъ Фазль-уллаха Рашидъ-эд-дина, извѣстною подъ именемъ: جامع التواريخ «Лѣтописный Сборникъ». Кромѣ творенія Рашидъ-эд-динова, Абуль-гази, при составленіи Родословной Тюрковъ, имѣлъ подъ рукою осьмнадцать историческихъ сочиненій о Чингизидахъ. Подъ конецъ своего царствованія, Абуль-гази, искавшій покоя послѣ многочисленныхъ, государственныхъ и военныхъ, тревогъ своей кипучей жизни, приступилъ къ сочиненію Исторіи о Чингизидахъ, имѣя въ виду преимущественно сохранить для потомства исторію рода Шейбани, царствовавшаго въ Харезмѣ, или поколѣнія, къ которому принадлежалъ домъ Абуль-Гази-хановъ.

Абуль-гази, принявъ намѣреніе показать генеалогическія вѣтви монгольскихъ и тюркскихъ поколѣній, по примѣру другихъ мусульманскихъ историковъ, началъ свои сказанія библейскими преданіями, съ которыми связалъ и свои народныя преданія: послѣ короткаго пересказа о библейскихъ Патріархахъ до родоначальниковъ Монголовъ и Тюрковъ, онъ съ подробностію исчисляетъ поколѣнія обоихъ этихъ племенъ; потомъ излагаетъ исторію Чингизъ-хана; повѣствуетъ о каждой монгольской или монголо-тюркской державѣ, составившейся изъ Чингиз-хановыхъ владѣній подъ властію его потомковъ, и наконецъ

подробно описываетъ дѣла, совершенныя въ Хивѣ государями его поколѣнія. Въ основаніе этой исторіи принявъ генеалогію Монголовъ и Тюрковъ, Абуль-гази своему сочиненію далъ названіе شجرهٔ تركى «Древо Тюркское» или «Родословіе Тюрковъ», «Родословная тюркскаго племени.» Болѣзнь, постигшая Абуль-гази-Хана въ послѣдніе годы царствованія, не дала ему окончить свое сочиненіе, и авторъ Родословной, умирая, завѣщалъ своему сыну, Анушъ-Мохаммеду Багадуръ-Хану, довести ее до предположеннаго конца, которымъ она и доведена до настоящаго ея предѣла.

Языкъ, на которомъ Абуль-гази разсказалъ Родословную Тюрковъ, есть народный языкъ Хивы, составляющій нарѣчіе Тюркскаго языка, которое оріенталисты отличаютъ отъ другихъ нарѣчій именемъ Джагатайскаго. Хивинское нарѣчіе тюркскаго языка, болѣе сохранившее свою чистоту, нежели другія нарѣчія, принявшія въ себя много арабскихъ или персидскихъ словъ и оборотовъ, почти одинаково съ нарѣчіями Киргизовъ, Башкировъ и Татаръ Оренбургскихъ. Абуль-гази хотѣлъ изложить свое сочиненіе самымъ чистымъ языкомъ тюркскимъ, такъ чтобы, говоритъ онъ, понималъ его и пятилѣтнее дитя; потому онъ избѣгалъ арабскихъ и персидскихъ словъ, употребляя самыя обыкновенныя, которыми говорили его соотечественники (изъ нихъ многія не внесены еще на страницы словарей тюркскаго языка). Слогъ Абулгази строенъ, плавенъ, красивъ. По мѣстамъ встрѣчаются обороты, свойственные персидскому языку, но не производятъ темноты по простотѣ своего сочиненія. Въ цѣломъ своемъ составѣ, твореніе его расположено стройно; планъ его выполненъ отчетливо.

Харезмскій султанъ не указываетъ на источники,

изъ которыхъ онъ черпалъ каждое сказаніе: повѣрявшіе сочиненіе его съ исторіей Рашид-эд-дина и другихъ писателей, находятъ, что, онъ приводитъ факты очень вѣрно, согласно съ источниками. По отношенію къ достовѣрности фактовъ, Родословная тюркскаго племени, дѣлится на три отдѣла. До раздѣленія монгольскаго и тюркскаго племени на особыя народы, разсказы о ихъ предкахъ, носятъ ясные признаки не достовѣрныхъ сказаній. Темныя, сбивчивыя народныя преданія Тюрковъ о происшествіяхъ, которыя перешли отъ ближайшихъ къ нимъ временъ, онъ относитъ къ отдаленнымъ временамъ, чтобъ связать ихъ съ библейскими сказаніями, и пополнить скудное преданіями пространство предъисторическаго времени. Потому эти преданія о глубокой древности не лишены всего историческаго вѣроятія. Такъ преданія объ Угузъ-Ханѣ, завоевателѣ всей западной половины Азіи, о враждѣ племенъ монгольскаго и тюркскаго, въ которой первое было загнато въ горы Эркенеконъ послѣднимъ—имѣютъ въ основаніи историческіе факты, которые критикѣ предстоитъ очистить отъ примѣси вымысла, указать ихъ въ настоящемъ своемъ видѣ и поставить на своемъ мѣстѣ. Разсказы Абуль-гази о поколѣніяхъ тюркскихъ и монгольскихъ до Чингизъ-Хана, о подвигахъ этого завоевателя, о государствахъ монголо-тюркскихъ, составившихся послѣ Чингизъ-Хана, исторически достовѣрны, какъ основанные на современныхъ письменныхъ свидѣтельствахъ, и частію на преданіяхъ, непотерявшихъ еще своей чистоты. Эта часть историческаго труда Абуль-газіева хотя есть передача на тюркскомъ языкѣ того, что находятъ у историковъ персидскихъ, писавшихъ о Монголахъ, и, по видимому, не представляетъ ничего новаго, даже, по мнѣнію одного изъ нашихъ оріенталистовъ, не стоитъ перевода; но, доколѣ сочиненій персидскихъ писателей

о *Монголахъ* нѣтъ на нашемъ языкѣ, Родословная тюркскаго племени послужитъ нескуднымъ источникомъ для монгольской исторіи. Большій историческій интересъ заключаетъ въ себѣ послѣдняя часть Родословной, въ которой авторъ ея передаетъ событія въ своемъ племени и родѣ, и близкія къ нему, и тѣ, которыхъ онъ былъ или очевидцемъ или въ которыхъ былъ непосредственнымъ, дѣятельнымъ участникомъ. Здѣсь авторъ Родословной, храбрый и искусный воинъ, умный и хитрый правитель, смѣтливый набюдатель, знатокъ характера народа и лицъ, которыя его окружаютъ, живописно передаетъ свою современность, бытъ своего народа, его нравы, правила политической дѣятельности государей всего Мавераннегра.

Погрѣшность, въ которой упрекаютъ Абуль-гази, и которая унижающимъ достоинство его сочиненія служитъ оружіемъ противъ его исторической правдивости, заключается въ этимологическихъ толкованіяхъ собственныхъ именъ. Абуль-гази, вездѣ въ своемъ сочиненіи, объясняетъ значеніе собственныхъ именъ, какъ бы съ намѣреніемъ показать свое знаніе монгольскаго и тюркскаго языковъ; знающіе монгольскій языкъ не вездѣ находятъ вѣрными его толкованія. Но его объясненія, невѣрныя по суду филологіи, надобно признать безвредными историческому достоинству его сочиненія: онъ вмѣшиваетъ въ него филологическія толкованія, по своей особой охотѣ потолковать смыслъ неистолкуемыхъ словъ; но, къ чести своей, онъ ни разу въ своей исторіи не построилъ на этомъ толкованіи какой-нибудь исторической ипотезы, не выдумалъ какого нибудь-факта, какіе, не рѣдко, самые непрочные, являются въ историческихъ сочиненіяхъ нашего времени: у Абуль-гази филологія сопутствуетъ событіямъ, лицамъ, но не выступаетъ напередъ ихъ. Вообще скажу, что Родословная тюрк-

скаго племени, въ ряду историческихъ сочиненій, которыя восточная мусульманская литература доставляетъ нашей исторіи, какъ для пополненія монгольскаго періода ея, такъ и для познанія Мавераннегра, восточнаго сосѣда Россіи, въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, удерживаетъ за собою достоинство немаловажнаго историческаго источника.

Переводъ «Родословной тюркскаго племени» составленъ мною по двумъ текстамъ этого сочиненія: по печатному, изданному въ Казани, и письменному, хранящемуся въ Музеумѣ при Императорской Академіи наукъ подъ № 574 а), доставленному мнѣ содѣйствіемъ Профессора Казанскаго Университета И. Н. Березина. Петербургская рукопись, поступившая въ Музеумъ отъ Г. Даля, была написана, какъ видно по качеству бумаги и почерка, въ Бухаріи, въ 1818–1819 году, какъ свидѣтельствуетъ приписка въ концѣ рукописи; своею полнотою, правильностію она превосходитъ не только печатное изданіе, но и всѣ извѣстные въ Европѣ списки исторіи Абуль-газіевой. Переводъ Родословной по одному печатному Казанскому тексту, безъ поправки его по Петербургскому, былъ бы самый неудовлетворительный. Въ печатномъ много недостатковъ: издатели его приняли основаніемъ списокъ съ рукописи, хранившейся въ Москвѣ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писанной для Кера съ оригинала, когда-то находившагося въ библіотекѣ Академіи; свѣривъ его со спискомъ, полученнымъ изъ Уфы, который доставилъ только нѣсколько варіантовъ для перваго текста, но нисколько не пополнилъ пропусковъ его, они не могли, при всей тщательности, издать его съ желаемымъ совершенствомъ. Сравненіе печатнаго текста съ С. Петербургскимъ ясно покажетъ превосходство послѣдняго надъ первымъ. Укажу нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ

Петербургская рукопись пополняетъ пропуски въ печатномъ текстѣ, или исправляетъ невѣрное чтеніе словъ этого изданія.

Первый значительный пропускъ въ печатномъ находится на ١٨ (18) страницѣ, гдѣ не достаетъ многихъ именъ сыновъ и внуковъ Угузъ-хана. Издатели пропускъ въ этомъ мѣстѣ указали знаками.

Въ Петербургской рукописи на стран. 173, соотвѣтствующей ٧٥ (75) страницѣ печатнаго текста, есть на поляхъ приписка, въ которой разсказывается одно изъ обстоятельствъ смерти Джучи-хана. Эта приписка на поляхъ не отличается отъ почерка всей рукописи и приставлена тѣмъ же писцомъ, но, для умѣщенія ея, письмомъ болѣе мелкимъ; эту приписку не считаю вставленнымъ опускомъ текста Родословной; языкъ и слогъ ея, правда, одинаковъ съ языкомъ всего сочиненія, но, по содержанію, онъ не согласенъ съ тѣмъ, что Абуль-гази въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Джучи-ханѣ, послѣ удаленія его изъ Хивы въ Дештъ Кипчакъ, по взятіи имъ Ургенджа.

Въ печатномъ на странницѣ ١٤٣ (143), въ С. Петербургскомъ спискѣ стран. 318, пропущенъ разсказъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нашествія Бухарскаго хана, Абдуллаха, на Ургенджъ и Везирь въ 1593 году.

Кромѣ указанныхъ, значительныхъ по величинѣ, недостатковъ, есть очень много небольшихъ, въ разной степени важныхъ по своему значенію, иногда историческому, иногда только литературному. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ. На страницахъ ١٦ и ١٧ (16 и 17), послѣ стиховъ на тюркскомъ языкѣ, опу-

щены по два полустишія персидскихъ, которыми авторъ хотѣлъ прикрасить первыя; нѣтъ объясненія различія между именами «ханъ, хаканъ, каанъ» на стран. ٩٢ (93); опущены строки, въ коихъ сказывается о преемникахъ Бату-хана въ царствѣ Золотой Орды, Сартакѣ, Улакичѣ, на стран. ٩٠; на стран. ١٠٧ нѣтъ персидскихъ стиховъ, составляющихъ хронограмму смерти Урченджскаго хана Алія Султана, и проч. Въ Казанскомъ изданіи не достаетъ надписей главъ и ихъ отдѣленій, исключая первыя двѣ главы. Оріенталистамъ извѣстно, что въ рукописяхъ на арабскомъ, персидскомъ и тюркскомъ языкахъ, не оставляются пробѣлы между главами и другими отдѣлами, какъ въ Европейскихъ книгахъ; но строчки книги, начиная съ первой, идутъ безъ пробѣловъ до конца книги; отдѣлы же, содержаніе ихъ и слова, которыя мы отличаемъ курсивными буквами, вписываются цвѣтными буквами. Писецъ пишетъ текстъ чернилами, оставляетъ пробѣлы для извѣстныхъ строкъ, и, по окончаніи иногда уже всей рукописи, вписываетъ заглавія. Списокъ, послужившій основнымъ для печатанія не былъ доведенъ до окончательной исправности: писецъ успѣлъ ввести въ него красныя строки только въ первыхъ трехъ или четырехъ тетрадяхъ (по печатному до ٩. страницы); дальше заглавія не были вписаны, и въ нѣсколькихъ мѣстахъне вписалъ собственныхъ именъ, которыя онъ предполагалъ отличить краскою. Петербургская рукопись всѣ эти пропуски пополняетъ; заглавія ея, кромѣ того, что сообщаютъ цѣлому сочиненію ясность, дополняютъ иногда самый разсказъ въ текстѣ. Такъ надпись надъ исторіею Узьбека, Золото-ордынскаго хана, объясняетъ его родовыя отношенія къ другимъ лицамъ этого дома. Недостающихъ въ печатномъ текстѣ мѣстъ, въ сравненіи съ Петербургскимъ, такъ много, что указать ихъ здѣсь нельзя, за ихъ много-

численностію; болѣе значительные изъ нихъ, величиною строки въ двѣ, три и болѣе, внесутся въ примѣчаніяхъ къ переводу. Мелкія, но не меньше важныя, поправки, которыя вноситъ С. Петербургскій въ печатный, состоятъ иногда въ другой постановкѣ діакритическихъ точекъ при буквахъ, иногда въ грамматическихъ формахъ словъ. С. Петербургскій манускриптъ имѣетъ еще варіанты, которые указываютъ на время и мѣсто составленія его: персидскія слова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанскаго изданія въ С. Петербургской рукописи замѣнены чисто—тюркскими. Кто захочетъ повѣрить мой переводъ однимъ печатнымъ текстомъ, найдетъ въ переводѣ много несогласнаго съ печатнымъ подлинникомъ: сличеніе его съ С. Петербургскимъ оправдаетъ отступленія отъ печатнаго.

Одобряя С. Петербургскую рукопись, не забываю и нѣкоторыхъ недостатковъ ея, которые обратно должны пополниться печатнымъ текстомъ: въ ней есть также пропуски въ сравненіи съ Казанскимъ; они перенесены изъ печатнаго на страницы рукописи трудолюбивою рукою кого-то изъ Европейскихъ оріенталистовъ.

Списки «Родословной тюркскаго племени» извѣстные въ Европѣ, Геттингенскій, Берлинскій и Парижскій, судя по отзывамъ разсматривавшихъ ихъ, много уступятъ С. Петербургскому; изъ нихъ только Геттингенскій, по словамъ Демезона, лучше печатнаго; но Берлинскій и Парижскій, по отзыву Жобера, исправностію ниже Казанскаго *a*). При новомъ изданіи тюркскаго подлинника Родословной, эти манускрипты должны пополниться другъ другомъ, чтобы изданію быть совершеннымъ. Исправно изданный текстъ Родословной былъ бы,

a) Ж. М. Н. П. ч. LIX. Отд. III. Описаніе Турецко-татарскихъ рукописей.

при скудости литературы на Восточно-Джагайтайскомъ нарѣчіи, драгоцѣннымъ даромъ для филологовъ тюркскаго языка, который въ этомъ нарѣчіи чище, нежели въ западныхъ, какъ въ лексикологическомъ, такъ и грамматическомъ отношеніи. Не извѣстно, съ какого манускрипта Родословной одинъ изъ владѣльцевъ рукописи جامع التواريخ, напечатанной въ томѣ II «Библіотеки восточныхъ историковъ», вносилъ замѣчанія на поля ея: эти выписки показываютъ, что рукопись Абуль-газіева творенія, съ которой они сдѣланы, согласна съ С. Петербургской.

Сличая русскій переводъ «Родословной исторіи о Татарахъ» Тредьяковскаго съ нынѣшнимъ печатнымъ Казанскимъ и съ текстомъ С. Петербургскаго манускрипта, нахожу, что рукопись, съ которой первоначально сдѣланъ переводъ въ Сибири, была очень исправна по своей полнотѣ. Въ ней не достаетъ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя есть въ печатномъ, напр. въ ней нѣтъ разсказа о походѣ Тамерлана противъ Токтамыша, и объ участіи въ этомъ походѣ Кутлука, въ печатномъ изданіи на стран. ٩١ и ٩٢ (91—92) и въ С. Петербургскомъ на 207 стран.; но въ послѣднихъ двухъ текстахъ это мѣсто есть позднѣйшая приписка, потому, что она отличается отъ предыдущаго разсказа и тѣмъ, что Тимуръ является тутъ съ именемъ Тимуръ-бій, а не Эмиръ-Тимуръ, какъ онъ выше назывался, и потому, что этотъ разсказъ не имѣетъ связи съ предыдущими дѣлами Тимура, тогда какъ у Абуль-гази вездѣ видна строгая послѣдовательность разсказовъ, фактическая связь. Въ переводѣ Тредьяковскаго есть перестановки нѣкоторыхъ частей изъ одного мѣста въ другое; основаніемъ этому былъ ли подлинникъ перевода, или было желаніе переводчиковъ дать, по своему усмотрѣнію, связь нѣкоторымъ событіямъ, или издатели переводовъ передѣлывали

его по своему разумѣнію—не дьзя указать прямо, при недостаткѣ свѣдѣній о рукописи, съ которой сдѣланъ первоначальный переводъ; но видно изъ этого перевода, что трудившіеся надъ нимъ отъ себя вписывали по нѣскольку строкъ или словъ для связи частей переводимой ими книги. Европейскіе переводы не передали настоящаго колорита мусульманско-тюркскаго Абуль-газіева сочиненія. Рѣчь подлинника, часто разцвѣченная фразами, свойственными его языку, не видна въ простомъ выраженіи мысли автора переводчикомъ; мусульманская форма введенія въ книгу измѣнена на христіанскую; молитвенныхъ словъ послѣ именъ чтимыхъ мусульманами святыхъ нигдѣ не встрѣчается. Въ русскомъ переводѣ многія собственныя имена въ произношеніи очень уклонились отъ того, какое имъ усвоялъ нынѣ восточное произношеніе: переходя чрезъ нѣсколько языковъ, онѣ, конечно, не могли сохранить себя отъ значительнаго измѣненія.

При желаніи вѣрнѣе передать твореніе Абуль-гази, я, сколько могъ, ближе держался подлинника; я думалъ, что близость перевода къ подлиннику искупитъ некрасивость выраженія: для того я не замѣнялъ, простыми и ясными словами, тѣхъ выраженій, въ которыхъ тюркскій писатель простыя понятія передаетъ, по вкусу своего народа, языкомъ загадочнымъ; я иногда подбиралъ созвучныя выраженія тамъ, гдѣ авторъ Родословной намѣренно хотѣлъ прикрасить свой разсказъ созвучною игрою словъ. Абуль-гази по мѣстамъ раскрашиваетъ свою прозу стихами, сообразно вкусу восточныхъ историковъ; нѣкоторые стихи его я также передалъ мѣрною рѣчью только для того, чтобы эти мѣста и въ переводѣ отличались отъ прозы его; встрѣчая такія строки часто метрически неправильныя, въ которыхъ

нѣтъ ничего поэтическаго, нѣтъ даже стихотворнаго выраженія, читатель извинитъ переводчика, что онъ, для соблюденія внѣшняго вида подлинника, предпочелъ худшую стопоскладную рѣчь болѣе сносному прозаическому выраженію.

Съ желаніемъ принести посильную дань отечественной исторіи, кладу въ ея сокровищницу этотъ небольшой мой трудъ въ изученіи одной изъ литературъ Востока.

Г. Саблуковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РОДОСЛОВІЮ ТЮРКСКАГО ПЛЕМЕНИ.

Во имя Бога всемилостиваго, премилосердаго.

Воздавъ хвалу безначальному и безконечному Богу, который не имѣетъ себѣ общника, который словомъ «да будетъ» далъ бытіе семи небесамъ и семи землямъ и осьмнадцати тысячамъ міровъ; благословивъ любимца Божія пророка Мохаммеда избраннаго, посланника ко всѣмъ сынамъ человѣческимъ и къ геніямъ, надѣленнаго высокими благодатными дарами, благочестіемъ и пророчествомъ,— сочинитель сей книги, Абульгази Багадуръ ханъ, сынъ Арабъ-Мохаммедъ-хана, потомокъ Чингиза, Харезмiецъ, говоритъ: писатели на персидскомъ и тюркскомъ языкѣ изложили исторію предковъ, родственниковъ и потомковъ Чингизъ-хана, царствовавшихъ въ разныхъ державахъ, указали время рожденія и смерти ихъ, хорошія и худыя дѣла ихъ, такъ что многіе изъ ученыхъ посвятили по книгѣ многимъ изъ таковыхъ государей, и въ теченіи годовъ, какъ скоро являлся тотъ или другой государь изъ потомковъ Чингизъ-хановыхъ, являлся ученый историкъ; съ мыслію, что онъ напишетъ лучше прежняго писателя, составлялъ лѣтопись этого государя и посвящалъ ему свое произведеніе. Такимъ образомъ о нѣкоторыхъ династіяхъ державъ, основанныхъ потомками Чингизъ-хана, есть по десяти лѣтописей, о другихъ по двадцати, о иныхъ по тридцати лѣтописей. Въ настоящее время у меня убогаго подъ рукою есть осьмнадцать свитковъ, въ которыхъ заключаются историческіе разсказы о потомкахъ Чингизъ-хановыхъ, властвовавшихъ

въ Иранѣ и Туранѣ. Но такъ какъ по недостатку покровительства со стороны нашихъ предковъ и родственниковъ и по причинѣ невѣжества народа Харезмскаго не было писано историческихъ сочиненій о властителяхъ нашего дома, съ того времени, какъ предки Абдуллахъ-хана отдѣлились отъ нашихъ предковъ, и до нашей поры, то я всѣми мѣрами старался поручить кому нибудь составить такую исторію; но не нашедши человѣка способнаго къ этому, я отнесъ къ себѣ пословицу Тюркскаго народа «спрота самъ себя повиваетъ» и рѣшился самъ составить лѣтопись своей *династіи*. *Отъ Адама до настоящаго времени, хотя* написано столько лѣтописей, что число ихъ одинъ только Богъ знаетъ, но ни одинъ государь, ни одинъ эмиръ, ни одинъ умный правитель самъ не писалъ о себѣ исторіи: такъ если я взялся за дѣло, за которое не брался никто изъ нашего дома, по своему равнодушію къ такому труду, никто изъ жителей Харезма, *по своей неспособности къ нему*, то не подумайте, что, при такой крайности, мною сказано что либо ложное, или я хотѣлъ скрыть свои ошибки. Меня убогаго Всевышній Господь, по своей милости, надѣлилъ многимъ, именно, онъ даровалъ мнѣ три рода знаній: первый—предводительствовать войскомъ, издавать законы, знать судопроизводство, выступать въ походы съ конницею и съ пѣхотою, вести войну при многочисленномъ войскѣ и при маломъ войскѣ, вести переговоры съ друзьями и врагами; вторый—умѣть составлять всѣхъ формъ стихотворныя сочиненія, месневи, *касиды*, *газели*, *мюктааты*, *рубаи*, *знать* языки арабскій, персидскій, тюркскій; третій—знать мелочныя и важныя событія въ исторіи государей, бывшихъ въ Арабистанѣ, Иранѣ, Туранѣ и Монголіи, ихъ имена, время ихъ жизни и государственныя ихъ дѣла. Конечно была бы ложь, еслибы я сказалъ, что ни въ Иранѣ, ни Гиндустанѣ не найдется человѣка,

искуснаго, какъ я смиренный, въ изобрѣтеніи и составленіи поэтическихъ произведеній: но въ настоящее время и между мусульманами, и между невѣрными въ странахъ и государствахъ, которыя я видѣлъ или о которыхъ слышалъ, нѣтъ отличнаго въ знаніи военномъ; правда, земля пространна: неудивительно, если есть въ странахъ, о которыхъ я не слышалъ. *И такъ, не оставляя своего намѣренія, я*, въ тысяча семьдесятъ четвертомъ году (1663,4 по Р. Х.), началъ писать эту книгу, назвалъ ее Родословною Тюркскаго племени и расположилъ въ девяти главахъ:

Глава первая.

Отъ Адама до Монгола.

Глава вторая.

Отъ Монгола до Чингизъ-хана.

Глава третія.

Отъ рожденія Чингизъ-хана до смерти его.

Глава четвертая.

О третьемъ сынѣ Чингизъ-хановомъ, Огдаѣ; его сынѣ и потомкахъ его, и о государяхъ, которые, какъ потомки Чингизъ-хановы, царствовали въ юртѣ *Монгольскомъ*.

Глава пятая.

О преемникахъ Джагатай-хана, втораго сына Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ Мавераннегрѣ и Кашгарѣ.

Глава шестая.

О домѣ младшаго сына Чингизъ-ханова Тули-хана, державствовавшаго въ государствѣ Иранскомъ.

Глава седьмая.

О династіи старшаго сына Чингизъ-ханова Джучи-хана, царствовавшей въ Дешти-Кипчакѣ.

Глава осьмая.

О потомкахъ Джучи-ханова сына, Шейбани-хана, бывшихъ ханами въ Мавераннегрѣ, Крымѣ, у Казаковъ (а) и въ Туранѣ.

Глава девятая.

Также о потомкахъ Шейбани-хановыхъ, царствовавшихъ въ державѣ Харезмской.

Эти девять главъ пришлись въ чудное соотвѣтствіе самому сочиненію, потому что мудрецы говорятъ: выше девяти ничего не бываетъ; самый крайній предѣлъ всего существующаго есть девять.

(а) Киргизовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ ПОТОМКОВЪ АДАМА — МИРЪ ЕМУ!

Адамъ жилъ въ семъ мірѣ тысячу лѣтъ и перешелъ въ другой міръ. Имя *Адамъ* есть арабское; Арабы словомъ *адамъ* называютъ чистую землю. Потому, думаютъ, ему дано прозваніе Сафи-улла.

Адамъ при своей смерти имѣлъ у себя дѣтей сорокъ тысячь. Умирая, онъ на своемъ мѣстѣ поставилъ сына, Шися а). Послѣ того Всевышній Богъ поставилъ Шися пророкомъ. Шись, проживъ девятьсотъ двѣнадцать лѣтъ, перешелъ въ чертоги райскіе. Имя Шись значитъ *даръ Божій* (Гибятъ-улла). Онъ также, при смерти, на свое мѣсто посадилъ сына Энуша.

Энушъ, выполняя законъ своего дѣда Адама, прожилъ въ здѣшнемъ жилищѣ девятьсотъ двѣнадцать лѣтъ и перешелъ въ другое жилище. Имя Энушъ

(а) По Биб. Сиса.

значитъ правдивый (Садикъ). При смерти, онъ, поставивъ на свое мѣсто сына Каинана, далъ ему много совѣтовъ и заповѣдей.

Каинанъ, восемьсотъ сорокъ лѣтъ ходя путемъ отца своего, и, оставивъ на своемъ мѣстѣ сына Мяглаиля, перешелъ къ блаженству.

При Мяглаилѣ размножились сыны человѣческіе. Мяглаиль основалъ городъ въ странѣ Вавилонской и назвалъ его Сусъ. Онъ научилъ строить дома и заводить селенія. Прежде него не строили домовъ, но жили въ горныхъ пещерахъ и въ лощинахъ; онъ людямъ указалъ сѣять хлѣбъ и строить хижины, гдѣ найдутъ землю способную для того; народъ такъ и поступалъ. Мяглаиль, проживъ въ семъ мірѣ девятьсотъ двадцать лѣтъ, перешелъ въ другой міръ. При смерти своей онъ посадилъ на свое мѣсто сына Эреда.

Эредъ, проживъ девятьсотъ шестьдесятъ лѣтъ, поставилъ на свое мѣсто сына Ахнуха и ушелъ въ слѣдъ за отцомъ своимъ.

Имя Ахнухъ есть сирійское слово; Арабы познанія въ вѣрѣ, въ философіи и врачебномъ искусствѣ выражаютъ словомъ *дарсъ*, потому они называютъ его Идрисъ. Всевышній Господь поставилъ его для современниковъ пророкомъ: восемьдесятъ два года совершая должность пророческую, онъ призывалъ людей на путь правый. Послѣ того, по повелѣнію Божію, пришелъ Азраилъ и, посадивъ Идриса—миръ ему!—на свои крылья, перенесъ его въ рай: съ того дня и до настоящаго времени онъ въ раю.

По переходѣ Идриса въ рай, Метушалихъ, заступивъ мѣсто отца, посвятилъ себя дѣламъ правосудія. Лѣта жизни его не извѣстны. По прошествіи многихъ лѣтъ, онъ поставилъ на свое мѣсто сына Ламека и перешелъ къ вѣчной жизни.

Ламекъ также много лѣтъ жилъ въ здѣшнемъ мірѣ, но число лѣтъ жизни его не извѣстно; онъ, при смерти своей, поставилъ на свое мѣсто Ноя.

Когда Ною исполнилось двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, тогда Всевышній Богъ, избравъ его въ пророки, послалъ его къ современному ему народу: семьсотъ лѣтъ онъ склонялъ людей къ принятію мусульманства; только восемьдесятъ человѣкъ, мущинъ и женщинъ, увѣровало, въ продолженіе семисотъ лѣтъ, въ которыя онъ, приходя къ людямъ, міролюбцамъ, говорилъ: вѣруйте въ Бога. Сильно вознегодовавъ на людей невѣрующихъ, онъ молился Богу о погибели ихъ, кромѣ восьмидесяти человѣкъ. Архангелъ Гавріилъ, явившись ему, сказалъ: Всевышнему Господу угодна молитва твоя: онъ восхотѣлъ въ такое-то время потопить водою всѣхъ людей, живущихъ на лицѣ земли. Богъ повелѣлъ построить корабль и научилъ какъ построить его; Ной строилъ его съ тѣми, которые увѣровали. Послѣ того изъ земли выступила вода, съ неба полился дождь. Ной взялъ по парѣ отъ всякаго рода птицъ крылатыхъ и звѣрей, ходящихъ на ногахъ, и вмѣстѣ съ увѣровавшими сѣлъ на корабль; а все одушевленное на лицѣ земли потонуло въ водѣ. Напослѣдокъ, когда земля, по повелѣнію Всевышняго Бога, приняла въ себя воду, корабль остановился на горѣ. Люди вошли на корабль въ первый день мѣсяца Реджеба, а въ десятый день мѣсяца Мухаррема, по прошествіи шести мѣсяцовъ и десяти дней, вышли изъ корабля, и жили при подошвѣ горы. Всѣ они сдѣлались больны: пророкъ

Ной, три сына и три невѣстки его оправились въ здоровьѣ, а прочіе люди отошли къ милосердію Божію.

Потомъ пророкъ Ной разослалъ по землѣ трехъ сыновъ своихъ, каждаго въ свою сторону: сына Хама послалъ въ Гиндустанъ; сына Сима послалъ въ землю Иранъ; сына Іафета послалъ въ сѣверную страну, и всѣмъ имъ сказалъ: кромѣ васъ троихъ не осталось никого изъ потомковъ Адама; потому вы трое займете три страны свѣта; когда размножатся ваши семейства, то каждый изъ васъ заселяй свою землю.

Нѣкоторые называютъ Іафета пророкомъ, а другіе говорятъ, что онъ не былъ пророкъ. Іафетъ, по распоряженію отца своего (съ горы Джуди) перешелъ на берега Идиля (а) и Яика, жилъ тамъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ и померъ. У него было восемь сыновъ и потомство его многочисленно. Вотъ имена сыновъ его: Тюркъ, Хазаръ, Саклабъ, Русъ, Мингъ, Чинъ, Кеймари, Тарихъ. Іафетъ, поставивъ на своемъ мѣстѣ старшаго сына Тюрка, сказалъ прочимъ сыновьямъ: Тюрка вы признавайте государемъ и повинуйтесь ему.

Тюрка по преимуществу звали Іафетовичемъ. Онъ былъ человѣкъ образованный и умный. Послѣ отца своего, когда онъ обозрѣвалъ земли, одна изъ нихъ ему очень понравилась и онъ въ ней поселился: эту землю нынѣ называютъ Исигъ-кюль (Горячее озеро). Онъ выдумалъ строить увеселительныя жилища. Нѣкоторые изъ обычаевъ, существующихъ въ Тюркскомъ племени, хранятся съ его времени. У Тюрка было

(а) Волги.

четыре сына: первый Тутукъ, второй Хакѧлъ, третій Берсаджаръ, четвертый Амлакъ. Тюркъ, при смерти своей, поставивъ государемъ Тутука, самъ отправился въ далекій путь (а).

Тутукъ былъ прекрасный государь, умный, и богатый; ввелъ многіе уставы въ жизнь Тюрковъ. Онъ былъ современникомъ Кейумурсу, первому государю персидскому. Въ одинъ день, отправившись на охоту, онъ поймалъ дикую козу, и когда, изжаривъ ее, ѣлъ, изъ руки у него упалъ кусокъ на землю; когда онъ поднялъ его и сталъ ѣсть, въ роту почувствовалъ что-то пріятное на вкусъ; а это произошло отъ того, что на мѣстѣ, гдѣ приготовлялась пища, была соль. Такимъ образомъ Тутукъ сталъ солить пищу и отъ него началось употребленіе соли. Проживши двѣсти сорокъ лѣтъ, поставилъ на свое мѣсто своего сына Ильча-хана и отшелъ въ городъ, изъ котораго, какъ говорятъ, никто не воротится, кто ни пойдетъ въ него.

Ильча-ханъ царствовалъ много лѣтъ; попивши и поживши, онъ ушелъ за отцемъ своимъ, передавъ, при смерти, свое мѣсто сыну своему Дибъ-бакуй-хану.

Дибъ-бакуй, въ имени котораго слово *дибъ* значитъ нижнее мѣсто, *бакуй*—старшина народный, также былъ государемъ много лѣтъ: видѣлъ улыбку друзей, видѣлъ слезы враговъ, и послѣ веселаго и многолѣтняго царствованія, оставивъ свое мѣсто сыну Кіюкъ-хану, ушелъ въ городъ, изъ котораго никто не возвращается, кто ни пойдетъ въ него.

(а) Т. е. умеръ.

Кіюкъ-ханъ, вступивъ на престолъ отцовскій, нѣсколько лѣтъ совершалъ дѣла правосудія, и, оставивъ въ своей державѣ шестаго сына, Аланчу-хана, отправился въ страну, куда идутъ всѣ люди.

Аланча-ханъ много лѣтъ правилъ государствомъ. Со времени Ноя—миръ ему!—до времени этого Аланчи-хана всѣ потомки Іафета были мусульмане; при Аланчѣ юртъ улучшился, народъ сдѣлался богаче; но къ нимъ идетъ пословица Узьбековъ: собака, если разжирѣетъ, кусаетъ своего хозяина. Когда у кого умиралъ любимый кто либо, то сынъ, или дочь, или братъ дѣлали похожую на него статую, и, поставивъ ее въ своемъ домѣ, говорили: это такой-то изъ нашихъ ближнихъ; оказывая къ нему любовь, первую часть отъ кушанья клали передъ ней, цѣловали ее, натирали мазями лице, глаза и кланялись ей. Изъ таковыхъ повторявшихся дѣйствій возникло идолопоклонство.

У Аланчи-хана было два сына, близнеца: старшему имя было Татаръ, младшему Монголъ. Аланча-ханъ, состарѣвшись, раздѣлилъ свои владѣнія своимъ сыновьямъ. Оба брата провели жизнь свою въ благополучіи и счастіи, не дѣлая другъ другу худаго. Если Богъ благоволитъ, то мы сначала будемъ говорить о Татарѣ, а потомъ скажемъ о Монголѣ.

РАЗСКАЗЪ О ТАТАРЪ-ХАНѢ И О СЕМИ ПРЕЕМНИКАХЪ, ЦАРСТВОВАВШИХЪ ПОСЛѢ НЕГО.

Татаръ-ханъ, царствовавъ много лѣтъ, умеръ. Его сынъ, Бука-ханъ, заступивъ мѣсто отца, царствовалъ много лѣтъ и умеръ. Послѣ него Илиндча-ханъ занялъ мѣсто отца, и, нѣсколько лѣтъ правивъ народомъ, скончался. Его сынъ

Атли-ханъ, сдѣлавшись послѣ отца государемъ, нѣсколько лѣтъ проживъ въ удовольствіи и утѣхахъ, ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ. Потомъ сынъ его Атсизъ-ханъ, замѣстивъ отца, нѣсколько лѣтъ провелъ въ войнахъ съ врагами и на охотѣ за звѣрями и ушелъ вслѣдъ за своимъ отцемъ. Потомъ сынъ его Орда-ханъ, сдѣлавшись государемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вино и кумызъ пилъ, изъ китайской камки себѣ одежду кроилъ, и чрезъ глубокія воды смерти отправился въ слѣдъ за отцемъ своимъ. Послѣ него воцарился его сынъ, Бйду-ханъ, и нѣсколько лѣтъ самодержавствовалъ. Съ того времени, какъ Монголъ и Татаръ были государями, до времени Байду, не было вражды между сими народами. Потомки Монголъ-хана царствовали въ своемъ народѣ; потомки же Татаръ-хана—въ своемъ. Байду былъ неразсудительный, легкомысленный юноша: онъ вступилъ во вражду съ преемниками Монголъ-хановыми, и началъ дѣлать набѣги на ихъ владѣнія; но тогда пришла смерть, схватила его за воротъ и увлекла въ слѣдъ за отцемъ его. Послѣ того заступилъ мѣсто отца Сююнучь-ханъ; при Сююнучь-ханѣ между монгольскимъ и татарскимъ народами возгорѣлся пламень вражды столь сильный, что онъ не погасъ бы, хотя бы вылили на него воду рѣки Аму. Монголы всегда оставались побѣдителями. Если Богъ благоволитъ, мы, послѣ исторіи Монголовъ, перескажемъ о дѣлахъ Сююнучь-хана.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РАСКАЗЪ О МОНГОЛЪ-ХАНѢ И ЕГО ПРЕЕМНИКАХЪ ДО ЯВЛЕНІЯ ВЪ МІРЪ ЧИНГИЗЪ-ХАНА.

—

Корень слова Монголъ есть *мунгъ-улъ*. Народъ, уклонялсь отъ точнаго выговора, современемъ сталъ произносить Монголъ. Слово *мунгъ*, извѣстное всѣмъ Тюркамъ, значитъ печальный; *улъ* значитъ угрюмый, потому Монголъ значитъ: печальный-угрюмый. Въ этомъ племени девять человѣкъ были царями: первый изъ нихъ Монголъ-ханъ, послѣдній Иль-ханъ. Шарфъ-эд-динъ Езди въ введеніи къ Зафаръ-наме говоритъ: въ народѣ Тюркскомъ есть обычай всякое дѣло приводить къ числу девять; это употребленіе числа девять произошло отъ девяти монгольскихъ хановъ; также въ началѣ книги сказано было: Всевышній Богъ все сотворенное устроилъ по чинамъ; выше девяти онъ не сотворилъ никакого чина. Монголъ-ханъ царствовалъ много лѣтъ; у него было четыре сына: первый Кара-ханъ, вторый Узъ-ханъ, третій Кюзь-ханъ, четвертый Гюръ-ханъ. Монголъ-ханъ, поставивъ на свое мѣсто старшаго изъ своихъ дѣтей Кара-хана, оставилъ здѣшнюю жизнь.

РАЗСКАЗЪ О КАРА-ХАНѢ.

Послѣ своего отца онъ царствовалъ надъ всѣмъ народомъ. Лѣто онъ жилъ по горамъ Эръ-тагѣ и Картагѣ, которыя нынѣ зовутся Улугъ-тагъ и Кичикъ-тагъ; а когда наступала зима, онъ проводилъ время въ Каракумѣ и на берегу рѣки Сыръ. При Кара-ханѣ подданные его сдѣлались столь нечестивы что между ними не было ни одного мусульманина.

РАЗСКАЗЪ О РОЖДЕНІИ УГУЗЪ-ХАНА.

Устаршей жены Кара-хановой родился сынъ, котораго красота превосходила красоту луны и солнца. Трое сутокъ онъ не бралъ груди матери; въ каждую ночь дитя, являясь во снѣ матери своей, говорило: матушка! будь правовѣрною (мусульманкою); если ты не сдѣлаешься мусульманкою, то я не буду кормиться твоею грудью и умру. Мать не противилась сыну и увѣровала въ единаго Бога. Послѣ того дитя кормилось грудью матери. Мать его никому не сказывала о своемъ сновидѣніи и о томъ, что сдѣлалась мусульманкою; она таила это потому, что Тюркскій народъ, со времени Іафета до Аланча-хана бывшій мусульманами, съ того времени, какъ Аланча-ханъ сдѣлался государемъ, разбогатѣвъ, сталъ рабомъ богатства, забылъ Бога и сталъ нечестивымъ. При Кара-ханѣ онъ такъ ожесточился въ нечестіи, что сынъ, какъ скоро услышитъ, что его отецъ сдѣлался правовѣрнымъ, убивалъ отца своего, и отецъ убивалъ сына, узнавъ, что онъ сдѣлался мусульманиномъ. Въ это время у Монголовъ былъ обычай сыну не давать имени, доколѣ ему не исполнится года. Кара-ханъ, когда его сыну прошелъ годъ, предложилъ народу угощеніе доенія и сдѣлалъ большой пиръ. Во время

пира принесли дитя въ собраніе; Кара-ханъ сказалъ Бекамъ: этому сыну нашему исполнился годъ: такъ какое имя дадите ему? Беки не успѣли еще отвѣтить, какъ дитя, выговорило: мнѣ имя Угузъ.

Дитя, бывъ одного только года,
Рѣзво подбѣжавъ, промолвило:
Мнѣ имя Угузъ—великій Царь;
Это несомнѣнная истина для всѣхъ васъ, вельможи!

Всѣ бывшіе на пиру, и большіе и малые, услышавъ это слово ребенка, дивились и говорили: дитя само себѣ нарекло имя, лучше этого имени можетъ ли быть? Назвали его Угузъ и говорили: никто никогда не слышалъ и не видѣлъ, чтобы однолѣтнее дитя такъ говорило, и, гадая о его судьбѣ, предсказывали, что онъ будетъ долголѣтенъ, очень богатъ, что ладонь у него будетъ ровна, что рукавъ его будетъ широкъ. Когда Угузъ началъ говорить, то бѣгая непрестанно произносилъ: Аллахъ, Аллахъ! Всякой, кто слышалъ это, говорилъ: онъ дитя; не умѣя владѣть языкомъ, не смыслитъ, что говоритъ. Потому что слово Аллахъ есть арабское, а изъ Монголовъ ни одинъ отецъ не слышалъ арабскаго языка. Всевышній Господь создалъ его любимцемъ, святымъ, и свое имя положилъ ему въ сердце и на языкъ. Когда Угузъ пришелъ въ юношескій возрастъ, Караханъ сосваталъ за него дочь брата своего Гюръ-хана. Угузъ наединѣ сказалъ дѣвицѣ: исповѣдуй Бога, который сотворилъ міръ, тебя, насъ, которому имя Аллахъ! дѣлай только то, что онъ повелѣлъ. Но какъ невѣста не согласилась на это, то онъ тотчасъ всталъ и легъ на особомъ мѣстѣ. По ночамъ не ложась съ невѣстою, онъ днемъ не говорилъ съ нею. Чрезъ нѣсколько времени сказали Кара-хану: вашъ

сынъ не любитъ свою жену; не любя ея, онъ, со дня женитьбы, не ложится съ нею въ одномъ мѣстѣ. Караханъ, услышавъ это, сосваталъ за него дочь другаго брата Гюзь-хана. Угузъ-ханъ и этой дѣвицѣ также предложилъ принять вѣру, но и она не согласилась: а потому и съ нею вмѣстѣ онъ не ложился. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ произшествій. Угузъ-ханъ часто выѣзжалъ на охоту; однажды онъ на берегу рѣки увидѣлъ нѣсколько дѣвицъ, которыя мыли бѣлье; между ними была также дочь Узь-хана, брата отца его: онъ поопасся послать къ ней человѣка для переговора съ нею, дабы тѣмъ не открылась тайна, а потому самъ, отозвавъ ее въ сторону, говорилъ ей, заклиная ее хранить тайну: «отецъ мой бралъ за меня двухъ дѣвицъ; я не любилъ ихъ потому, что я правовѣрный, а онѣ обѣ невѣрныя, и когда я каждой изъ нихъ говорилъ: будь мусульманкою! они не соглашались; если ты сдѣлаешься правовѣрною, то я возьму тебя за себя.» Дѣвица отвѣчала: «въ какой вѣрѣ ты будешь, въ той буду и я.« Послѣ того Угузъ-ханъ переговорилъ съ отцемъ своимъ и Кара-ханъ, сдѣлавъ большой пиръ, взялъ дочь Узь-ханову за Угузъ-хана. Она сдѣлалась мусульманкою и Угузъ-ханъ очень любилъ ее. Послѣ этого прошло много лѣтъ. Въ одинъ день Угузъ-ханъ отправился въ отдаленное мѣсто на охоту; Кара-ханъ созвалъ къ себѣ своихъ родственниковъ и невѣстокъ, предложилъ имъ яства и въ продолженіе бесѣды спросилъ у своей жены: какая тому причина, что Угузъ послѣ взятую жену любитъ, а прежнія двѣ жены ему постылы? Жена его отвѣчала: не знаю; сами невѣстки лучше знаютъ это. Когда ханъ спросилъ о томъ невѣстокъ, тогда старшая изъ нихъ сказала: сынъ вашъ мусульманинъ; намъ обѣимъ онъ совѣтовалъ быть мусульманками, но мы не согласились; а младшая ваша невѣстка мусульманка, за то сынъ

вашъ очень ее любитъ. Кара-ханъ, когда услышалъ эти слова, то призвалъ къ себѣ Бековъ своихъ, и, посовѣтовавшись съ ними, рѣшилъ Угуза схватить на охотѣ и убить, и послалъ человѣка по своимъ владѣніямъ съ приказомъ, чтобы скорѣе люди собирались, ибо онъ выѣдетъ на охоту. Младшая жена Угузъ-хана, узнавъ этотъ умыселъ Кара-хана, отправила человѣка къ Угузъ-хану. Какъ скоро пересказано было все Угузъ-хану, онъ также отправилъ къ народу человѣка съ словами: «отецъ мой собираетъ войско для того, чтобы убить меня; кто держится меня, пусть идетъ ко мнѣ; кто держится отца моего, пусть пристаетъ къ нему». Многіе изъ народа пошли къ Кара-хану; не много людей пришли къ Угузъ-хану. У братьевъ Кара-хановыхъ было много сыновъ; ни одному изъ нихъ не вздумалось стоять за Кара-хана, а всѣ перешли къ Угузъ-хану. Угузъ-ханъ наименовалъ ихъ Уйгурами. Слово уйгуръ принадлежитъ тюркскому языку: значеніе его всѣмъ извѣстно, оно значитъ союзникъ. Такъ говорятъ: молоко ссѣлось (сють уйютти): когда молоко скисается, то въ немъ происходитъ раздѣленіе мужду частями; а когда ссаживаются сливки, то извѣстныя части между собою сцѣпляются. Подобнымъ образомъ говорятъ: я въ молитвѣ присоединился къ имаму (имамга уйюттимъ); т. е. когда имамъ сидитъ, то сидитъ съ нимъ и молящійся; если тотъ стоитъ, то и этотъ стоитъ: а это не есть ли союзъ? Когда они пришли къ Угузъ-хану и крѣпко схватились обѣими руками за полы одежды его, Угузъ-ханъ назвалъ ихъ Уйгурами, т. е. союзниками, приверженцами. Кара-ханъ и Угузъ-ханъ вывели свои полки и сразились между собою. Всевышній Господь даровалъ побѣду Угузъ-хану; Кара-ханъ обратился въ бѣгство. Въ битвѣ Кара-хану въ голову вонзилась стрѣла; но не

знали, кто ее пустилъ; Кара-ханъ отъ этой раны умеръ, а Угузъ-ханъ вступилъ на престолъ отца.

РАЗСКАЗЪ О ХАНСТВОВАНІИ УГУЗЪ-ХАНА.

Угузъ-ханъ пригласилъ всѣхъ своихъ подданныхъ къ правовѣрію: тѣмъ, которые сдѣлались мусульманами, онъ покровительствовалъ, а преслѣдовалъ тѣхъ, которые не принимали мусульманства; отцевъ онъ предавалъ смерти, а дѣтей ихъ дѣлалъ рабами. Въ то время много было владѣній кромѣ тѣхъ, которые зависѣли отъ Кара-хана. Въ каждомъ большомъ владѣніи былъ особый государь; ему подчинены были малыя области; области Кара-хана, исповѣдывавшія мусульманство, присоединились къ Угузъ-хану, а небывшія мусульманскими отошли къ другимъ ханамъ.

Угузъ-ханъ каждый годъ велъ войны съ областями въ юртѣ монгольскомъ и оставался побѣдителемъ. Напослѣдокъ всѣ ихъ взялъ; нѣкоторыя изъ нихъ, спасая себя бѣгствомъ, подчинились хану татарскому. Татары въ то время жили близъ Джурджита. Джурджитъ есть большой юртъ; города и селенія его находятся на сѣверной сторонѣ Большаго Хатая; Индійцы и Таджики называютъ его Чинъ. Угузъ сдѣлалъ нападеніе на Татаръ; ханъ ихъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ битву съ нимъ, но Угузъ одержалъ верхъ, и войску его досталась столь великая добыча, что всей не льзя было навьючить на лошадей, ихъ не достало для этого. Въ войскѣ былъ одинъ хорошій, прекрасный человѣкъ; онъ придумалъ сдѣлать телѣгу (арбу); по образцу ея всѣ дѣлали телѣги, и, наложивъ на нихъ добычу, повезли домой. Телѣгу назвали канкъ: прежде не было слова этого, какъ не было и самой телѣги. Ее назвали канкъ потому, что когда на ней

ѣхали, то она производила скрыпъ: *канкъ, канкъ*; а изобрѣтателя ея назвали Канкли. Весь народъ Канкли отъ этого человѣка происходитъ. Въ продолженіе семидесяти двухъ лѣтъ Угузъ-ханъ велъ войны съ Татарами, хотя Монголы и Татары были одной кости. На семьдесятъ третьемъ году онъ всѣхъ ихъ подчинилъ своей волѣ и сдѣлалъ мусульманами.

Послѣ того онъ завоевалъ Хатай, завоевалъ Джуржитъ и также Тангутъ, который Таджики называютъ Тибетъ. Послѣ того онъ покорилъ Кара-Хатай, который также большой юртъ: жители его, также какъ и Индусы, чернаго цвѣта. Между Индостаномъ и Хатаемъ, по берегу Океана, на зимнемъ востокѣ или на юго-востокѣ лѣтнемъ отъ Тангута, на той сторонѣ Хатая, на берегу моря, въ цѣпи большихъ горъ, было много народовъ. Государя этой страны звали Итъ-беракъ. Угузъ-ханъ противъ него выступилъ въ походъ съ своею конницею; произошла битва; Итъ-беракъ-ханъ побѣдилъ, Угузъ обратился въ бѣгство. По эту сторону того мѣста, гдѣ происходила битва, протекали двѣ большія рѣки; между сими рѣками остановившись на нѣсколько дней, онъ собралъ остатки разсѣяннаго войска. У великихъ государей, когда они отправляются въ далекій путь, есть обычай брать съ собою своихъ женъ; такимъ же образомъ отправлялись и нѣкоторые нукеры. При Угузъ-ханѣ былъ князь, который также отправился на войну съ женою. Въ битвѣ онъ палъ, а жена его спаслась и, въ слѣдъ за ханомъ, пришла въ его станъ между двумя рѣками. Она была беременна: ей настала пора родить, а какъ время было холодное, дома не было, то она родила сына въ дуплѣ дерева, у котораго внутренность сгнила. Когда объ этомъ донесли хану, онъ сказалъ: его отецъ въ битвѣ палъ при мнѣ; но это не бѣда! взялъ къ себѣ этого мальчика и

назвалъ его Кипчакъ. На древнемъ тюркскомъ языкѣ дуплистое дерево называютъ кипчакъ; а такъ какъ это дитя родилось въ дуплѣ дерева, то его назвали Кипчакъ. Въ нынѣшнее время дуплистое дерево называютъ *чабчакъ*: простолюдины, по неповоротливости языка своего, вмѣсто буквы *к* произносятъ въ семъ словѣ *ч*, и кипчакъ выговариваютъ чапчакъ. Ханъ при себѣ воспиталъ этого мальчика. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, народы Урусъ, Авлакъ, Маджаръ, Башкурдъ возмутились; Ханъ, поручивъ Кипчаку много народа и нукеровъ, послалъ его въ эту страну, на берега рѣкъ Дона и Итиля. Донъ и Итиль имена двумъ большимъ рѣкамъ. Триста лѣтъ онъ царствовалъ въ этой странѣ. Все народонаселеніе Кипчакское произошло отъ него. Со времени Угузъ-хана до Чингизъ-хана на берегахъ трехъ рѣкъ, Дона, Итиля и Яика, не было другаго народа кромѣ Кипчакскаго. Около четырехъ тысячъ лѣтъ они жили въ сихъ странахъ: потому сіи страны зовутъ Дешти-кипчакъ. Угузъ-ханъ, по прошествіи семи лѣтъ послѣ того, какъ былъ разбитъ Беракъ-ханомъ, опять предпринялъ походъ противъ Беракъ-хана, въ битвѣ разбилъ его и велѣлъ его умертвить; завладѣвши юртомъ его, онъ, не тревожа мусульманъ, избилъ тѣхъ, которые не вѣровали въ Бога, взялъ въ плѣнъ дѣтей ихъ и обратно прибылъ домой.

ПОХОДЪ УГУЗЪ-ХАНА ВЪ ТУРАНЪ И ИНДОСТАНЪ.

Угузъ-ханъ, собравъ войско въ областяхъ Монгольской и Татарской, выступилъ къ Телашу и Сираму. Цари Ташкендскій, Самаркандскій и Бухарскій, выставивъ войско, не могли съ нимъ ратовать, искали себѣ защиты въ большихъ городахъ и надежныхъ крѣпостяхъ. Угузъ-ханъ самъ осадилъ Сирамъ и Ташкендъ и взялъ ихъ, а къ Туркестану и

Анделжану послалъ сыновъ своихъ; они въ шесть мѣсяцовъ Туркестанъ и Анделжанъ подчинили власти отца. Угузъ-ханъ надъ всѣми оными областями поставилъ другъ и пошелъ къ Самарканду. Завоевавъ Самаркандъ, и, поставивъ надъ нимъ другу, выступилъ къ Бухарѣ. По взятіи Бухары, отправился къ Балху; завоевавъ Балхъ, пошелъ на область Гуръ. Была зима, время было самое холодное; въ горахъ Гура выпалъ большой снѣгъ и войско отказывалось итти, но Угузъ-ханъ, давъ приказъ, чтобы никто не отставалъ отъ него, шелъ далѣе и взялъ Гуръ. Съ началомъ года, когда наступила весна, онъ сдѣлалъ счетъ войску: нѣсколькихъ человѣкъ не доставало. При распросѣ о нихъ, никто о нихъ не зналъ; чрезъ нѣсколько дней эти люди пришли служить хану. Когда онъ спросилъ ихъ о ихъ состояніи, они отвѣчали: «насъ нѣсколько человѣкъ слѣдовало за войскомъ, но въ горахъ, когда въ одну ночь выпалъ глубокій снѣгъ, мы не могли итти и на томъ мѣстѣ остановились; наши кони, верблюды всѣ издохли; по наступленіи весны, мы пѣшкомъ пришли сюда.» Ханъ сказалъ: «эти люди пусть называются Карлыкъ.» Народъ Карлыкъ происходитъ отъ ихъ рода. Выступивъ отсюда, онъ взялъ Кабуль и Газнинъ, и пошелъ на Кашмиръ. Въ то время государемъ Кашмира былъ Ягма. Неприступныя горы и большія рѣки покрывали Кашмиръ; Ягма, въ надеждѣ на неприступность мѣстности, вздумалъ сопротивляться Угузъ-хану. Цѣлый годъ были между ними битвы; съ обѣихъ сторонъ пало много людей. Наконецъ Угузъ-ханъ взялъ Кашмиръ и велѣлъ убить Ягму; войско его было все истреблено. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, онъ чрезъ Бедехшанъ возвратился въ Самаркандъ, а отселѣ отправился въ Монголію и прибылъ восвояси.

ПОХОДЪ УГУЗЪ-ХАНА ВЪ ИРАНЪ, СИРІЮ И ЕГИПЕТЪ.

Пробывъ на мѣстѣ одинъ годъ, Угузъ-ханъ во второй годъ велѣлъ своимъ подданнымъ готовиться къ походу въ Иранъ и къ военнымъ трудамъ на нѣсколько лѣтъ. На слѣдующій годъ онъ выступилъ и прибылъ въ городъ Телашъ. Позади ханскаго войска были оставлены люди, для того, чтобы собрать всѣхъ усталыхъ, голодныхъ, сбившихся съ дороги и немогшихъ продолжать похода. Эти люди привели къ хану одного семейнаго человѣка, отставшаго отъ войска. Ханъ спросилъ его: для чего ты отсталъ? онъ отвѣчалъ: по недостатку средствъ къ переѣзду, я шелъ за войскомъ; жена моя, бывшая беременною, родила; у матери отъ голода не было молока для кормленія ребенка. На берегу рѣки я увидѣлъ, что шакалъ поималъ крохаля; я палкою бросилъ въ шакала, шакалъ убѣжалъ, оставивъ крохаля: я взялъ эту птицу, изжарилъ и ею кормилъ жену мою. Оставленные вами люди нашли меня и сюда представили. Ханъ, давъ этому бѣдняку лошадь, хлѣба и другія потребныя вещи, уволилъ его отъ похода, сказавъ: «калъ ачъ»! оставайся, голодный!—Отъ его рода произошелъ народъ Калъ-ачь; въ нынѣшнее время его называютъ Халджь. Изъ этого народа многіе живутъ въ Мавераннегрѣ, среди племени Еймакъ; ихъ много въ Хорасанѣ и Иракѣ.

Чрезъ Телашъ Угузъ-ханъ пришелъ въ Самаркандъ и Бухару. Переправясь чрезъ рѣку Аму, вступилъ въ Хорасанъ. Въ то время въ юртѣ Иранскомъ не было хорошаго государя; Кейумурсъ умеръ, а Гушенга еще не возвели на царство. Это время Арабы называютъ «Мюлюк-у-т-таваифъ», удѣльные царьки, т. е. въ каждомъ народѣ былъ свой начальникъ; а Тюрки называютъ это время «правленіемъ черныхъ

хановъ» т. е. въ каждомъ семействѣ простолюдинъ былъ Ханомъ, а потому въ каждомъ домѣ былъ свой Ханъ. Въ такомъ состояніи былъ въ это время юртъ Иранскій. Угузъ ханъ завладѣлъ Хорасаномъ; вышедъ изъ него, онъ занялъ Иракъ-аджамъ, Иракъ-арабъ, Азарбанджанъ, Арменію, Сирію до Египта. Онъ подчинилъ себѣ всѣ оныя государства, нѣкоторыя изъ нихъ смиривъ оружіемъ, другія договорами склонивъ къ подданству.

Угузъ-ханъ, находясь въ Сиріи, одному изъ своихъ слугъ тайно далъ золотой лукъ и три золотыя стрѣлы и сказалъ: поди, въ пустынѣ на востокѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не ступала нога человѣческая, зарой лукъ въ землю, одинъ конецъ его выставивъ наружу, а стрѣлы отнеси на западную сторону и положи ихъ также, какъ положишь лукъ. Этотъ человѣкъ сдѣлалъ такъ по царскому повелѣнію. По прошествіи одного года послѣ сего событія, онъ призвалъ къ себѣ трехъ старшихъ сыновъ своихъ, Кюна, Айя и Юлдуза, и сказалъ имъ: «я теперь нахожусь въ чужомъ юртѣ, дѣлъ у меня много, отправиться на охоту я не могу; но я слышалъ, что на восточной сторонѣ, въ такой-то пустынѣ, много дичи: вы съ своими нукерами туда отправьтесь, поохотившись, возвращайтесь!» Послѣ того онъ призвалъ трехъ меньшихъ своихъ сыновъ, Кюка, Тага и Тингиза, и, сказавъ имъ тоже, что говорилъ старшимъ ихъ братьямъ, послалъ ихъ въ западную сторону. Чрезъ нѣсколько дней три старшіе его сына принесли предъ Хана много дичи и вмѣстѣ золотой лукъ, а три младшихъ сына принесли къ Хану много пойманныхъ звѣрей и вмѣстѣ три золотыя стрѣлы. Вдобавокъ къ мясу пойманныхъ звѣрей приказавъ изготовить разныхъ кушаній, онъ созвалъ на пиръ народъ; гадалъ о найденныхъ лукѣ и стрѣлахъ и обратно отдалъ ихъ дѣтямъ. Три старшіе сына его, переломивъ лукъ, раздѣлили его между собою; а каждый изъ трехъ младшихъ сыновъ его взялъ по стрѣлѣ. Проживши много лѣтъ въ завоеванныхъ странахъ, Угузъ-ханъ уничтожилъ враговъ, облаготворилъ друзей, и во всѣхъ областяхъ, которыхъ голова Сирамъ, а ноги Египетъ, поставивъ правителей, возвратился въ свой юртъ.

ПИРЪ, ДАННЫЙ УГУЗЪ-ХАНОМЪ.

Угузъ-ханъ, радуясь, что онъ съ своими дѣтьми и народомъ совершилъ походъ здраво и благополучно, сдѣлалъ приготовленія къ большимъ пирамъ. Для того велѣлъ построить дворецъ, обложить золотомъ концы всѣхъ деревъ, украсить ихъ рубинами, яхонтами, изумрудами, бирюзою и жемчугомъ. Въ описаніи этого зданія заключаются стихи:

Домъ воздвигнулъ изъ злата Великій Властитель,
Домъ, красотою равный небеснымъ чертогамъ.

Къ пиру онъ велѣлъ заколоть девятьсотъ лошадей и девять тысячъ овецъ; велѣлъ сдѣлать изъ сафьяна девяносто девять сосудовъ: девять изъ нихъ велѣлъ наполнить виномъ, а девяносто кумызомъ, и созвалъ всѣхъ своихъ нукеровъ.

Угузъ-ханъ *шести сыновьямъ своимъ*, давъ умные совѣты и сдѣлавъ мудрыя наставленія, роздалъ области, города, села и стада. Это высказано въ слѣдующихъ стихахъ:

Угузъ на пиру показалъ свою щедрость.
Любовь изъявилъ къ шести сыновьямъ,
За то, что они, помогая отцу,

И храбрость и умъ въ дѣлахъ показали,
Усердно отцу помогали,
Въ битвахъ дѣлили труды.

Послѣ того онъ роздалъ своимъ цукерамъ города, области, селенія, сообразно заслугѣ каждаго, оказанной въ управленіи, въ военныхъ походахъ. А сыновьямъ своимъ сказалъ: «вы, три старшіе брата, нашли золотой лукъ и, изломавъ его, раздѣлили между собою: пусть ваше имя будетъ Бузукъ. Ваши дѣти и потомство будутъ называться также Бузукъ отъ сего дня и до кончины міра. Три младшіе сына, нашедшіе три золотыя стрѣлы, пусть называются Учь-укъ. Потомкамъ, отъ нихъ происшедшимъ, будетъ имя Учъ-укъ, отнынѣ и до кончины міра. Находка вами лука и стрѣлъ совершилась не по человѣческому устроенію, но по Божію. Прежде насъ умершіе люди царя уподобляли луку, а себя стрѣламъ, потому что изъ натянутаго лука въ которую сторону пущена будетъ стрѣла, туда она и летитъ. Послѣ моей смерти на престолъ мой долженъ возсѣсть Кюнь-ханъ. Послѣ него изъ рода Бузука кто будетъ способенъ къ царствованію, того народъ пусть и ставитъ царемъ: до скончанія вѣка лучшій изъ Бузуковъ да избирается въ цари. Прочіе изъ нихъ пусть садятся при ханѣ на правой сторонѣ; а Учь-уки пусть садятся на лѣвой сторонѣ, до скончанія міра усердно служа первымъ».—Угузъ-ханъ, царствовавъ сто шестнадцать лѣтъ, отошелъ къ милосердію Божію.

ЦАРСТВОВАНІЕ КЮНЬ-ХАНА, СТАРШАГО СЫНА УГУЗЪ-ХАНОВА.

Сынъ одного старца изъ поколѣнія Уйгуровъ, какъ его назвалъ Угузъ-ханъ, по имени Иркиль-ходжа былъ везиремъ и повѣреннымъ Угузъ-хана, во все

время его царствованія, человѣкъ умный, разсудительный и много знающій. Кюнь-ханъ также его поставилъ везиремъ и до своей смерти поступалъ по его совѣтамъ. Иркиль-ходжа жилъ очень долго. Однажды, когда ханъ былъ одинъ, онъ сказалъ ему: отецъ твой въ продолженіе ста шестнадцати лѣтъ, въ зной лѣтній не сидѣлъ въ тѣни шатра, въ холодъ зимній не скрывался въ дому, но мечемъ завоевалъ много государствъ и оставилъ ихъ вамъ шестерымъ. Если вы шестеро и всѣ ваши дѣти будете жить согласно между собою, то на долгія лѣта и многіе дни владѣнія ваши не отойдутъ отъ власти вашей. Но если вы не будете согласны между собою, то отъ васъ отойдутъ и пріобрѣтенныя вами и родовыя владѣнія, и недвижимое и движимое имѣніе погибнетъ. Кюнь-ханъ сказалъ: вы отцу моему были всегда совѣтникомъ; теперь вы какое дѣло ни одобрите мнѣ, оставшемуся безъ отца, я его исполню. Иркиль-ходжа сказалъ: послѣ Угузъ-хана осталось много государствъ, городовъ, областей, недвижимаго и движимаго имѣнія; а у васъ шести братьевъ по четыре сына, и всѣхъ двадцать четыре царевича. Я опасаясь, чтобы, при множествѣ лицъ царскаго дома (я не разумѣю здѣсь васъ шестерыхъ), не рушилось взаимное ваше согласіе, изъ мірскихъ выгодъ.

Злато, имѣнье, одежда, стада
Пусть различаются знакомъ у васъ:
У каждаго будетъ особенный знакъ.
Эти тамги замѣнятъ имена и прозванья.
Всякой, по нимъ узнавая долю свою,
Руку удержитъ отъ хищенья чужаго.
Каждый, кто родъ свой отъ васъ поведетъ,
Пусть поступаетъ по силѣ устава сего.
Слыша это слово Иркиля-ходжи,
Одобрилъ совѣтъ маститаго старца.

Кюнъ-ханъ, благосклонно принявъ совѣтъ Иркиль-ходжи, созвалъ большой курултай. Когда собрались на него всѣ, и сановники и простолюдины, онъ роздалъ царевичамъ оставшееся послѣ Угузъ-хана богатство, владѣнія, области, движимое и недвижимое имѣніе, соотвѣтственно праву каждаго изъ царевичей—большимъ по большей долѣ, меньшимъ по меньшей долѣ. Эти двадцать четыре сына были отъ законныхъ женъ, но кромѣ ихъ были сыновья отъ наложницъ: онъ также имъ далъ части соотвѣтственно ихъ достоинству.—Послѣ того онъ велѣлъ убрать золотой домъ, который выстроенъ былъ по повелѣнію Угуза: велѣлъ поставить на правой сторонѣ шесть бѣлыхъ шатровъ и на лѣвой сторонѣ шесть бѣлыхъ шатровъ; также велѣлъ поставить въ концѣ правой стороны дерево въ сорокъ саженъ, къ которому прикрѣпили золотые значки, и при началѣ лѣвой стороны *сороко-саженное дерево съ серебряными значками*. Потомъ, по ханскому распоряженію, Бузуковичи съ своими нукерами, скача на коняхъ, стрѣляли въ золотые значки, и попадавшимъ въ нихъ ханъ давалъ награды; Учуковичи съ своими нукерами, скача на коняхъ, стрѣляли въ серебряные значки и попадавшимъ въ цѣль онъ давалъ большія награды. Кюнь-ханъ, подражая отцу своему, велѣлъ заколоть девятьсотъ коней и девять тысячъ овецъ, налить вина въ девять сафьянныхъ сосудовъ и въ девяносто сафьяныхъ сосудовъ кумыза. Сорокъ сутокъ пировали и веселились.

ИМЕНА СЫНОВЪ И ВНУКОВЪ УГУЗЪ-ХАНОВЫХЪ.

У Угузъ-хана было шесть сыновъ: старшему изъ нихъ имя Кюнь-ханъ, второму Ай-ханъ, третьему Юлдузъ-ханъ, четвертому Кюкъ-ханъ, пятому Тагъ-ханъ, шестому Тингизъ-ханъ. У каждаго изъ

нихъ было по четыре сына: одни изъ нихъ родились отъ законныхъ женъ, другіе отъ наложницъ; ихъ здѣсь мы перескажемъ. У Кюнь-хана четыре сына: первый Калы, вторый Баятъ, третій Алка-Уйлы, четвертый Кара-уйлы. У Ай-хана четыре сына: первый Язиръ, вторый Ябиръ, третій Дудурга, четвертый Дукеръ. У Юлдузъ-хана четыре сына: первый Ушаръ, вторый Курнукъ, третій Бегдали, четвертый Каркинъ. У Кюкъ-хана четыре сына: первый Баяндуръ, вторый Бачина, третій Джаулдуръ, четвертый Чебни. У Тагъ-хана четыре сына: первый Салуръ, вторый Амра, третій Алаюнъ-атлы, четвертый Узгаръ. У Тингизъ-хана четыре сына: первый Икдурь, второй Беклузъ, третій Ава, четвертый Кенекъ. У каждаго изъ шести сыновъ Угузъ-хановыхъ было еще, сверхъ поименованныхъ, по четыре сына, рожденныхъ отъ наложницъ; вотъ имена ихъ, только *неизвѣстно, кто изъ нихъ чей былъ сынъ*: Кене, Кюне, Турбатлы, Герайлы, Султанлы, Оклы, Кюкли, Сючлы, Герасанлы, Юрунчи, Джамчи, Турумчи, Кой, Сюркы, котораго въ нынѣшнее время называютъ Сюрхи, Курчикъ, Сяварчикъ, Карачикъ, Казгургъ, Киргизъ, Такинъ, Лала, Мурда, Шуй, Санръ.–Значеніе именъ двадцати четырехъ внуковъ Угузъ-хановыхъ: Калы значитъ крѣпкій; Баятъ значитъ счастливый; Алка-уйлы значитъ пріятный; Кара-уйлы значитъ жителя на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только будетъ жить; Язиръ значитъ господинъ народовъ; Ябиръ значитъ низлагающій все встрѣчающееся; Дудурга значитъ завоеватель и хранитель владѣнія; Дукеръ значитъ круглый; Ушаръ значитъ быстро дѣлающій; Курнукъ значитъ старшій; Бекдали значитъ обильный благами; Каркынъ значитъ дѣятельный. Баяндуръ значитъ счастливый; Бачина значитъ старательный; Джаулдуръ значитъ знаменитый; Чени значитъ герой; Салуръ значитъ имѣющій домъ; Амра значитъ величайшій

богачъ; Алаюнъ-атлы значитъ имѣющій пегаго коня; Узгиръ—совершитель прекрасныхъ дѣлъ; Икдуръ значитъ великій; Бекдузъ значитъ услужливый; Ава значитъ высокостепенный; Кенекъ значитъ славный.

Кюнь-ханъ царствовалъ семьдесятъ лѣтъ; отходя къ милосердому Богу, онъ возвелъ на свое мѣсто своего брата Ай-хана.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЙ-ХАНА.

Ай-ханъ былъ человѣкъ прекрасный, умный, твердый, образованный; онъ, руководствуясь совѣтами своего отца и старшаго брата, въ продолженіе многихъ лѣтъ шелъ путемъ, который проложенъ былъ отцемъ его и наконецъ отошелъ къ милосердію Божію.

ЮЛДУЗЪ-ХАНЪ.

Онъ былъ также прекрасный государь, но мы не знаемъ навѣрно, въ какомъ родственномъ отношеніи былъ къ Ай-хану: внукъ-ли или побочный братъ ему. У Ай-хана былъ младшій братъ, по имени Юлдузъ, но не этотъ Ханъ: кто бы онъ ни былъ, только онъ былъ изъ рода Угузъ-ханова. Царствовавъ нѣсколько лѣтъ, онъ назначилъ на престолъ послѣ себя своего сына Менгли и потомъ умеръ.

МЕНГЛИ-ХАНЪ.

Менгли-ханъ былъ также прекрасный государь; онъ нѣсколько лѣтъ также ѣлъ мясо, пилъ кумызъ, ходилъ въ одеждѣ изъ бѣлыхъ горностаевъ и черныхъ соболей; обнималъ прелестныхъ какъ луна и солнце; ѣздилъ на рысакахъ, бѣгучихъ какъ ртуть,

быстрыхъ какъ вѣтръ, леталъ, куда влекло сердце его, и ушелъ въ другой міръ, посадивъ на своемъ мѣстѣ сына Тингизъ-хана.

ТИНГИЗЪ-ХАНЪ.

Тингизъ-ханъ также много лѣтъ царствовалъ; онъ жилъ долго; состарѣвшись, поручилъ царство сыну своему Иль-хану и, нѣсколько лѣтъ послуживъ Богу, умеръ.

ВЗАИМНАЯ ВРАЖДА МОНГОЛОВЪ И ТАТАРЪ. ИЛЬ-ХАНЪ.

Иль-ханъ былъ государемъ монгольскаго народа. Прежде мы говорили, что девятымъ ханомъ татарскимъ былъ Сююнучь-ханъ: Иль-ханъ и Сююнучь-ханъ *были современники. Между ними происходили* непрестанныя битвы и грабительскіе набѣги. Иль-ханъ оставался побѣдителемъ, потому Сююнучь-ханъ, отправивъ посла, съ большими подарками, къ Киргизскому Хану и обѣщавъ еще большія въ послѣдствіи, склонилъ его къ союзу съ собою. Страны Татаръ были многолюдны; жителей въ нихъ было болѣе, нежели во всѣхъ монгольскихъ поколѣніяхъ, но какъ одинъ родъ непрестанно съ другимъ велъ междоусобныя битвы, то Монголы ихъ преодолѣвали; въ тюркскихъ волостяхъ не было ни одной, гдѣ бы не раздавался голосъ Монгола, куда не доставала бы рука его, потому всѣ волости стонали отъ монгольскихъ притѣсненій. Сююнучь-ханъ, подружившись съ Киргизскимъ ханомъ, разослалъ по всѣмъ волостямъ пословъ съ приказаніемъ, чтобы на помощь ему народъ въ такой-то день собрался на извѣстномъ мѣстѣ, дабы отмстить Монголамъ за зло, ими сдѣланное. Жители означенныхъ странъ, собравшись въ одно мѣс-

то, пошли на Монголовъ. Монголы, собравъ въ одно мѣсто свои кибитки и имѣніе, окопали кибитки рвомъ. Сюнучь-ханъ напалъ на нихъ и, въ продолженіе десяти дней, вступалъ въ битвы съ ними, но каждый день Монголы одолѣвали. Въ одинъ день ханы и беки, подъ начальствомъ Сюнучь-хана, въ потаенномъ мѣстѣ составили общій совѣтъ и говорили: сколько мы ни ухитряемся противъ Монголовъ, но дѣла наши идутъ худо. Потому на слѣдующее утро они привели въ исполненіе слѣдующую придуманную хитрость: войско ихъ, какъ бы ослабленное битвами, обратилось въ бѣгство, бросило тяжести и худшее имѣніе, и стало удаляться; Монголы, не зная, что ихъ заманиваютъ въ битву, пустились ихъ преслѣдовать и настиги ихъ; Татары, увидѣвъ Монголовъ, воротились, стали въ боевой порядокъ, сразились, побѣдили и совершенно истребили Монголовъ. Какъ кибитки Монголовъ были всѣ собраны въ одно мѣсто, то Татары захватили ихъ со всѣмъ богатствомъ, такъ что ничего не было спасено: всѣ большіе изъ плѣнниковъ избиты мечемъ, а молодые сдѣланы рабами; каждый взялъ по одному плѣнику; изъ Монголовъ не осталось ни человѣка, а оставшіеся въ живыхъ исправляли должность прислужниковъ, и къ какой волости принадлежалъ его господинъ, по оной и тотъ сталъ называться: однимъ словомъ, въ мірѣ не осталось ни одного Монгола.

ПЕРЕХОДЪ КЫЯНА И НЮГУЗА ВЪ ЭРКЕНЕКУНЬ И ОСНОВАНІЕ ТАМЪ ЮРТА.

Когда Сюнучь истребилъ Монголовъ, дѣти Иль-хана, которыхъ было много, всѣ погибли въ битвахъ. У Иль-хана былъ младшій сынъ по имени Кыянъ, въ тотъ годъ онъ его женилъ; у младшаго брата Иль-ханова былъ сынъ, по имени Нюгузъ, однихъ лѣтъ съ

Кыяномъ, также въ томъ году женился. Оба они попали въ руки людей изъ одного коша. По прошествіи десяти дней, ночью они оба съ своими женами сѣли на лошадей и бѣжали, и пріѣхали въ свой юртъ. По прибытіи въ юртъ, они нашли въ немъ болѣе, нежели четвертую часть разнаго скота, и совѣтуясь, между собою, говорили: если мы войдемъ въ сношеніе съ жителями, то они на всѣхъ четырехъ сторонахъ будутъ намъ врагами; если мы, не выходя никуда, останемся въ своемъ юртѣ, то намъ нельзя будетъ не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, на дорогѣ-ли, на мѣстѣ-ли; такъ лучше того и другаго сдѣлаемъ, если въ горахъ отыщемъ себѣ такое мѣсто, куда никому нѣтъ дороги. И такъ они, взявъ свой скотъ, пошли въ горы; среди горныхъ утесовъ пробираясь по дорогѣ, пробитой горными баранами, поднялись на гору и стали на верхнемъ уступѣ ея. Осмотрѣвшись хорошенько вокругъ себя, они увидѣли, что туда не было другой дороги, кромѣ той, по которой они пришли: дорога эта была такова, что верблюдъ или конь съ большимъ трудомъ могъ проходить по ней, и, при одномъ невѣрномъ шагѣ, могъ пасть и разбиться. Посреди же горъ была безпредѣльная площадь, гдѣ текли рѣки и ручьи, было много разныхъ плодовитыхъ деревъ, разнообразные виды травъ. Увидѣвъ эту землю, они воздали благодареніе Богу. Зимою они питались мясомъ стадъ своихъ, весною пили молоко ихъ, изъ кожъ ихъ дѣлали одежду. Это мѣсто назвали они Эркене-кунъ. Эркене значитъ горная цѣпь, а кунъ значитъ острый. Въ горахъ былъ снѣгъ.—У обоихъ ихъ было много дѣтей и большія семейства: у Кыяна было больше дѣтей, у Нюгуза меньше. Кыяновъ родъ называли Кыятъ; Нюгузовъ родъ носилъ два имени: нѣкоторыхъ изъ нихъ называли Нюгузъ, другихъ Дюрюльганъ. Кыянъ значитъ потокъ, который съ силою стремится изъ горы внизъ. Иль-хановъ сынъ былъ человѣкъ сильный,

быстрый, потому его назвали Кыяномъ. Кыятъ есть множественное число слова Кыянъ. Дѣти этихъ двухъ человѣкъ много лѣтъ жили въ Эркене-кунѣ; ладонь ихъ расширилась, бока ихъ раздались: каждое семейство сдѣлалось особливымъ аймакомъ и носило имя своего родоначальника; если Богъ позволитъ, мы будемъ говорить о всѣхъ ихъ. Аймакъ значитъ кость; тюркскаго народа люди, спрашивая кого-нибудь, говорятъ: изъ какого ты аймака? т. е. изъ какой ты кости (рода)? Болѣе четырехсотъ лѣтъ они жили въ Эркене-кунѣ; стада скота ихъ такъ размножились, что имъ стало тѣсно. Потому они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, сѣли и совѣтовались между собою. Тутъ они говорили: отъ отцевъ нашихъ мы слышали, что внѣ Эркенекуна есть обширныя земли и хорошія сельбища, которыя прежде были нашими юртами; Татары, съ другими поколѣніями, истребивъ наши роды, завладѣли нашими юртами. Слава Богу, въ настоящее время наши головы не таковы, чтобы намъ, боясь враговъ, прятаться въ горахъ. Поищемъ дороги изъ-среды горы и перейдемъ отсюда: кто захочетъ быть другомъ нашимъ, съ тѣмъ и мы будемъ въ ладу, а съ врагами будемъ бороться. Всѣ они, считая эти слова разумными, стали искать дороги для выхода, но не находили ея. Тутъ одинъ кузнецъ сказалъ: въ такомъ-то мѣстѣ есть желѣзный рудникъ: уподобится гора долинѣ, если въ ней растопить желѣзо. Они пошли, осмотрѣли мѣсто и согласились на умное мнѣніе кузнеца. На плечахъ наносили дровъ и углей и на широтѣ горы положили слой дровъ и слой угольевъ, завалили ими вершину горы, и уступы боковъ ея, и скаты ея, и, сдѣлавъ изъ кожъ семьдесятъ мѣховъ, на семидесяти мѣстахъ поставили ихъ и стали сильно дуть. Когда всемогуществомъ Божіимъ огонь разгорѣлся, гора расплавившись растеклась, и открылась дорога такая, что могъ пройти навьюченный верблюдъ. Нѣсколько дней и почей они выбирались изъ горъ. Съ этого времени у Монголовъ вошло въ обычай праздновать этотъ день и класть въ огонь кусокъ желѣза и его раскаливать. Прежде Ханъ, взявши щипцами желѣзо, кладетъ его на наковальню, ударяетъ по нему молотомъ, Князья послѣ его. Этотъ день много почитаютъ какъ день, въ который они, вышедши изъ тѣснины, возвратились въ юртъ праотцовскій. Въ то время Государемъ Монголовъ былъ Бурте-чино, изъ рода Кыянова, изъ поколѣнія Курласъ. Онъ во всѣ области разослалъословъ съ извѣстіемъ о выходѣ своемъ изъ Эркене-куна. Нѣкоторыя изъ нихъ явились къ нимъ дружелюбными, другія враждебными. Татары стали съ ними во враждебныя отношенія. Оба эти народа, Татары и Монголы, составивъ ополченія, вступили въ битву; Монголы, одержавъ побѣду надъ Татарами, взрослыхъ изъ нихъ истребили мечемъ, малолѣтнихъ сдѣлали рабами. Такъ чрезъ четыреста пятьдесятъ лѣтъ Монголы отмстили за кровь свою и за имѣніе свое и стали жить въ юртѣ прадѣдовъ. Изъ поколѣній тюркскаго племени, живущаго на сихъ мѣстахъ, не было ни одного многочисленнѣе и многолюднѣе Татаръ: Монголы, возвратившись изъ Эркене-куна, истребивъ Татаръ и занявъ отцовскія земли, стали господствовать во всѣхъ татарскихъ областяхъ. Татары нѣкоторыхъ областей, отдавшись подъ защиту Монголовъ, не омонголились, но, соединившись съ Монголами, сами себя называли также Монголами.

ПЕРЕЧЕНЬ ТЮРКСКИХЪ И МОНГОЛЬСКИХЪ ПОКОЛѢНІЙ.

Исторію монгольскихъ и тюркскихъ поколѣній, ихъ происхожденіе, имена и прозванія описалъ Ходжа-рашидъ Казвини. Онъ говоритъ: «изъ династіи государей рода Чинчизъ-ханова, царствовавшихъ въ Иранѣ, первый принялъ мохаммеданство Газанъ-*ха*

будетъ надъ нимъ милость Божія!— сынъ Аргуна, сына Тулы-хана, сына Чингизъ-ханова. Сдѣлавшись государемъ и избравъ себѣ мѣсто въ подножіе трона, онъ призвалъ меня предъ лице своей благосклонности и сдѣлалъ Везиремъ, вручивъ мнѣ управленіе всѣмъ Иранскимъ царствомъ. По прошествіи одного года, онъ въ одно время призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «слава Богу, мы сдѣлались мусульманиномъ! Со времени прибытія сюда изъ Монголіи моего дѣда, Гулагу-хана, прошло два или три рода; Монголы, которые послѣ насъ родятся, забудутъ языкъ, слова, земли, области, поколѣнія свои и не будутъ знать. Племенъ въ Монголіи много, нѣкоторыя изъ нихъ отъ Монгольской кости, нѣкоторыя не Монголы. Все это ты собери и опиши.» Когда онъ далъ это повелѣніе, я сказалъ: одному одно дѣло сдѣлать можно, но вы возлагаете на меня большой трудъ. Ханъ сказалъ: «это дѣло исполнить никто кромѣ тебя не можетъ. У насъ есть книги, написанныя на монгольскомъ языкѣ; есть люди, помнящіе происшествія, которыя не описаны. Потому ко мнѣ представили до шести человѣкъ изъ Монголовъ, знающихъ древній монгольскій языкъ. При Ханѣ также былъ высшій сановникъ, Бекъ, по имени Буладъ, прозывавшійся Чингсангъ. «Лучше тебя, сказалъ ему Ханъ, въ настоящее время никто не знаетъ первоначальныхъ событій въ Монгольскомъ племени; также ты знаешь монгольскій языкъ и читаешь книги на ономъ», и Ханъ далъ повелѣніе, чтобы Буладъ Чингсангъ Бегадиръ былъ начальникомъ этого комитета. Тогда былъ семьсотъ второй годъ хиджры; написавъ лѣтопись, я назвалъ ее «Историческимъ сборникомъ.» Эта Рашидъ-эд-динова исторія теперь предо мною убогимъ. Кромѣ ея, у меня подъ рукою семнадцать историческихъ сочиненій о Чингизѣ, о которыхъ я говорилъ еще въ началѣ моего сочиненія; изъ нихъ дѣлая выписки, я

составляю эту родословную. Такъ называемые писцы, люди съ небольшимъ образованіемъ и смысломъ, составляя рукописи этихъ книгъ—въ продолженіе трехсотъ семидесяти двухъ годовъ послѣ Рашидъ-эд-дина, было написано навѣрно до двадцати или тридцати экземпляровъ его творенія—въ каждой новой рукописи исказили многія слова; во всякой лѣтописи третью часть или половину испортили. Въ лѣтописяхъ наименованія горъ, рѣкъ, мѣстъ, имена лицъ на монгольскомъ или тюркскомъ языкѣ; писцы, переписывавшіе тѣ сочиненія, будучи Персіянами или Таджиками, не знали ни монгольскаго, ни тюркскаго языка. Какого-нибудь Таджика если дней десять учить выговаривать имена монгольскія, онъ не выучится, то какъ онъ напишетъ ихъ? Меня убогаго Всевышній Господь въ такой мѣрѣ надѣлилъ знаніемъ языковъ тюркскаго и персидскаго, ихъ нарѣчій и терминовъ съ условными значеніями, что въ нынѣшнее время между Тюрками и Таджиками не найдется человѣка, которому бы дано было столько, сколько мнѣ: сверхъ того, по нѣкоторымъ дѣламъ, я отправлялся къ Калмыкамъ, прожилъ тамъ годъ, хорошо изучилъ языкъ, обычаи и техническія слова монгольскіе. Эту лѣтопись я изложилъ на тюркскомъ языкѣ, дабы ее знали всѣ, хорошіе и плохіе изъ людей. Притомъ потюркски я такъ излагалъ, что и пятилѣтній ребенокъ можетъ понимать меня; чтобы быть яснымъ, я не примѣшивалъ словъ изъ нарѣчія тюркско- джагатайскаго, изъ языковъ персидскаго и арабскаго. У меня на сердцѣ есть желаніе изложить эту книгу на персидскомъ языкѣ, если позволитъ это Богъ и не придетъ за мной ангелъ смерти. Но обратимся къ историческому разсказу, отъ котораго я уклонился, говоря такъ много о себѣ, и во-первыхъ перескажемъ то, что знаемъ о племенахъ не-монгольскихъ; потомъ, если Богъ благоизволитъ, будемъ говорить о Монголахъ.

ТЮРКСКІЯ ПОКОЛѢНІЯ.

Въ исторіи объ Угузъ-ханѣ мы сказали, что въ землѣ тюркскаго племени находится пять поколѣній, носящихъ общее имя Тюрковъ: Уйгуры, Кангли, Кипчакъ, Калъ-ачь, Карлыкъ.

Дѣти Угуза, не отдѣляясь отъ Тюркмановъ, занимали Мавераннегръ и Хорасанъ.

Кипчаки жили между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ.

Кангли жили вмѣстѣ съ Тюркманами; перешедши въ область Тюркмановъ, они поселились на берегахъ Иссикъ-кюля, Джуды и Телаша, здѣсь жили много лѣтъ. Одинъ изъ государей Ургенча, Тикешъ-ханъ взялъ за себя дочь одного канглійскаго вельможи, которой имя было Тиркянь. Отъ нея родился Султанъ Мохаммедъ, Харезмскій Шахъ. Султанъ Мохаммедъ былъ великій государь. Владѣнія его простирались съ одной стороны до Индостана, съ другой до Андеджана и Туркестана, на третьей сторонѣ до Арабистана, на четвертой до Рума; столицею его былъ Ургенчь. Изъ Канглійскаго народа всѣ, бывшіе въ близкомъ родствѣ съ его супругою, переходили на службу Султана, принимали мусульманскую вѣру и получали должности. Старшій родной братъ государыни Тиркяни, по имени Хеммаръ-тиганъ, перешолъ на службу Султану, сдѣлался мусульманиномъ: Султанъ далъ ему должность Даруги въ Ургенчѣ. Сынъ младшаго брата Тиркянова отца, Иналчикъ, перешедши къ Султану, принялъ мусульманство, и Султанъ пожаловалъ ему область Туркестанскую, гдѣ онъ и былъ правителемъ. Съ этого дня, говорилъ ему Султанъ, тебя никто не долженъ звать Иналчикомъ; но

да назовутъ Гуръ-Ханомъ. Когда изъ Кангліевъ одинъ прекрасный человѣкъ, по имени Кюкъ, пришелъ къ Султану, онъ, назвавъ его Кюкъ-ханомъ, отдалъ ему Бухару. Всѣхъ изъ перешедшихъ къ Султану Мохаммеду, Харезмскому шаху Кангліевъ и сдѣлавшихся слугами его было до шестидесяти тысячъ. Въ Джудѣ и Телашѣ осталось ихъ также до десяти тысячъ семействъ. Чингизъ-Ханъ, во время нашествія на Телашъ, всѣхъ жившихъ тамъ Кангліевъ захватилъ и истребилъ всѣ юрты. Кангліевъ нынѣ уже нѣтъ, какъ и народа того, который составлялъ царство Харезмское. Скитавшіеся въ этомъ царствѣ Кангліи, въ послѣдующее время, соединились между собою и представляютъ въ себѣ остатокъ преждебывшаго поколѣнія.

ПОКОЛѢНІЕ КАРЛЫКЪ.

Карлыки, основавши свое жительство въ высокихъ горахъ Монголіи, занимались земледѣліемъ; у нихъ было также и скотоводство; поставивъ одного лучшаго изъ среды себя человѣка государемъ себѣ, по смерти его они опять избирали кого-нибудь. Ихъ было не много: въ лучшее время ихъ считалось до двухъ тысячъ семействъ. Около четырехъ тысячъ лѣтъ они жили въ этомъ обиталищѣ, до того времени, какъ Чингизъ-ханъ, сдѣлавшись государемъ Монголіи и подчинивъ своей власти другіе народы, послалъ къ Карлыкамъ Барласъ Кублая Нойяна съ требованіемъ покорности ему. Въ то время государемъ Карлыкскимъ былъ Арсланъ-Ханъ. Онъ вмѣстѣ съ Кублай Нойяномъ отправился къ Чингизъ-хану съ большими дарами, въ главѣ которыхъ ставилъ свою дочь. Представясь Хану, онъ поклялся до своей смерти преклонять свою выю къ служенію Хану, который также одну изъ дочерей своего семейства вы-

далъ за него и, обѣщавъ ему свою защиту и покровительство, позволилъ ему возвратиться въ свою землю. Тутъ Чингизъ-ханъ, обративши взоръ къ своимъ бекамъ, сказалъ: «ему ли называться Арсланъ-Ханомъ? Отнынѣ должно называть его Арсланъ-Сиракъ.» Монголы на своемъ языкѣ Сиракомъ называютъ Таджика.

ПОКОЛѢНІЕ УЙГУРЪ.

Слово Уйгуръ значитъ союзникъ. Такъ говорятъ: молоко ссѣлось, *уйюди*; когда молоко свѣже, то части его отдѣлены одна отъ другой; когда же оно ссядется, то онѣ не отдѣляются одна отъ другой: потому ссѣсться-*уйю*-тоже значитъ, что соединиться, пристать одному къ другому, быть въ союзѣ. Также говорятъ: я присоединился-*уйюдымъ*- къ Имаму, т. е. если Имамъ сидитъ, то и другіе, совершающіе молитву, сидятъ; если онъ стоитъ, то и тѣ стоятъ: потому это есть какъ бы союзъ между ими. Сказываютъ, что въ Монголіи есть двѣ горы, весьма высокія, которыя тянутся отъ Востока къ Западу; одна изъ нихъ зовется Тукрату-Бузлукъ, другая Ускунлукъ-Тикрамъ. Между сими двумя горами, въ западной сторонѣ Монголіи, еще лежитъ гора Кутъ-тагъ. Среди этихъ горъ протекаетъ въ одномъ мѣстѣ десять рѣкъ, въ другомъ девять: всѣ онѣ большія рѣки. На этихъ рѣкахъ были жилища древнихъ Уйгуровъ: жившіе на десяти рѣкахъ назывались Унъ-уйгуръ; жившихъ при девяти рѣкахъ звали Тукузъ-Уйгуръ. У нихъ было много городовъ, деревень и пахатныхъ земель: ихъ всѣхъ было сто двадцать волостей. Но какъ они не избирали себѣ государя, что бы подчиниться его велѣніямъ, то пришли въ разстроенное состояніе. Однажды всѣ они, составивъ сеймъ, на общемъ совѣтѣ постановили: «Насъ двѣ отдѣльныя области; пусть

каждая выберетъ себѣ начальника. Кто не будетъ повиноваться его слову, у того онъ пусть отберетъ имѣніе и накажетъ его смертью.» Посему Унъ-уйгуры поставили въ своей волости начальникомъ Мингу-таія, давъ ему титулъ Иль-ильтыръ; Тукузъ-Уйгуры избрали для своей волости своего начальника, назвавъ его Кюль-иркинъ. Дѣти ихъ были правителями около ста лѣтъ. Съ того времени Уйгура, который былъ правителемъ въ Унъ-уйгурахъ, называли Иль-ильтыромъ; а того, который былъ правителемъ у Тукузъ-уйгуровъ, Кюль-Иркиномъ: такъ они называли своихъ правителей въ продолженіе многихъ лѣтъ, а послѣ всякаго начальника называли Идикутомъ. Значеніе слова *иди* всякому извѣстно: оно значитъ пустилъ, далъ, какъ говорятъ: нитку пустилъ, *ипъ иди*; корова молока не держитъ, даетъ, *сыгыръ иди*. А словомъ *кутъ* тюркскіе народы называютъ жизнь, счастіе; они говорятъ кому-либо: конь твой или одежда твоя да послужитъ къ счастію твоему, къ жизни твоей—«кутлы булсынъ.» Если ея хозяинъ не будетъ живъ, то какъ она послужитъ къ его благополучію? Такъ *иди-кутъ* значитъ посылающій жизнь всему народу. Около трехъ тысячъ лѣтъ Уйгуры жили въ одномъ мѣстѣ; послѣ того они пришли въ разстройство, будучи уводимы въ плѣнъ и въ рабство. Нѣкоторые изъ нихъ остались на мѣстѣ жительства; другіе перешли на берега Иртыша, раздѣлившись здѣсь на три общины. Одна изъ этихъ общинъ пришла къ городу Бишъ-балыку и, занявшись земледѣліемъ, составила здѣсь хорошо-устроенную державу; другая, разводя коней и овецъ, вела кочевую и частію осѣдлую жизнь вблизи Бишъ-балыка: третья община, при верховьѣ Иртыша, не занимаясь нисколько скотоводствомъ, ловила рыбу, бобровъ, соболей, куницъ, бѣлокъ, употребляя ихъ мясо въ пищу, а шкуры на одежду себѣ; хорошихъ нарядовъ, шелко-

выхъ, бумажныхъ, они не видали на своемъ вѣку. У нихъ матери, кляня своихъ дочерей, говорили: угодить бы тебѣ за пастуха, у котораго лошади и овцы! станешь ѣсть мясо, пить кумысъ—злые дни выпадутъ на твою головушку! При Чингизъ-ханѣ у нихъ Иди-кутомъ былъ Баурчикъ: онъ, чрезъ посла къ Чингизъ-хану, изъявилъ ему свою покорность и каждый годъ отправлялъ къ нему дары. Когда Чингизъ-ханъ былъ въ походѣ на Мавераннегръ, Иди-кутъ Баурчикъ выступилъ къ нему съ своимъ войскомъ, и, соединившись съ нимъ на дорогѣ, оказалъ ему большую услугу. Между Уйгурами много было знающихъ тюркскій языкъ и грамоту, хорошо разумѣющихъ должности дефтердарей и счетную часть въ диванахъ. При дѣтяхъ Чингизъ-хановыхъ въ Мавераннегрѣ, Хорасанѣ и Иракѣ всѣ чиновники дивановъ и дефтердари были изъ Уйгуровъ. Въ областяхъ Хатая дѣти Чингизъ-хана избирали въ диванъ и въ дефтердарей также Уйгуровъ. Огдай-ханъ, заступившій мѣсто отца своего Чингизъ-хана, поручилъ управленіе Хорасаномъ, Мазандераномъ и Гиланомъ Уйгуру, который назывался Кюргюзъ. Онъ хорошо зналъ счетное дѣло: исправно собирая доходы трехъ областей, онъ въ каждый годъ отсылалъ ихъ къ Огдай-хану.

ПОКОЛѢНІЕ ТЕКРИНЪ.

Его также называютъ Мекринъ. Ихъ владѣнія, близкія къ землѣ Уйгуровъ, лежатъ посреди горъ. Не должно смѣшивать этого племени съ монгольскимъ и уйгурскимъ: они особый народъ. Во время Чингизъ-хана ихъ было тысяча семействъ. Ханъ отправилъ къ нимъ посла сказать: «Богъ далъ мнѣ великую державу; на четырехъ странахъ всѣ народы мнѣ покорны, а ты что дѣлаешь?» Въ то время правителемъ Текриновъ былъ Ченанычь; у него была

дочь красавица, по имени Букяй. Отправясь къ Хану съ дарами, въ которыхъ самое лучшее было дочь его, онъ явился предъ него съ изъявленіемъ своей покорности. Ханъ съ свой стороны одарилъ его и, угостивъ его, отпустилъ назадъ. Ханъ, взявъ за себя эту дѣвицу, любилъ ее больше всѣхъ женъ. По смерти Чингиза, сынъ его Огдай-ханъ взялъ ее себѣ и также любилъ больше всѣхъ своихъ женъ.

ПОКОЛѢНІЯ КИРГИЗЪ И КЕМКЕМЧУТЪ.

У Угузъ-хана былъ внукъ по имени Киргизъ: Киргизы происходятъ отъ него; но въ наше время очень не много людей изъ этого рода. Монголы и другія племена, истребивъ ихъ въ огнѣ и водѣ, вступили въ землю Киргизовъ, и, оставшись тутъ жить, приняли имя Киргизовъ. Они сами знаютъ, изъ какого они рода. Киргизъ и Кемкемчутъ называются двѣ области, близкія одна къ другой: на двухъ сторонахъ ихъ двѣ большія рѣки, одна называется Селенга, другая Айкара-Муранъ; эти двѣ области называются Абирь и Сибирь. Близъ нихъ жилища Киргизскія. Киргизы своего правителя называютъ *Иналъ*; это слово у нихъ тоже, что у Монголовъ и Таджиковъ Падишахъ, т. е. Царь. Въ Чингизъ-ханово время правителемъ ихъ былъ Урусъ-Иналъ. Чингизъ-ханъ, отправивъ къ Киргизамъ Бурю посланникомъ, требовалъ, чтобъ они признали себя его подданными. Урусъ-иналъ, радушно угостивъ посла, самъ не пошелъ къ Хану, но отправилъ съ нимъ хорошихъ людей съ большими дарами въ изъявленіе своего подданства. Изъ даровъ лучшій былъ бѣлый кречетъ съ красными ногами, носомъ и глазами.

ПОКОЛѢНІЕ УРМАНЪ-КАТЪ.

Жилища этого народа находятся въ большихъ

лѣсахъ, потому имъ дали имя Урманкатъ. Жилища ихъ въ смежности съ владѣніями Киргизскими; они вошли въ подданство Чингизъ-хану. Кромѣ ихъ есть еще народъ, который называется Урманъ-катъ, но онъ съ первымъ не имѣетъ никакого сродства, составляя изъ себя отдѣльный народъ, составившійся частію *изъ Монголовъ Нюгузъ: такъ какъ и они больше жили* въ лѣсахъ, то имъ также досталось имя Урманъ-катъ.

ПОКОЛѢНІЕ ТАТАРЪ.

Имя этого народа очень извѣстно съ древнихъ временъ до нынѣшняго. Прежде было ихъ до семидесяти тысячъ семействъ, составлявшихъ много волостей. Каждый изъ нихъ говорилъ о себѣ: я изъ такой-то волости. Каждая волость занимала особливую землю; но лучшіе изъ нихъ и многолюднѣйшіе роды жили въ землѣ Бююрнаварѣ, близъ Хатая, повиновались Хатайскимъ государямъ и состояли у нихъ на службѣ, а по временамъ они возмущались противъ Хатая, такъ что Государь Хатайскій высылалъ противъ нихъ войско, которое, избивая ихъ и опустошая владѣнія ихъ, опять подчиняло ихъ себѣ. Довольно многіе роды ихъ жили на берегахъ рѣки Акара-мурана. Аайкара-муранъ протекаетъ посреди Киргизскихъ владѣній, принимаетъ въ себя много рѣкъ и дѣлается большою рѣкою, и, протекая далѣе, вливается въ море. При устьѣ рѣки, на берегу моря, стоитъ большой городъ; селеній около его много, стада и табуны насущагося скота многочисленны. Кони тамъ крупные; у нихъ жеребенокъ по первому году такъ великъ, какъ у насъ двухгодовалый; кони всѣ пестрые, другой шерсти они не бываютъ. Этотъ городъ называютъ Алакчинъ. Близъ его есть серебреные рудники: у тамошнихъ жителей котлы, чашки, блюда дѣлаются всѣ изъ серебра; отселѣ произошла пословица Узъ-бековъ: «у него пестрый конь и домъ съ золотымъ очагомъ.» По смерти Чингизъ-хана, страна Киргизская и всѣ окрестныя ея стороны признали надъ собою власть Тулы-хана; старшая жена его, мать всѣхъ дѣтей его, Сююр-куктай-бике, приняла въ свои руки власть. *Эта Государыня* отправила на кораблѣ къ Алакчину трехъ бековъ съ тысячью человѣкъ, сказавъ: «подите, если можете, опустошите его, а если будете не въ состояніи этого сдѣлать, принесите извѣстіе о немъ». По прошествіи многаго времени, три князя съ тремя стами человѣкъ-семьсотъ изъ отряда померло—возвратились и говорили: все, что вы прежде слышали, справедливо. Мы много тамъ захватили серебра; но, не умѣя вести корабль вверхъ по рѣкѣ, бросили его. Воздухъ тамъ убійственно зноенъ, а потому люди наши погибли. Въ Исторіи Чингизъ-хана мы скажемъ, если Богъ позволитъ, о томъ, какъ Татары покорились Чингизъ-хану.

ПОКОЛѢНІЕ УЙРАТЪ.

На восточной сторонѣ Монголіи течетъ восемъ рѣкъ, которыя Монголы называютъ осьмью муранами-осьмью рѣками: подъ именемъ рѣки разумѣется та большая масса текучей воды, которую Тюркской народъ называетъ *сай*, Таджики *рудъ-хане* (малой потокъ они называютъ *рудъ*), Арабы *вади*. Всѣ тѣ рѣки вливаются въ Айкара-муранъ. Эти восемь рѣкъ называются такъ: Кюкъ-муранъ, Унъ-муранъ, Карасюнъ, Сяби-кунъ, Экри-муранъ, Акаръ-муранъ, Чаганъ-муранъ, Джурджа-муранъ. Во время Чингизъ-хана Государемъ Уйратовъ былъ Кутука-бики. У него было два сына, старшаго звали Ишалджи, младшаго Туранджи. Кутука-бики сначала явился вра-

гомъ Чингизъ-хану, послѣ сдѣлался его данникомъ: выдавъ за него свою дочь и взявъ за себя его дочь, онъ былъ покоренъ Хану.

Съ Урайтами одного рода три поколѣнія: Торгаутъ, Кури, Туласъ. Каждое изъ нихъ есть поколѣніе Уйратскаго рода. Слово Торгаутъ значитъ: «другая дальняя сторона, тотъ край;» другой дальній край монгольскаго юрта называется селенга: эти поколѣнія жили на той сторонѣ, Селенги потому ихъ назвали Торгаутами.

ПОКОЛѢНІЕ ТУМАТЪ.

Туматы есть также поколѣніе Уйратовъ. Они жили въ землѣ, которая называется Бургучинъ-Тукюмъ и которая смежна владѣніямъ Киргизовъ. Въ Чингизъ-ханово время у нихъ бекомъ былъ Татула-Сукаръ; онъ, явившись къ Чингизъ-хану, покорился ему.

Булгачинъ и Кирмучинъ суть два родственныя поколѣнія, которыхъ земли въ сосѣдствѣ съ Киргизскими. Они составили область владѣній Чингизъ-хановыхъ.

Туляшгутъ, Урасутъ, Кусутмай—три поколѣнія состоятъ въ родствѣ между собою: у нихъ есть много лекарей, которые хорошо знаютъ хирургію и умѣютъ составлять разныя лекарства. Ихъ юрты находятся въ большихъ лѣсахъ; всѣ они звѣроловы, ловятъ соболей, куницъ, горностаевъ, бѣлокъ, бобровъ, и всякаго звѣря въ поляхъ и всякую рыбу въ рѣкахъ.

ПОКОЛѢНІЕ НАЙМАНЪ.

Это древній народъ; скотоводство у него обширное. Прежняго состоянія его мы не знаемъ, только мы слышали, что у нихъ были свои государи, изъ которыхъ извѣстенъ Каръ-Кышъ. По смерти его былъ у нихъ государемъ братъ его, Инатъ. При Чингизъ-ханѣ они имѣли у себя Государя, котораго звали Тіянгъ-ханъ; у него былъ сынъ Кючлюкъ. Ихъ жилища находятся въ той части Монголіи, которая зовется Каракурумъ. Земледѣлія у нихъ нѣтъ.

ПОКОЛѢНІЕ КЕРАИТЪ.

Слово Кераитъ значитъ черный баранъ. У одного человѣка было семь сыновъ, и всѣ семь были черны: ихъ въ этомъ народѣ называли Кераитъ; и тѣхъ, которые родились такими, называли Кераитами. Это древній народъ: имѣетъ обширное скотоводство; онъ состоялъ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ государей, при которыхъ не было народа сильнѣе Кераитовъ. Ихъ владѣнія были близки къ Найманскимъ; по-этому они съ Найманами непрестанно то дрались, то мирились. Знаменитымъ государемъ былъ у Кераитовъ Мяргузъ. Его сынъ былъ Курчакуръ, по прозванію Буйрукъ. У этого было много сыновей. Одному изъ его сыновей имя было Тугрулъ, котораго Хатайскіе государи прозвали Унгъ: Унгъ значитъ «царь государства». Этотъ Кераитъ Унгъ-ханъ воевалъ съ Чингизъ-ханомъ.

ПОКОЛѢНІЕ УНГУТЪ.

Китайцы, вдоль по границѣ своего государства построивъ большую стѣну, два конца ея довели до моря. Никому нельзя уронить ея и разрушить. Для прохода каравановъ сдѣлавъ двое воротъ, придѣлали къ нимъ желѣзные затворы. Такую стѣну Арабы называютъ *сядду*, Тюркскіе народы *бурь-курга*, Китайцы

унгю. Александръ построилъ стѣну, чтобы заградить путь народамъ Яджучь и Маджучь, Ануширванъ построилъ стѣну въ Шамахѣ, которую въ нынѣшнее время зовутъ Тимуръ-каны «желѣзныя ворота». Въ Китайской стѣнѣ есть ворота: Китайскіе государи договорились съ нѣсколькими общинами изъ Тюркскаго народа, если они будутъ содержать стражу у воротъ той стѣны, давать имъ въ каждый годъ, что потребно на содержаніе ихъ въ это время. Тюрки тѣ согласились на это и держали караулъ: это дѣло отправляли и сыновья и дочери. Эти охранительные отряды названы Унгутъ. Въ монгольскомъ языкѣ въ словѣ *унгутъ* буква *т* показываетъ отношеніе такое же, какъ въ тюркомъ слогъ *чи*, каковы слова: *ургачи*;-*табакчи*, столяръ, *ишикчи*, привратникъ; стѣну называютъ *унгу*, а людей, охраняющихъ стѣну, *унгутъ*, что будетъ значить «пристѣнникъ.» При Чингизъ-ханѣ ихъ было четыре тысячи семействъ. Князя ихъ называли Алакушъ-тегинъ. Чингизъ-ханъ, предъ отправленіемъ въ походъ на Китай, послалъ человѣка къ Алакушъ-тегину, съ требованіемъ отъ него покорности: онъ ему покорился. Когда Чингизъ-ханъ отправился въ походъ на Китай, Алакушъ Тегинъ выступилъ навстрѣчу Хану, присоединился къ нему, отворилъ ворота стѣны и вмѣстѣ съ Чингизъ-ханомъ ходилъ на Китай.

О НАРОДѢ ХАТАЙ.

Хатая два: одинъ изъ нихъ зовется Кара-Хатай. Многія семейства кара-хатайскія почему-то взбунтовались противъ своихъ государей, и, убѣжавъ оттуда, перешли въ земли Киргизскія. Считая тамошнихъ жителей за пришельцевъ, они начали похищать скотъ у нихъ, а потому и тамъ не могли ужиться, перешли въ землю Идиль, основавши тамъ городъ.

поселились въ немъ, стали воздѣлывать землю. Земля эта заселилась: отвсюду лишившіеся имѣнія, голодные, истомленные, бѣдные и всякаго сорта люди собрались въ этотъ городъ; народонаселеніе увеличилось до сорока тысячъ семействъ. Въ то время государь Джурчита, бывшаго большою областію, велъ войну съ Государемъ Кара-хатайскимъ, побѣдилъ его, овладѣлъ его областію и его самаго велѣлъ умертвить. У этого государя былъ высшій сановникъ Бекъ, по имени Нуси-Таифъ; онъ со многими чиновниками и людьми убѣжалъ въ Киргизскую землю: это было въ пять сотъ тринадцатомъ году эры (1119 по Р. Х.). Оттуда онъ перешелъ къ Хатайцамъ въ городъ Имиль. Онъ былъ человѣкъ умный, разсудительный: проживъ тамъ до двухъ лѣтъ, онъ распространилъ свое имя и славу на всѣ четыре стороны. Онъ былъ потомокъ Эфрасіаба. Въ городѣ Баласагунѣ былъ Ханъ по имени Илекъ-Нукракъ. Этотъ городъ Монголы называютъ Гу-балыкъ: *гу* значитъ хорошій, *балыкъ*—городъ, потому въ переводѣ его имя—хорошій городъ. При этомъ укрѣпленномъ городѣ много было Тюрковъ, особливо Кангліевъ: они грабили и опустошали область его и травили его поля. Но-этому Илекъ-ханъ послалъ человѣка къ Беку, выходцу изъ Хатая, приглашая его къ себѣ и обѣщавая отдать въ его власть свое владѣніе. Тотъ пришелъ, сталъ владѣльцемъ страны, сдѣлалъ Илека своимъ нукеромъ и далъ повелѣніе, чтобъ съ этого дня никто не называлъ бы его Илекъ-ханомъ, а называли бы его Илекомъ-туркменомъ; себѣ далъ имя Гуръ-ханъ. На языкѣ хатайскомъ *гуръ* значитъ великій Государь. Послѣ этого онъ завоевалъ Андеджанъ, потомъ овладѣлъ Туркестаномъ и Ташкендомъ; отправясь въ походъ на Самаркандъ, осадилъ его и, заставивъ жителей его заключить миръ съ обязательствомъ каждогодно доставлять ему положенное количество

дани, возвратился домой. Одного изъ главныхъ Бековъ своихъ, Эриза, поставивъ начальникомъ, послалъ на Ургенчъ; тотъ опустошилъ окрестность Ургенча, захватилъ въ плѣнъ жителей и осадилъ крѣпость городскую. Государемъ ургенчскимъ былъ тогда Атсизъ, изъ династіи Харезмскихъ шаховъ: онъ принужденнымъ нашелся предложить ему каждогодную плату въ тысячу ешрефовъ. Эризъ, довольный симъ, возвратился домой; Атсизъ платилъ дань каждый годъ до самой смерти своей. По смерти Атсиза сдѣлался государемъ сынъ его Тикишъ и платилъ дань до своей смерти. Послѣ него сдѣлался государемъ сынъ его Султанъ Мохаммедъ: онъ пересталъ платить дань и взбунтовался. Султанъ Санджаръ Кази изъ Рума съ войсками государства отправился въ Туркестанъ, вступилъ въ битву съ Гуръ-ханомъ, государемъ Кара-хатайскимъ, но потерпѣлъ пораженіе; войско все было побито и самъ онъ скрылся въ Мервъ.

О РОДѢ ТУРГАКЪ.

Родовое происхожденіе его неизвѣстно: нѣкоторые изъ нихъ тюркскаго племени. Имя ихъ значитъ «сторожъ». Государи, для охраненія своей особы, опредѣляютъ нѣсколько человѣкъ: они, находясь при ихъ двери, поочереди или стоятъ на стражѣ, или спятъ. Стоящіе на стражѣ бьютъ въ барабанъ или стучатъ въ двѣ палки, чтобы дать знать о врагѣ, если онъ идетъ. Изъ стражей тѣ, которые провели череду въ бодрствованіи на караулѣ, говорили спавшимъ: моя череда кончилась, теперь ты *тургакъ*, стой на караулѣ. По-этому охранителей государя называли тургакъ.

МОНГОЛЬСКІЯ ПОКОЛѢНІЯ.

У сына Иль-ханова, Кыяна, и у сына младшаго Иль-ханова брата, Нюгуза, послѣ того какъ они ушли въ горы Эркене-кунъ, было много сыновъ. Кыяновыхъ дѣтей назвали Кыятъ, Нюгузовыхъ-Дерлигинъ. Со временемъ каждый родъ далъ себѣ особое имя, а оба имена, Кыятъ и Дерлигинъ, потерялись. Изъ поколѣнія Кыяна, изъ рода Курласъ, произходила женщина Алангова, которая безъ мужа родила троихъ сыновъ. Если Богъ поможетъ, мы объ этомъ разскажемъ послѣ; а здѣсь считаемъ приличнымъ сказать, что потомство этихъ трехъ сыновъ было чрезвычайно велико. Ихъ называли Нирунъ; это названіе значитъ *чистыя чресла*, по-тюркски: ару-тюхмъ «чистое сѣмя.» Имъ дали это имя потому, что эти три сына ея, по мнѣнію Монголовъ, зачались отъ свѣта. У Кабулъ-хана, дѣда Чингизъ-ханова, было шесть сыновъ: всѣ они были бойки, храбры, быстры, и народъ этихъ витязей назвалъ Кыятъ, потому что Монголы ручей, стремящійся съ горы, называютъ *кыянъ*; отъ слова *кыянъ* произошло множественное число *кыятъ*. Старшій изъ сыновъ Кабулъ-хана, былъ Бюртанъ-ханъ; его сынъ, отецъ Чингизъ-хановъ, Исукай Багадуръ; у Исукай-Багадура глаза были каріе, у Монголовъ каріе глаза называются *бурчигинъ*, по этому родъ Исукай-Багадура названъ Бурчигинъ-Кыятъ. Прозваніе Кыятъ также и послѣ дѣтей Кабулъ-хановыхъ было въ употребленіи. По своимъ силамъ мы о нѣкоторыхъ тюркскихъ поколѣніяхъ разсказали, что знали: теперь будемъ говорить о поколѣніяхъ монгольскаго племени.

Поколѣніе Меркитъ. Меркитовъ называютъ также Мекритами: это одно и тоже поколѣніе. Въ Чингизъ-ханово время правителемъ этого народа былъ Токта-

бикій. Это поколѣніе безпрерывно было во враждѣ съ Чингизъ-ханомъ. Однажды, разграбивъ домъ Чингизъ-хана, они увели въ плѣнъ его жену; за то и Чингизъ-ханъ въ одно время, когда тотъ находился въ степи, схатилъ его, заключилъ въ оковы и отмстилъ ему за кровь.

Поколѣніе Конкиратъ. У одного человѣка изъ поколѣнія Кыянъ было три сына. Старшій сынъ назывался Чурлыкъ-Меркапъ, второй Кубай-Ширя, третій Тусбудай. Чурлыкъ былъ искусный стрѣлокъ изъ лука: однажды онъ поссорился съ своимъ братомъ Кубай Ширяемъ; оба были на коняхъ; Чурлыкъ взялъ лукъ и пустилъ стрѣлу; Кибай-Ширя, наклонившись къ шеѣ коня, спасся отъ стрѣлы, и, тотчасъ выпрямясь, поднялъ голову. Чурлыкъ пожалѣлъ своего брата и въ душѣ своей сказалъ: я такъ стану стрѣлять, чтобы ему было только страшно, но не вредно. Въ ухѣ у Кубай-Шири было большое кольцо; мѣтя въ него, онъ такъ пустилъ стрѣлу, что она пролетѣла сквозь него. У Чурлыкъ-Меркана былъ сынъ, по имени Конкиратъ: отъ его рода произошло все поколѣніе Конкиратъ.

Поколѣніе Инграсъ и Олконотъ. У Кубай-Шири было два сына старшему имя Инграсъ, младшему Олконотъ; отъ нихъ произошли эти два поколѣнія. Мать Чингизъ-ханова, Улунъ, которую также звали Улунъ-иге, иногда Улунъ-кучинь, была изъ племени Олконотъ.

Поколѣнія Каранутъ, Курласъ и Ильджикинъ. У Тусбудая было два сына: старшему имя было Каранутъ, отъ него произошло все племя Каранутъ. Второй сынъ Кунуклутъ: у него былъ сынъ Мисярь, у котораго было два сына: старшій, по имени

Курласъ, былъ родоначальникомъ поколѣнія Курласъ, младшій, Ильчигинъ, родоначальникъ всѣхъ Ильчигиновъ.

Поколѣніе Урмаутъ. Урмаута нынѣ называютъ Уймаутъ. Все поколѣніе Урмаутское есть потомство этого человѣка.

Поколѣніе Кунукмаръ. У одного Монгола изъ поколѣнія Урмаутъ было три сына. Старшему изъ нихъ имя неизвѣстно; но когда онъ пришелъ въ юношескій возрастъ, народъ назвалъ его Кунукмаръ. *Кунукъ* значитъ большой: въ то время, напримѣръ, о большой воронѣ, говорили: кунукъ карга «большая ворона»; *камаръ* значитъ носъ. Такъ какъ у него былъ большой носъ, то ему и досталось прозваніе Кунукмаръ. Все околѣніе Кунукмаръ есть потомство этого человѣка: въ нынѣшнее время они о себѣ говорятъ: «мы потомки Кумара.» Менгликъ-ичеге былъ изъ поколѣнія Кунукмаръ. Къ его имени Менгликъ приложено слово *ичеге*, которое на монгольскомъ языкѣ значитъ *отецъ*, съ тѣмъ значеніемъ, какъ и тюркскій народъ слово *ата* «отецъ» прикладываетъ къ титуламъ почетныхъ людей, напримѣръ, *хакимъ-ата* «батюшка начальникъ», *сеитъ-ата* «князь отецъ.» Менгликъ былъ почтеннымъ человѣкъ у Монголовъ, потому его имя соединяли съ словомъ *ичеге*. У Чингизъ-хана, когда умеръ отецъ, мать его перешла къ Менгликъ-ичеге; Кераитскій государь Унгъ-ханъ чрезъ посла говорилъ Менгликъ-ичеге: нападемъ на Чингизъ-хана: я съ внѣшней стороны, ты будешь дѣйствовать извнутри, и мы уничтожимъ его; что останется изъ владѣнія его, половина того будетъ твоя, половина моя. Унгъ-ханъ былъ въ дружбѣ съ отцемъ Чингизъ-хана, и этотъ совсѣмъ не подозрѣвалъ въ немъ вражды къ себѣ. Онъ къ Чингизъ-хану от-

правилъ посла съ словами: «за твоего старшаго сына Джучи хочу выдать свою дочь, и для того пріѣзжай въ нашъ домъ. Это, говорилъ онъ, наше общее желаніе: сыграемъ сватьбу, нѣсколько дней попируемъ и повеселимся.» Чингизъ-ханъ, вѣря этимъ словамъ, отправился въ его домъ. На дорогѣ съ нимъ встрѣтился Менгликъ-ичеге, и, пересказавъ ему все, что слышалъ отъ Унгъ-хана, спасъ его отъ смерти. Менгликъ-ичеге никогда не оставлялъ службы Чингизъ-хану. Когда онъ взялъ Чингизъ-ханову мать, Чингизъ-хану было тогда тринадцать лѣтъ. Съ того времени до самой смерти своей, при всѣхъ переворотахъ судьбы, въ счастливые и несчастные дни, онъ не отлучно былъ при Ханѣ: садился съ правой стороны его выше всѣхъ.

Поколѣніе Эрлатъ и Келькитъ. У Менгликъ-ичеге отъ прежней жены было три сына: старшаго звали Кюкче; народъ называлъ его Тенгри-бити. Въ исторіи воцаренія Чингизъ-хана мы скажемъ, что за человѣкъ былъ Кюкче. Второй сынъ его былъ Эрлатъ: имя его значитъ любимый сынъ матери. Эрлатъ было имя одного человѣка, котораго очень любила мать; а потому и его назвали Эрлатомъ. Все поколѣніе Эрлатъ происходитъ отъ него. Третій сынъ его Келькитъ. У кого въ языкѣ бываетъ картавость, того Тюркскій народъ называетъ бильтакъ, «картавый,» а Монголы *кельки*; такъ какъ у этого человѣка былъ этотъ недостатокъ въ языкѣ, то его и назвали Келькитъ. Выше мы говорили, что въ монгольскомъ языкѣ буква *т* выражаетъ отношеніе; значеніе этой буквы, извѣстное и ученому и неученому, тоже что окончаніе словъ *лы* въ нашемъ языкѣ: такъ какъ мы говоримъ: *атлы* о томъ, у кого есть конь, *тулы* о томъ, у кого есть одежда, чтобы выразить то отношеніе человѣка къ симъ вещамъ, что у него есть *атъ* конь, *тунъ* одежда.

Колѣно Бадай и Кышлыкъ. У одного человѣка изъ поколѣнія Келькитъ было два сына: старшему имя было Бадай, младшему Кышлыкъ. Оба они смотрѣли за табунами одного бека Унгъ-хана Кераитскаго. Однажды Бадай, принесши молоко изъ табуна, подошелъ къ дверямъ дома, и услышалъ, что въ немъ князья разговариваютъ между собою. «Что они говорятъ»? подумалъ онъ, и, приставивъ ухо, сталъ прислушиваться. Бекъ говорилъ женѣ своей, чтобы она вынула брони и кольчугу, для того, что Унгъ-ханъ сбирался напасть на Чингизъ-хана въ его домѣ. Дома обоихъ хановъ были близки одинъ къ другому; Унгъ-ханъ, называя Чингизъ-хана сыномъ, и Чингизъ-ханъ, Унгъ-хана называя отцемъ, прежде жили въ согласіи между собою. Бадай внесъ молоко въ домъ, отдалъ и отправился въ табунъ. Тамъ онъ своему младшему брату говорилъ: «Эти люди—Монголы, но и Чингизъ-ханъ Монголъ. Мы никакъ не допустимъ погибнуть своему государю. Кераиты—особое, чужое поколѣніе.» Братья отравились къ Чингизъ-хану и разсказали ему. Но исторія объ этомъ продолжительна; скажемъ только, что Чингизъ-ханъ этими братьями спасенъ отъ смерти, за что онъ обоихъ сдѣлалъ тарханами. Тарханъ означаетъ такого человѣка, съ котораго не берутъ дани; когда онъ приходитъ въ домъ Хана, его никто не можетъ остановить; онъ входитъ и выходитъ по своему произволу. Если онъ сдѣлаетъ преступленіе, то съ него до девяти винъ не взыскивается; послѣ девятой онъ уже подвергается взыску. Это право переходитъ и на его потомство до девятаго рода.

Поколѣніе Уйшунъ. Это поколѣніе монгольскаго племени.

Поколѣніе Сульдусъ. Этотъ народъ также одинъ изъ монгольскаго племени.

Поколѣніе Ильдуркинъ. Ильдуркинъ есть отдѣльное отъ Сульдуса поколѣніе.

Поколѣніе Кенкитъ. Оно также есть одно монгольское колѣно.

Поколѣніе Дурбанъ. У одного изъ государей Монгольскихъ, Бичинъ-Кыяна, было пять сыновъ. Младшій изъ нихъ былъ лучше всѣхъ. Отецъ ихъ при смерти своей завѣщалъ, чтобы они младшаго сына сдѣлали правителемъ. Народъ также, младшаго изъ братьевъ признавая способнымъ къ управленію, возвелъ его въ ханское достоинство; имя ему было Каджи-Мерканъ. Четыре старшіе его брата много разъ говорили народу: если вы котораго либо изъ насъ четырехъ изберете правителемъ, то мы этотъ выборъ признаемъ съ удовольствіемъ; но намъ не угоденъ нашъ младшій братъ. Народъ не соглашался на слова ихъ. Потому они, разсердившись на народъ изъ своего юрта ушли въ чужой народъ, и тамъ жили. Монголы четыре говорятъ дурбанъ, потому въ чужомъ народѣ этимъ молодцамъ дали названіе Дурбаны. Дѣти этихъ четырехъ братьевъ, по смерти отцевъ ихъ, возвратились къ своимъ роднымъ.

Поколѣніе Баринъ и Сукутъ. У одного человѣка изъ Дурбановъ было три сына. Старшаго звали Баринъ; весь народъ Баринъ отъ него ведетъ свой родъ. Меньшій изъ младшихъ братьевъ его былъ женатъ; но жена его не родила дѣтей, и потому онъ обратилъ свой взоръ на невольницу. Невольница сдѣлалась беременною; жена каждой день била эту служанку по брюху съ тѣмъ, чтобъ она выкинула, но этого не сдѣлалось. Въ полночь одной ночи невольница родила мальчика; отрѣзавъ полу у кафтана отца его, она въ него спеленала сына, отнесла его въ кустарникъ изъ таволги, росшей за домомъ, и тамъ его положила. По утру отецъ его пошелъ нарушить чистоту, услышалъ крикъ ребенка, подошелъ, и, осмотрѣвъ, узналъ свою одежду, изъ чего увидѣлъ, что это дитя его сынъ; взялъ его и принесъ къ матери, которая и вскормила его. Мальчику дали имя Сукутъ. Монголы таволгу называютъ *сукай*, потому его имя значитъ «найденный въ таволгѣ».

Два поколѣнія Курлаутъ и Буркутъ также монгольскія. Они въ сродствѣ съ Конкиратами и живутъ въ смежности съ ними. Прежнія юрты ихъ были вмѣстѣ съ конкиратскими.

Поколѣніе Укланъ. Они также монгольскаго происхожденія; но не извѣстно, къ которому изъ монгольскихъ поколѣній они близки. Ихъ также называли Джуйратъ и Хаджератъ. Ихъ родъ монгольскій и живутъ въ Монголіи. Алангова изъ этого поколѣнія.

Поколѣніе Біяутъ. Это поколѣніе дробится на много родовъ, но изъ нихъ лучшіе и многолюднѣйшіе два: первое называютъ Джедаинъ-Біяутъ, другое Мекринъ-Біяутъ. Джедаинъ и Мекринъ есть двѣ большія текучія рѣки, на берегахъ которыхъ они жили, оттого имъ досталось это имя. Ихъ жилище смежно къ жилищамъ Ойратовъ. Поколѣніе Біяутъ отдѣляется отъ монгольскаго племени Дерлигинъ.

Джеланры. Это древнее поколѣніе: оно было весьма многолюдно. Разсказываютъ, что однажды, во время войны съ Государемъ Хатайскимъ, всѣ Джеланры, и сановитые и простолюдины, со всѣхъ мѣстъ, гдѣ жили, собрались въ одно мѣсто; на семьдесятъ становъ (куреней) дѣлились дома ихъ. Родовъ ихъ было много: каждый изъ этихъ родовъ, поставивъ надъ собою старѣйшину, составлялъ особый округъ (юртъ). Многіе изъ нихъ жили въ монгольскомъ юртѣ, называвшемся Онанъ. Въ одно время напало хатайское войско, истребило много Джеланровъ, тутъ жившихъ вмѣстѣ, и, захвативъ ихъ въ добычу и въ плѣнъ, ушло. Оставшимся въ опустошенной области людямъ, голоднымъ и истомленнымъ, нечего было ѣсть; они на степяхъ выкапывали луковицы и ими питались. Чингизъ-хановъ предокъ въ седьмомъ колѣнѣ, Тутумъ-Менинъ-ханъ, въ это время не былъ уже въ живыхъ; послѣ него оставалось девять сыновъ. Мать всѣхъ этихъ сыновъ, по имени Мунулунь, за своего старшаго сына, Кайду-хана, сосватала невѣсту; потому Кайду-хана не было дома, онъ отправился къ невѣстѣ на калымное гощенье. Вблизи отъ дома Мунулуни было очень ровное поле: Дутумъ-менинъ-хановы сыновья на немъ забавлялись скачками. Въ томъ мѣстѣ много было луковицъ; потому голодные, разоренные набѣгомъ Джеланры такъ изрыли это поле, что по нему нельзя было ѣздить на лошади. Дѣти, увидѣвъ это, пересказали о томъ своей матери, которая, въ досадѣ на это, сѣла на коня и туда поѣхала. Увидѣвъ, что нѣкоторые изъ нихъ еще копаютъ на полѣ, велѣла своимъ слугамъ напасть на нихъ, и они бросились на нихъ. Джеланры, собравшись на томъ мѣстѣ, вступили въ жестокую битву. Нѣсколько человѣкъ изъ Джеланровъ пало; и съ другой стороны убито нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ и сама Мунулунь. Тогда нѣкоторые изъ разоренныхъ Джеланровъ, собравшись, разграбили домъ Мунулуни, всѣхъ людей, попавшихъ къ нимъ въ руки, вмѣстѣ съ осьмью сыновьями Дутумъ-мининъ-хана, они убили: томимые дотолѣ смертельнымъ голодомъ, они чрезъ это нѣсколько насытились. Кайду-ханъ, получивъ объ этомъ вѣсть, возвратился домой отъ своего тестя: всѣ ближніе и дальніе родственники и чиновники его собрались и послали къ Джеланрамъ человѣка сказать: «такое дѣло сдѣлано вами: какой отвѣтъ дадите вы?» Главные изъ Джеланровъ сосчитали тѣхъ, которые это дѣло сдѣлали; вышло ихъ всѣхъ семьдесятъ человѣкъ. Всѣхъ ихъ, съ домами, съ женами и дѣтьми, пригнали, представили къ Кайду-хану и сказали: «дѣлай съ ними, что хочешь!» Потомъ, разсудивъ въ общемъ совѣтѣ съ родственниками Кайду-хана и его людьми, они сказали: «кровь ихъ не будетъ соразмѣрнымъ возмездіемъ за кровь твою; сдѣлай ихъ рабами каждый сынъ и каждая дочь пусть будутъ рабы.» Мнѣніе было одобрено и они были обращены въ рабство. Семейства ихъ послѣ размножились. Всѣ эти подручники не говорили о себѣ: «мы Джеланры,» но говорили: «мы потомки Монгола Кыяна.» Оттуда установился обычай освобожденнымъ рабамъ называться по роду ихъ господъ. Когда Чингизъ-ханъ сталъ сильнымъ государемъ, всѣ другіе Джеланры, подвергшись жребію, одинаковому съ жребіемъ порабощенныхъ, называли себя потомками Монгола Кыяна. Эти Джеланры, въ одиннадцатомъ колѣнѣ, были слугами при четвертомъ сынѣ Чингизъ-хана. При дворахъ государей, его потомковъ, они болѣе и болѣе разъединяясь, дѣлились на отряды въ десять и двадцать домовъ. Родъ Джеланровъ идетъ отъ поколѣнія Дерлигинъ, а Дерлигины были потомки Нюгуза.

Государи Монгольскіе. Когда дѣти Кыяна и

Нюгуза размножились въ Эркене-конѣ, каждый родъ ихъ, составивъ народъ, принялъ себѣ свое имя. Въ потомствѣ Кыяна былъ человѣкъ, по имени Курласъ, котораго поколѣніе было многочисленнѣе всѣхъ поколѣній, называясь Курласами. Курласы у себя избрали одного человѣка въ цари; имя его неизвѣстно; послѣ того изъ Курласовъ всегда избирали правителя. По выходѣ Монголовъ изъ Эркене-кона Государемъ ихъ былъ Бюрте-чене, изъ рода Курласовъ; по смерти его, его сынъ Коймеруль поставленъ былъ Государемъ. Когда онъ скончался, Государемъ сдѣлали сына его Бичинъ-Кыяна. По кончинѣ его сдѣлали Государемъ сына его Тимача. По смерти сего возвели въ достоинство ханское сына его Кычи-меркана. По смерти его, поставили ханомъ сына его, Куджумъ-Буруля. По смерти Куджумъ-Буруля сдѣлали ханомъ сына его Буке-Бендуна. Послѣ него возвели въ достоинство Хана сына его Самъ-Саучія. По смерти его, поставили ханомъ сына его Калмачу. По смерти его ханомъ сдѣлали сына его Тимуръ-Таша. По смерти его, сдѣлали ханомъ сына его Минглиходжу. Послѣ него поставили ханомъ сына его Юлдуза. У Юлдуза было два сына: оба они умерли при жизни отца; отъ одного изъ его сыновъ остался сынъ Дубунъ-Баянъ, а отъ другаго осталась дочь по имени Алангова. Алангову отдали за мужъ за Дубунь Баяна, сдѣлавъ пышную сватьбу. Послѣ того Юлдузъ-ханъ померъ; внукъ его, Дубунъ-Баянъ, вступивъ на отцевскій престолъ, сдѣлался государемъ народа монгольскаго; но, не доживъ до тридцати лѣтъ, померъ. Послѣ него остались два маленькіе сына, одинъ шести лѣтъ, другой семи; старшему имя было Бильгедай, младшему Бекужедай; въ нѣкоторыхъ книгахъ они называются Билькенутъ и Богенутъ.

Неовыкновенная, чудная исторія объ Аланговѣ.

По смерти Дубунъ-Баяна, супругѣ его Аланговѣ каждый изъ сыновъ старшихъ и младшихъ братьевъ дѣда ея, Юлдузъ-хана, владѣтелей, сильныхъ числомъ подданныхъ и нукеровъ, предлагалъ супружество съ собою, но она не соглашалась и говорила «никогда, во всю жизнь мою, не выйду за мужъ. До совершенолѣтія моихъ дѣтей сама буду управлять народомъ, а послѣ того передамъ власть моимъ сыновьямъ.» Послѣ этого прошло нѣсколько годовъ. Въ одну ночь она лежала въ шатрѣ своемъ; на зарѣ она проснулась; чрезъ верхнее отверстіе шатра проникаетъ что-то свѣтлое; она какъ днемъ видѣла, что въ свѣтѣ какъ бы человѣкъ, у котораго лице блѣдное а, глаза каріе, спустился къ ней въ домъ. Алангова хотѣла закричать, чтобъ разбудить женщинъ, при ней спавшихъ, но голоса у ней не было, языкъ не ворочался; хотѣла встать, руки и ноги у ней отнялись, но сознаніе у ней было въ полномъ состояніи. Этотъ человѣкъ тихо, тихо подошелъ къ ней, и, послѣ совокупленія съ нею, вышелъ въ отверстіе шатра. Она этого случая никому не сказала, думая, что никто не повѣритъ этому. Чрезъ пять или шесть дней онъ опять пришелъ, и потомъ сряду нѣсколько дней не переставалъ приходить. Въ ночь перваго прихода Алангова сдѣлалась беременною. По прошествіи четырехъ или пяти мѣсяцовъ, родственники ея собрались и спрашивали, какъ она сдѣлалась беременною? Алангова разсказала, что видѣла, и говорила: «еслибы мнѣ нуженъ былъ мужъ, то развѣ я не вышла бы за мужъ? А притомъ хотя я и женщина, но весь народъ признаетъ меня Государынею: ужели я сдѣлаю столь безразсудное дѣло, къ стыду себя, и моихъ подданныхъ, и моихъ сыновей? Нѣсколько ночей стерегите мой домъ; если Всевышнему Господу не угодно под-

вернуть меня посрамленію, то онъ и вамъ откроетъ это. Ктому еще скажу: когда родится сынъ, который теперь у меня во чревѣ, онъ навѣрно не будетъ походить на обыкновеннаго человѣка.» Услышавъ эти слова, всѣ повѣрили, потому что народу извѣстно было поведеніе Аланговы. Не смотря на это, многіе *при ея домѣ днемъ и ночью держали стражу*, поочередно одни спали, другіе стерегли. Чрезъ нѣсколько дней, на зарѣ, въ домъ къ ней, чрезъ верхнее отверстіе что-то свѣтлое какъ солнце спустилось: увидѣвшіе это люди разбудили спавшихъ предъ ними. Всѣ карауливше видѣли, что въ домъ Аланговы чрезъ верхнее отверстіе то видѣніе вошло и чрезъ нѣсколько времени опять вышло. Не многіе изъ людей видѣли пришествіе, но всѣ видѣли отшествіе чего-то свѣтлаго, но не могли усмотрѣть въ немъ образа человѣческаго. Послѣ этого открылась всѣмъ справедливость словъ Аланговы.

Дѣти Аланговы. Алангова родила троихъ сыновей: старшему имя Бугунъ-катагинъ; весь народъ Катагинъ отъ его рода. Второму сыну имя Бускинъ-Джалчи: его потомки Джалчуты. Третій сынъ Буданчиръ-Мунакъ, котораго возвели на ханство. Родъ Чингизъ-хана и многія поколѣнія монгольскія отъ него происходятъ. Всѣ поколѣнія, происшедшія отъ этихъ трехъ сыновъ, называютъ Нирунъ. Это имя значитъ «чистое сѣмя», потому что онъ, по понятію Монголовъ, произошелъ отъ свѣта. У Буданчира было два сына: старшій назывался Бука, младшій Тука; осталось-ли послѣ него потомство, неизвѣстно. По смерти Буданчира, Буку возвели на ханскій престолъ. У него былъ сынъ, по имени Дутуминиянъ По смерти отца, Дутуминиянъ-хана поставили Ханомъ. У Дутуминина было девять сыновъ; осьмерыхъ изъ нихъ убили Джеланры, о чемъ мы говорили выше въ раз-

сказѣ о Джеланрахъ. Старшій сынъ его Кайду спасся во время истребленія, и, по смерти Дутуминъ-хана, его поставили ханомъ. У Кайду было три сына: старшій Байсанкуръ, второй Джерке-ленкумъ, отъ котораго происходятъ Тайджуты. Джерке-ленкумову сыну имя Муркадъ-Куджупе; у него сынъ Меникай-каанъ; у этого сынъ Каданъ-Тайши. Каданъ есть его монгольское имя, а Тайши хатайское; оно значитъ: пріятноголосый; кто говоритъ хорошимъ, пріятнымъ голосомъ, того называютъ *тайши*. Его сынъ Аралъ; его сынъ Баргутай, по прозванію Кырылтукъ, что значитъ завистливый, скупецъ; Узбеки это слово говорятъ о томъ человѣкѣ, у котораго, когда онъ ѣстъ, пища останавливается въ горлѣ и онъ оттого храпитъ; потому слово кырылтукъ значитъ «хрипунъ». Этотъ самый Баргутай Кырылтукъ, начальствуя надъ Тайджутами, много препирался съ Чингизъ-ханомъ. Третьему сыну Кайдуеву имя Джарчинъ; поколѣнія Джайчутъ и Ртегинъ его потомки.

По смерти Кайду-хана, сынъ его Джерке-ленкумъ взялъ за себя свою мачиху и отъ нея было у него два сына; старшій названъ Кянду-чене, младшій Улькюджинъ-чене; чене значитъ волкъ и волчица. Когда у послѣдняго много стало дѣтей, ихъ назвали Ченесъ, что есть множественное число слова *чене* и значитъ: волки или стая волковъ; въ послѣдствіи времени этотъ родъ также называли Нюгузъ: это другой Нюгузъ, а не тотъ, о которомъ прежде говорено было: имя прежняго Нюгуза въ народѣ потерялось.

Старшаго сына (Джерке-ленкумова), Байсанкура поставили Ханомъ: онъ былъ Государь умный, правосудный, добрый: покорилъ себѣ много земель. Обла-

готворивъ друзей своихъ и истомивъ враговъ своихъ, онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ царствованія, передалъ свое мѣсто сыну своему Туменѣ и отправился въ долгій путь.

О Туменѣ ханѣ. Тумене-ханъ былъ прекрасный, великій Государь; въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ господствовалъ надъ всѣми родами Нирунъ. При немъ государство его было счастливо и радовалось. У него было девять сыновъ: отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ произошло по одному роду, отъ другихъ по два, по три, по четыре; въ числѣ девяти его сыновъ были два сына близнеца, Кубуль и Каджулы. Старшему Туминеханову сыну было имя Джафсу, у котораго было три сына: старшій Туякинъ, второй Урутъ, третій Манкатъ; дѣти сихъ троихъ Монголовъ были родоначальниками трехъ поколѣній. Отъ втораго изъ нихъ, по имени Яримъ-ширъ-Буканчу, происшедшее племя сдѣлалось большимъ народомъ. Третьяго сына имя было Каджули, а у него былъ сынъ Иримчи Барласъ: всѣ Барласы его потомки; Аксакъ Тимуръ произошелъ изъ этого рода. Имя барласъ значитъ дряхлый или тотъ, кто начинаетъ гнить. Четвертый сынъ его Самкячунъ; его потомство есть поколѣніе Идуркинъ. Пятый сынъ Ятъ-кильки; все поколѣніе Будатъ есть потомство его. Шестой сынъ Кубуль-ханъ: отъ сыновъ Кубуль-хана произошли Чингизъ-ханъ и много другихъ родовъ. Если Богъ поможетъ, о всѣхъ ихъ скажемъ въ приличномъ мѣстѣ. Седьмой сынъ Удуръ-Баянъ: поколѣніе Кіюмъ отъ его рода. Осьмой сынъ Булджаръ-Дугланъ: Монголы назвали его *дугланъ*, т. е. хромымъ, потому что онъ хромалъ на одну ногу; все поколѣніе Дуглать его потомки. Девятый сынъ Джантай: все поколѣніе Ясутъ есть его потомство. Онъ былъ младшій изъ своихъ братьевъ; младшаго изъ братьевъ Монголы называютъ *утчикинъ;* утчикинъ значитъ владѣтель огня или очага; ибо Монголы когда женятъ сыновей, то каждаго въ свое время отводятъ въ особый, для него приготовленный домъ, такъ что въ домѣ остается при своемъ очагѣ младшій изъ братьевъ и дѣлается хозяиномъ отцовскаго очага; по этому обычаю, у Монголовъ всѣ старшіе братья питаютъ особенное уваженіе, оказываютъ большую честь младшему брату. Дѣти, родившіеся отъ Джантай-утчикина, всѣ были храбры, воинственны. Чингизъ-ханъ, во время похода на Мавераннегръ, далъ тридцать тысячь войска Чене-Нойяну и послалъ его противъ Султана Мохаммеда, Ховарезмскаго шаха. Чене-Нойянъ захватилъ семейство и казну Султана Мохаммеда, завоевалъ Иранъ, Азербайджанъ, Грузію; перешедъ чрезъ Желѣзныя Ворота, поразилъ Дагестанцевъ, Черкесовъ, Кипчаковъ, и, переправясь чрезъ рѣки Волгу и Яикъ, чрезъ четыре года, когда Чингизъ-ханъ возвращался въ Монголію, явился къ нему на Ала-тагѣ. Этотъ Чене-Нойянъ былъ изъ рода Ясутъ.

По смерти Тумене-хана, сдѣлали Ханомъ сына его Кубуль-хана. У этого было шесть сыновъ: старшему изъ нихъ имя Укинъ-Баргакъ, второму—Бертанъ-Багадуръ, третьему—Кутукту-менгу, четвертому—Каданъ. (Всѣ эти сыновья называются) Кыятъ: значеніе этого слова выше мы изъяснили, и здѣсь еще скажемъ, что Монголы словомъ *кыянъ* называютъ ручей, текущій изъ горы; *кыятъ* есть множественное число слова Кыянъ. Коренное значеніе слова Кыятъ есть сильный, стремительный; изъ горы текущій потокъ бываетъ быстръ, силенъ; по сходству съ нимъ, имъ и дали это прозименованіе. Въ Эркенеконѣ дѣтей Кыяновыхъ назвали Кыятъ; по прошествіи многихъ лѣтъ, каждый родъ этого племени принялъ свое имя, такъ напримѣръ одинъ назвался Конкиратъ; другой говорилъ: я Курласъ; иной говорилъ:

я Дурбанъ; а имени Кыятъ въ народѣ не осталось; оно совсѣмъ забылось, изчезло, за три или четыре тысячи лѣтъ до насъ. Всѣ шесть сыновъ Кубуль-хана были храбры, мужественны, смѣлы, за что ихъ и назвали Кыятъ. Кыяты ихъ потомки.

Кубуль-ханъ умеръ и его сына Бертана возвели на ханство. У этого было четыре сына: старшій Мунгудай, второй Букенъ-Тайши, третій Исукай-Багадуръ, четвертый Дарбутай; ихъ дѣтей называютъ также Кыятъ.

По смерти Бертанъ-хана, Ханомъ избрали сына его Исукай-Багадура. У Исукай-Багадура было пять сыновъ: старшій Чингизъ-ханъ, которому отцемъ дано было имя Темуджинъ; когда возвели его въ ханы, назвали его Чингизъ. Второй сынъ Джучи-касаръ; *джучи* значитъ гость; *касаръ* значитъ тоже, что Арабы называютъ *сябгъ*, Таджики *дадъ*; этими словами называются тѣ изъ четвероногихъ животныхъ, которые питаются однимъ мясомъ, каковы волкъ, тигръ леопардъ. Третій сынъ Каджунъ, четвертый Тимуке, пятый Бильгутай-Утджикъ. Пять сыновъ Исукая и весь родъ его большею частію были блѣднолицые, и каре-глазые; Монголы людей съ карими глазами называютъ *бурчигинъ*, и потому родъ Исукай-Багадуръ-хана назвали Бурджигинъ-Кыятъ. Алангова говорила, что у того, кто къ ней приходилъ и съ нею совокуплялся, цвѣтъ лица былъ блѣдный, а глаза были каріе; слова эти подтверждались родовыми чертами въ предкахъ чрезъ девять колѣнъ. Также надобно здѣсь замѣтить, что если у кого въ глазахъ зрачки черны, а части глаза между зрачками и бѣлками желтоваты, такіе глаза Арабы называютъ *шугля*, а Монголы *бурджигинъ*: отселѣ произошло прозваніе Бурджигинъ-Кыятъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

РОЖДЕНІЕ ЧИНГИЗЪ-ХАНА.

Чингизъ-ханъ родился въ пятьсотъ пятьдесятъ девятомъ году гиджры, въ свиномъ году (1164, 5 г. Р. Х.), въ области Бюлунъ-Юлдукъ. При рожденіи одна рука у него была сжата въ кулакъ; повивальная бабка, разогнувъ у него руку, увидѣла, что въ ней былъ кусокъ запекшейся крови. Объ этомъ сказали отцу его; изъ бывшихъ при немъ людей никто не понималъ, почему это такъ. Одинъ человѣкъ сказалъ: «этотъ младенецъ будетъ знаменитымъ государемъ, овладѣетъ всѣмъ свѣтомъ, истребитъ много народовъ и государствъ, и кровь эта предзнаменуетъ таковыя дѣла его.» Слова того человѣка сбылись. Отецъ нарекъ ему имя Темуджинъ; когда онъ возведенъ на ханство, ему дали титло Чингизъ-ханъ.

О предкахъ Чингизъ-хана мы выше говорили; теперь считаемъ умѣстнымъ опять перечислить всѣхъ ихъ. Отецъ Чингизъ-хановъ Исукай-Багадуръ; Монголы отца называютъ *ичеге*. Отецъ Исукай-Багадура былъ Буртанъ-ханъ; втораго отца (дѣда) называютъ *абугенъ*. Его отецъ Кубуль-ханъ; третьяго отца (пра-

дѣда) называютъ *илиджекъ*. Его отецъ Тумине-ханъ; четвертаго отца (прапрадѣда) называютъ *будатуръ*. Его отецъ Байсангуръ-ханъ; въ пятомъ колѣнѣ предка называютъ *будакуръ*. Его отецъ Кайду-ханъ; предка въ шестомъ колѣнѣ называютъ *бурти*. Его отецъ Дутумъ-менинъ ханъ; седьмаго изъ предковъ называютъ *дутакунъ*. Монголы каждому изъ предковъ семи колѣнъ даютъ свое имя: выше седьмаго колѣна предкамъ нѣтъ особыхъ именъ; также у Тюрковъ, Таджиковъ и у другихъ народовъ, есть обычай опредѣлять свое состояніе указаніемъ на состояніе предковъ семи родовъ; такъ въ тюркскомъ народѣ говорятъ: «мои предки съ седьмаго колѣна были кузнецами, и я—кузнецъ;» или: «семеро изъ моихъ предковъ жили въ этомъ юртѣ;» или говорятъ: «я и мои семь предковъ въ глаза не видѣли нищеты.» У Таджиковъ также есть эти присловія. Но возвратимся къ нашему разсказу. У Дутуменинъ-хана отецъ былъ Бука-ханъ; у него отецъ Буданджаръ-ханъ, родившійся отъ Алановы, которая была внука Юлдузъ-хана. Отецъ Буданджара умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; сынъ, оставшись сиротою, воспитался у дѣда своего Юлдузъ-хана: потому имя отца его въ народѣ неизвѣстно. Отецъ Юлдузъ-хана Мингли-ходжа-ханъ; его отецъ Тимуръ-ташъ-ханъ; его отецъ Калмаджу-ханъ; его отецъ Сямъ-сауджи; его отецъ Буке-Бендунъ-ханъ; его отецъ Кучумъ-Буруль; его отецъ Капанджи-Мярканъ; его отецъ Тимадчь; его отецъ Бичинъ-Кыянъ; его отецъ Кой-Муруль; его отецъ Бурте-чене. Отъ Бурте-чене до Кыяна прошло четыреста пятьдесятъ лѣтъ; мы много старались узнать имена лицъ, бывшихъ между сими двумя государями, но намъ не удалось ихъ узнать: ни въ одной лѣтописи мы не нашли ихъ. Монголы, по причинѣ разстроеннаго своего состоянія въ Эркенѣ-кунѣ, не вели записокъ. Кыяновъ отецъ былъ Иль-ханъ; его отецъ Тингизъ-ханъ; его отецъ Мингли-ханъ; его отецъ Юлдузъ-ханъ; его отецъ Айханъ; его отецъ Угузъ-ханъ; его отецъ Кара-ханъ; его отецъ Монголъ-ханъ; его отецъ Аланджа-ханъ; его отецъ Кіюкъ-ханъ; его отецъ Дибъ-бакуй-ханъ; его отецъ Ильджа-ханъ; его отецъ Тутукъ-ханъ; его отецъ Тюркъ; его отецъ Іафетъ; его отецъ пророкъ Ной—міръ ему!—; его отецъ Лямекъ; его отецъ Мятушалехъ; его отецъ пророкъ Идрисъ; его отецъ Бердъ; его отецъ Мегланъ; его отецъ Каинанъ; его отецъ Энушъ; его отецъ Шисъ пророкъ; его отецъ Адамъ—свѣтильникъ Божій.

Когда умеръ Исукай-Багадуръ, старшему сыну его, Чингизъ-хану, было тринадцать лѣтъ; младшіе братья его были малолѣтни. Весь родъ Буданджаръ-хана былъ въ зависимости отъ Исукай-Багадура; эта подчиненность, по обычаю монгольскому, состоитъ въ томъ, что Государь каждой годъ съ подвластнаго ему народа беретъ десятину изъ четырехъ породъ скота: коней, верблюдовъ, коровъ и овецъ. Если у Государя есть пять, десять сыновъ, то, по смерти отца, одного изъ нихъ возводятъ въ ханское достоинство, а прочіе сыновья остаются на одной степени съ народомъ; съ имѣнія ихъ въ каждой годъ берутъ по одной лошади или по одному верблюду; но если дѣти остаются послѣ нихъ, то съ нихъ берется также какъ и съ другихъ людей. Платившихъ дань Исукай-Багадуру было отъ тридцати до сорока тысячь семействъ. Всѣ они, связанныя родствомъ между собою, не боялись Чингизъ-хана по молодости его. Богатство есть кумиръ сыновъ Адамовыхъ: отдавать—тягостно имъ, брать—пріятно; чтобъ не отдавать имѣнія, они отложились отъ Чингизъ-хана и, откочевавъ отъ него, ушли и стали жить въ отдаленномъ отъ него мѣстѣ. Въ числѣ поколѣній, подвластныхъ Исукай-Багадуру, было поколѣніе Тайджутское. Тай-

джуты, сдѣлавшись главою другихъ поколѣній, менѣе многочисленныхъ и богатыхъ, вмѣстѣ съ ними, откочевавъ, отдѣлились. Въ то время начальникомъ Тайджутовъ былъ Баргутай-Кырылтукъ, у котораго отецъ былъ Аралъ, у него отецъ Каданъ-Тайши; у него отецъ Маникай; его отецъ Муркаду-Кюджне; его отецъ Джаркеланкумъ, его отецъ Кайду-ханъ. Такимъ образомъ весь народъ, покорный Исукай-Багадуру, раздѣлился приЧингизъ-ханѣ: три части его соединились съ Тайджутами; одна четвертая часть осталась съ Чингизъ-ханомъ. При немъ остались: половина Манкатовъ, покоренныхъ дѣдомъ Чингизъ-хановымъ, Бурданъ-ханомъ;а изъ другихъ поколѣній осталось при немъ по двѣсти семействъ, по сту семействъ, по пятидесяти, по десяти, по пяти семействъ. Манкаты были не многочисленны; начальникомъ оставшихся при Ханѣ Манкатовъ въ это время былъ Куюлдаръ. Начальникъ Катыгиновъ, Худжутовъ, Джуйратовъ, Кыятовъ, со всѣми ими присоединился къ Тайджутамъ. Съ Тайджутами соединились также Меркиты, которые были непріятели Исукай-Багадуру, и постоянно дрались, дѣлали набѣги, угоняли скотъ.

ДѢЛА ЧИНГИЗЪ-ХАНА СЪ ТРИНАДЦАТАГО ДО СОРОКОВАГО ГОДА ЕГО ЖИЗНИ.

Имя Чингизъ-хановой матери было Улунь, къ которому придавали два прозванія, называя ее Улунь-иге или Улунь-кучинь: *Иге* монгольское слово, значитъ *великая*; *кучинь* хатайское слово, значитъ тоже, что у Монгововъ хатунъ, «госпожа, почтенная женщина;» Таджики тоже выражаютъ словомъ *бану*, Узь-беки словомъ *бай-бича*, что значитъ «госпожа дома и всего имѣнія». Она была изъ поколѣнія Олкунутъ, была женщина умная, разсудительная, рѣшительная. Въ поколѣніи Кунукмаръ былъ человѣкъ, уважаемый

всѣми Монголами за его лѣта и достоинства, по имени Мингликъ, по прозванію Ичеге. Монголы словомъ *ичеге* называютъ отца; народъ, чтобъ выказать свое уваженіе къ нему, называлъ его ичеге, такъ какъ Тюрки почтенныхъ людей называютъ ата «отцомъ» и говорятъ: хакимъ-ата «батюшка-начальникъ», сендъ-ата «батюшка-бояринъ». Чингизъ-ханова мать вышла за Мингликъ-ичеге, потому все поколѣніе Кунукмаръ пристало къ сторонѣ Чингизъ-хана.

Составляя эту исторію, я предполагалъ подробно изложить генеалогію знаменитыхъ государей и правителей, бывшихъ у Монголовъ и Узь-бековъ, передать всѣ дѣла, ими сдѣланныя, и слова, ими сказанныя; но въ продолженіе этого времени я заболѣлъ, и моя болѣзнь сдѣлалась продолжительною, почему я подумалъ: если умру, то она (исторія) останется недописанною; знающаго человѣка, каковъ я, нѣтъ; особливо событій нашего дома, отъ Ядъ-каръ-хана до меня убогаго, никто изъ другихъ юртовъ не знаетъ, да и въ нашемъ народѣ такого человѣка нѣтъ ни одного. Такъ если я мои свѣдѣнія унесу съ собою во гробъ, то что пользы? Потому я посадилъ четырехъ писцовъ и диктовалъ имъ событія отъ Адама до Джучи-хана, иногда заглядывая въ древнія историческія сочиненія, иногда не заглядывая; потому что всѣ событія уѣ я помнилъ. Въ исторіи отъ Шейбани-хана до меня, я нисколько не смотрѣлъ въ книги, а сказывалъ, что у меня было въ памяти; но какъ умъ у меня утомлялся и я пересказывалъ иногда сидя, иногда лежа, потому разсказъ мой кратокъ. Изложеніе его хотя и сокращенно, смыслъ его не коротокъ.

Многіе изъ поколѣнія Нирунъ, подъ вліяніемъ Тайджутовъ, возмутившись противъ тринадцатилѣтня-

го Чингизъ-хана, часто вступали съ нимъ въ битвы и дѣлали на него набѣги; но ни та, ни другая сторона не могли одержать верхъ. Когда же Чингизъ-хану исполнилось сорокъ лѣтъ отъ рожденія, при наступленіи года барса, къ нему явился человѣкъ, бѣжавшій изъ племенъ враждебныхъ, и сказалъ, что все поколѣніе Нирунъ, подъ начальствомъ Тайджутовъ, выступило въ походъ противъ него; что поколѣнія Біяуты, Меркиты и Татары, также вмѣстѣ съ Тайджутами въ этомъ походѣ. Чингизъ-ханъ въ это время былъ уже не очень слабъ; онъ уже испыталъ и добро и зло, притерпѣлся и къ зною и холоду, вкусилъ и горькое и сладкое. Онъ собралъ въ одно мѣсто зависѣвшія отъ него поколѣнія, вмѣстѣ съ ихъ домами и имѣніемъ. Его владѣніе состояло изъ тринадцати родовъ; онъ составилъ изъ нихъ тринадцать становъ, расположивъ ихъ въ видѣ круга, такъ что одинъ станъ примыкалъ къ другому. Оцѣпивъ ихъ крѣпкимъ валомъ, въ средину его поставилъ лучшее имущество, а худшее помѣстилъ внѣ вала. Непріятель подошелъ; Чингизъ-ханъ, поставивъ въ боевой порядъ свою конницу, примкнулъ ея тылъ къ стану; вступили въ битву. У Чингизъ-хана было десять тысячъ, у непріятеля тридцать тысячъ человѣкъ; бой былъ жестокій и продолжительный, наконецъ Всевышній Господь высоко вознесъ руку Чингизъ-хана: имъ убито было въ этотъ день до шести тысячъ человѣкъ. Сановники Тайджутовъ живые были схвачены и перевязаны: Чингизъ-ханъ велѣлъ повѣсить семьдесятъ котловъ, наполнить ихъ водою; когда вода вскипятилась, то въ каждый котелъ опускали по одному человѣку, связавъ ему руки и ноги; погружая его головою въ воду, держали его за ноги дотолѣ, пока онъ сварится. Послѣ того онъ поѣхалъ въ область Тайджутовъ, разграбилъ ее; дѣтей лучшихъ семействъ сдѣлалъ рабами, а худшихъ пригналъ въ свою область и разселилъ ихъ между своимъ народомъ. Его владѣніе чрезъ это присоединеніе сдѣлалось сильнѣе. Это дѣло распространило славу о немъ между Монголами.

Побѣда Чингизъ-хана въ войнѣ съ Унгъ-ханомъ Кераитскимъ.

Въ Джуйратскомъ народѣ былъ нѣкто Чамука-Чечень. Прозваніе *чеченъ* значитъ умный: что Арабы выражаютъ словомъ *акылъ*, Таджики *ба-хиредъ*, Монголы и Узьбеки говорятъ *чеченъ*: и въ наше время этимъ словомъ называютъ краснорѣчиваго человѣка, а это тоже значитъ, что умный, потому что если кто не будетъ умнымъ, то какъ скажетъ хорошее слово? Чамука отправился къ старшему сыну Унгъ-хана, Сянкуну, и сказалъ ему: «вы, отецъ и сынъ, Чингизъ-хана считаете себѣ другомъ, а онъ тайно чрезъ посла своего ведетъ переговоры съ Найманскими ханами, Таянгъ-ханомъ и Бусрукъ-ханомъ, о томъ, чтобы имъ троимъ быть за одно, изгнать Унгъ-хана и Сянкуна изъ ихъ орды. Лучше меня никто не знаетъ тайнъ Чингизъ-хановыхъ, во-первыхъ потому, что я его родственникъ, въ одномъ съ нимъ мѣстѣ я родился и выросъ; во-вторыхъ всѣмъ вамъ я извѣстенъ.» Причина этихъ переговоровъ его съ Найманами была та, что владѣнія Кераитскія были рядомъ съ Найманскими, между ними не было другаго народа; а потому они издавна другъ другу были врагами, то дрались, то мирились. Оба, и отецъ и сынъ, повѣрили словамъ Чамуки-чечена, но говорили: «сынъ Исукай-Багадура, Чингизъ-ханъ, сдѣлалъ для насъ много добра; его благодѣянія неизчислимы. Какъ же намъ дѣлать зло ему, когда онъ никогда намъ не дѣлалъ зла? Чамука человѣкъ болтливый, коварный. Не хорошо, вѣря словамъ его, сдѣлаться вра-

гомъ другу.» Слова Унгъ-хана, что благодѣянія, оказанныя ему Исукай-Багадуромъ, велики, указываютъ на слѣдующія случаи: у Кераитскаго государя, Мергуза, было два сына, старшій Курчакуръ, младшій Кюръ-Мергузъ. По смерти хана братья раздѣлили пополамъ владѣніе, и каждой управлялъ своею частію. У Курчакура было пять сыновъ: старшій Унгъ-ханъ, второй Ирке-кара, третій Байтимуръ, четвертый Камишай, пятый Джакембу. Всѣ они были умны, храбры; Курчакуръ, женивъ своихъ сыновей, умеръ. Они послѣ отца, не раздѣливъ надлежащимъ образомъ народъ и имѣніе, не могли ужиться: мало было подданныхъ, а много было правителей. Унгъ-ханъ и младшій изъ братьевъ Джакембу составили партію, противъ партіи, составленной Ирке-карою съ младшими двоими братьями. Когда произошла между ними битва, Унгъ-ханъ побѣдилъ, а Ирке-кара, обратившись въ бѣгство, ушелъ къ Найманамъ. Получивъ отъ Наймановъ помощь, онъ вызналъ Унгъ-ханъ и сдѣлался властителемъ юрта. Унгъ-ханъ, убѣжавши, искалъ покровительства у Исукай-Багадура. Исукай-Багадуръ, выступивъ въ походъ съ конницею, изгналъ Ирке-кару, Унгъ-хана возвелъ на престолъ отцовъ и возвратился въ свой юртъ. Ирке-кара ушелъ къ дядѣ своему Гюръ-хану, которой чрезъ посла говорилъ племяннику Унгъ-хану: «Послѣ отца осталось васъ пять братьевъ, и доселѣ между вами нѣтъ мира. Разберите, что между вами хорошо и что худо, раздѣлите поровну владѣнія и живите спокойно.» Унгъ-ханъ не соглашался на слова дяди. Гюръ-ханъ, разгнѣвавшись за то, что Унгъ-ханъ не дѣлаетъ по его совѣту, пошелъ противъ него войною. Все простолюдье изъ подвластныхъ Унгъ-хану отказалось итти въ битву; Унгъ-ханъ, имѣя мало людей, не отважился сразиться и ушелъ къ Исукай-Багадуру. Исукай-Багадуръ въ другой разъ выступилъ съ конницею, въ битвѣ убилъ Ирке-кару, Унгъ-хана поставилъ ханомъ и возвратился домой. Такъ Унгъ-ханъ сдѣлался великимъ ханомъ, и могущество его, возрастая со дня на день, уже не умалялось. Теперь, забывъ эти благодѣянія, Унгъ-ханъ отправилъ къ Чингизъ-хану Букдай-Кенджата съ приглашеніемъ его къ себѣ, какъ бы для того, что онъ хочетъ отдать за него свою дочь, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы убить его, когда онъ пріѣдетъ къ нему. Этотъ человѣкъ, Букдай, былъ при Унгъ-ханѣ букауломъ: Монголы букаула называютъ *кенджатъ*. Въ то время жилища ихъ были въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго; Чингизъ-ханъ, не зная внушеній Чамуки и коварства Сянкуна, отправился въ домъ Унгъ-хана, взявъ съ собою двухъ человѣкъ. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Мингликъ-ичеге и все пересказалъ ему объ умыслѣ Унгъ-хана. Чингизъ-ханъ сказалъ Букдай-кенджату: «въ нынѣшніе дни скотъ у меня тощъ, исхудалъ; если Богъ благоволитъ, я чрезъ нѣсколько дней пришлю извѣстіе.» Ласково угостивъ Бугдай-Кенджата, онъ отпустилъ его. Спустя дней шесть послѣ этого происшествія, къ Чингизъ-хану пришли два молодыхъ человѣка,—старшій изъ нихъ назывался Бадай, младшій Кышлыкъ,—съ тѣмъ, чтобы передать ему нѣкоторыя вѣсти. На вопросъ Чингизъ-хана, Бадай отвѣчалъ: «я былъ конскимъ пастухомъ у Буке-Джирана Кераитскаго. Вчера изъ табуна я принесъ молоко въ домъ его, и когда остановился внѣ его, слышалъ слова младшаго брата Буке-Джиранова, Алакаги; онъ говорилъ: Букдай-Кенджатъ ѣздилъ къ Чингизъ-хану, и, возвратившись оттуда, на совѣтѣ говорилъ, что Чингизъ-ханъ узналъ нашъ замыслъ. Такъ наше дѣло не можетъ придти въ исполненіе хитростью и обманомъ. Завтра ночью мы пустимся въ походъ и до восхожденія зари нападемъ на Чингизъ-хана въ его домѣ. Ус-

лышавъ эти слова, я отдалъ молоко и поспѣшилъ явиться сюда, чтобъ передать тебѣ слова ихъ.» Чингизъ-ханъ, получивъ такую вѣсть, передалъ ее народу, которой былъ на его сторонѣ; велѣлъ своему дому перекочевать въ другое мѣсто, и, провожая его, сказалъ: «я найду васъ на рѣчкѣ Балчунѣ.» Самъ онъ остался на мѣстѣ съ людьми, вооруженными луками и стрѣлами; ихъ было двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ; ночью они сидѣли въ юртѣ, держа за узды своихъ коней; по утру, когда солнце поднялось въ высоту на два копейныя древка, явился непріятель, въ числѣ двѣнадцати тысячь человѣкъ. Обѣ стороны стали въ боевой порядокъ. При Чингизъ-ханѣ былъ умный совѣтникъ, Манкатъ родомъ, Куюлдаръ-Чеченъ; когда Ханъ потребовалъ отъ него совѣта, онъ сказалъ: «я съ своимъ отрядомъ зайду въ тылъ непріятелю и тамъ водружу свое знамя; а вы будьте противъ фронта его». Куюлдаръ это выполнилъ. Чингизъ-ханъ, начавъ битву, отбивалъ нападенія. Кераиты сдѣлали на него три быстрыя атаки, но въ каждую были отражены, четвертую атаку сдѣлалъ старшій сынъ Унгъ-хана, Сянкунъ; но когда онъ усиливался разбить фронтъ, его ранили въ лице копьемъ; тутъ много Керантовъ было убито, и нѣсколько было ранено; они отступили. Тогда Чингизъ-ханъ сказалъ: «если мы дольше будемъ здѣсь стоять, то намъ не миновать бѣды, потому что къ нимъ много людей придутъ на помощь. Теперь, пока непріятель насъ не видитъ, уйдемъ туда, куда откочевалъ нашъ юртъ.» Онъ отступилъ, а непріятель остался на томъ мѣстѣ, и не могъ замѣтить его отступленія, обращенный своимъ фронтомъ къ противоположной сторонѣ. Чингизъ-ханъ догналъ свой станъ на рѣкѣ Балчунѣ. Но такъ какъ воды въ руслѣ этой рѣки было мало, она не имѣла своей надлежащей полноты, то они, видя невыгоду остановиться при ней, перекочевали на берегъ рѣки Колы и подвигались далѣе вдоль берега ея. Встрѣтясь съ тамошними жителями, спросили ихъ, что они за люди; имъ отвѣчали: «мы Конкираты.» Въ то время главнымъ начальникомъ Конкиратовъ былъ Тюркъ-или. Ханъ чрезъ посла говорилъ ему:» между нами никогда не было вражды; потому мы, потерпѣвъ насиліе тамъ, на прежнемъ мѣстѣ, пришли сюда. Если ты будешь нашимъ другомъ, то будь союзникомъ нашей державѣ; а если хочешь быть врагомъ, вотъ я здѣсь.» Когда посланный пересказалъ имъ слова эти, тогда всѣ Конкираты явились предъ лице Хана и отдались ему въ вѣрноподданство. Послѣ того Чингизъ-ханъ перешелъ съ рѣки Колы на рѣку Конканаваръ и здѣсь остановился на отдыхъ. Отселѣ онъ отправилъ къ Унгъ-хану посломъ Аркайчуна-Багадура, изъ поколѣнія Ильтуркинъ, чрезъ котораго говорилъ: «два раза лишившись своего владѣнія, ты приходилъ къ двери отца моего, и въ оба раза отецъ мой, возвращая тебѣ твою область, возводилъ тебя на престолъ родительскій. И я также въ пяти или шести случаяхъ дѣлалъ добро тебѣ. (Послѣ перечислилъ всѣ ихъ; если бы мы стали всѣ ихъ вносить въ книгу, то нашъ расказъ очень былъ бы длиненъ.) Я не присвоивалъ ни твоихъ подданныхъ, ни твоего имѣнія, и не сдѣлалъ никакой вины предъ тобою: зачѣмъ же ты мучишь и себя, мучишь и меня? У телѣги если оба колеса цѣлы, то она хорошо катится: у телѣги, на которой уложено твое счастіе, одно колесо есть сынъ твой, Сянкунъ; другимъ колесомъ былъ я. Зачѣмъ ты разстроиваешь свое счастье?» Когда Аркай-чунъ сказалъ эти слова, Унгъ-ханъ отвѣчалъ: «Чингизъ-ханъ что ни говоритъ, всегда говоритъ истинно. На его слова я никакого не даю отвѣта. Настоящія дѣла затѣялъ Сянкунъ, поди къ нему, пусть онъ отвѣчаетъ.» Аркай-чунъ явился къ Сянкуну, и этотъ сказалъ ему; «станемъ сра-

жаться; кому изъ насъ Богъ дастъ побѣду, тотъ и царствуй. Вотъ мой отвѣтъ!» Чингизъ-ханъ нѣсколько еще разъ посылалъ посла съ прошеніемъ мира, Унгъ-ханъ не мирился. Когда вся надежда на примиреніе изчезла, онъ выступилъ съ войскомъ. Унгъ-ханъ, услышавъ объ этомъ, вышелъ навстрѣчу ему; они сразились, Чингизъ-ханъ остался побѣдителемъ. Унгъ-ханъ и сынъ его Сянкунъ, каждый съ человѣками шестью, спасались бѣгствомъ. Область Кераитская была вторая по достоинству, многосельная и раздѣлялась на четыре удѣла: Чингизъ-ханъ сдѣлался обладателемъ всѣхъ ихъ. Унгъ-ханъ между тѣмъ пробирался къ хану Найманскому. На пути во владѣнія Наймановъ, онъ встрѣтился съ двумя изъ главныхъ вельможъ Таянгъ-хановыхъ, Хуріемъ и Сумаджутъ-Таникою; между Кераитами и Найманами издавна была вражда: вельможи, предполагая, что если они Унгъ-хана живаго приведутъ къ Таянгъ-хану, онъ не умертвитъ его, но сохранитъ его жизнь, убили его на томъ мѣстѣ, принесли къ Таянгъ-хану голову Унгъ-хана и все имѣніе, при немъ бывшее. Таянгъ-ханъ винилъ князей за этотъ поступокъ и сказалъ: «такого великаго государя и еще старца зачѣмъ вы убили? Вамъ должно было бы его живаго привести ко мнѣ.» Онъ велѣлъ обдѣлать серебромъ голову Унгъ-хана и поставилъ ее на тронъ, обративъ лицемъ къ двери. Однажды Унгъ-хановъ сухой черепъ, высунувъ изъ рта языкъ, ворочалъ имъ, и три раза въ въ тотъ день такъ имъ дѣлалось; Найманскіе старики почли это дурнымъ предзнаменованіемъ. Сянкунъ же воротился въ свой юртъ, жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ; народъ задумалъ схватить и убить его. Узнавъ объ этомъ умыслѣ, онъ скрылся и ушелъ въ землю Хатанскую. Хатанскій правитель Кылычь-кара, изъ поколѣнія Каль-ачьскаго, схватилъ его и убилъ, а

его женъ и дѣтей вмѣстѣ съ головою Сянкуна отослалъ къ Чингизъ-хану.

Возведеніе Чингизъ-хана въ ханское достоинство.

Чингизъ-ханъ достигъ высшей степени могущества: только сильнѣйшія изъ сосѣднихъ поколѣній не признавали надъ собою его власти; слабѣйшія и малолюдныя одно за другимъ покорились ему. Въ пятьсотъ девяносто девятомъ году гиджры (1202, 3 Р. Х.), въ свиномъ году, на сороковомъ году жизни, его возвели на ханскій престолъ. Въ мѣстечкѣ Наманъкере Ханъ сдѣлалъ пиръ и далъ обѣдъ: въ это время Кюкче, сынъ Минглика-ичеге, изъ поколѣнія Кунукмарскаго, пришелъ сюда; у Моголовъ слово *кюкче* тоже, что «божественный». Онъ говорилъ «мнѣ сказано было отъ Бога: поди къ Темучину, къ его подданнымъ и ко всѣмъ людямъ, и скажи имъ: отнынѣ да не называютъ Темучина этимъ именемъ; владычество надъ всею землею я отдалъ Чингизу, его дѣтямъ и потомкамъ.» Слово *чингъ* значитъ великій; *чингизъ* есть множественное число этого слова. Кюкче въ зимнее время, въ жестокіе морозы, какіе бываютъ въ Монголіи, ходилъ нагой и босой; онъ сказывалъ: «каждый день ко мнѣ невидимо приводятъ бѣлаго коня, я сажусь на него, отправляюсь на немъ на небо и тамъ бесѣдую съ Богомъ.»

Побѣда Чингизъ-хана надъ Найманами.

Таянгъ-ханъ, государь Найманскій, отправивъ посла къ князю Унгутскому, Алакушъ-тегину, говорилъ: Чингизъ-ханъ покоряетъ себѣ поколѣнія, которыя стояли внѣ всякихъ отношеній къ его подданнымъ; хорошихъ среди нихъ людей истребляетъ, а чернь подчиняетъ себѣ. Кераиты были главною

областію нашего юрта; всѣхъ лучшихъ людей, начиная съ Хана ихъ, онъ избилъ, а простолюдье подчинилъ себѣ; небольшія поколѣнія по страху сами передаются ему. Прежніе умные люди говорили: десять дервишей помѣстятся на одномъ коврѣ, а два Государя не помѣстятся въ одной странѣ. Теперь чреда не доходитъ ли и до тебя и до меня? Покуда Чингизъ-ханъ еще не напалъ на насъ, соединимся, и, призвавъ на помощь Бога, истребимъ его». Алакушъ-тегинъ, услышавъ эти слова, послалъ къ Чингизъ-хану своего чиновника и ему велѣлъ пересказать все, что говорено было Таянгъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ, какъ скоро услышалъ это, созвалъ своихъ князей и совѣтовался съ ними объ этомъ. Князья говорили: теперь кони у насъ истомлены; когда они поправятся, тогда пойдемъ въ походъ противъ Найманова. Младшій братъ отца Чингизъ-ханова, Даритай-утчукинъ, сказалъ: вы отговариваетесь изнуреніемъ коней, но кто сегоднишнее дѣло откладываетъ до завтра, тотъ никакого дѣла не кончитъ. Если тощи ваши кони, то жирные кони найдутся въ моей волости: каждому изъ васъ дамъ по коню.» Въ шестисотомъ году гиджры (1203, 4 Р. Х.), въ мышиный годъ, Чингизъ-ханъ выступилъ въ походъ противъ Таянгъ-хана, поставивъ въ челѣ своего войска Чене-пойяна. Онъ взялъ языка и послалъ его къ Хану. На распросы Хана, онъ разсказалъ, что къ Таянгъ-хану, на берегу рѣки Алтая, сверхъ Найманскаго войска, собрались войско Меркитское, войско Ойратское, Джуйратское, и всѣ, соединившись съ Таянгъ-ханомъ, идутъ на Чингизъ-хана. Таянгъ-ханъ узналъ о приближеніи Чингизъ-хана и вывелъ противъ него свое войско: передовая стража извѣстила объ этомъ Чингизъ-хана. Въ томъ мѣстѣ онъ устроилъ полки свои къ битвѣ: правой рукѣ поставилъ начальникомъ Джучи-касара; старшаго сына своего Джучи-хана лѣвой рукѣ, а

самъ управлялъ центромъ. Съ утра до заката солнечнаго продолжалась битва. Таянгъ-ханъ былъ тяжело раненъ, найманское войско отступило; посадили Таянгъ-хана на лошадь, но не могли ѣхать. Битва происходила у подошвы горы; они съ Таянгъ-ханомъ поднялись на гору; но сколько ни дѣлали ему вопросовъ, онъ не могъ отвѣчать. Найманскіе беки, видя Хана въ безнадежномъ положеніи, сказали: «лучше умереть, чѣмъ безславно оставить своего государя, свою родину, и идти въ чужое отечество.» Оставивъ Таянгъ-хана въ томъ мѣстѣ, они спустились съ горы, сразились съ Чингизъ-хиномъ; когда ихъ осталось мало, Чингизъ-ханъ велѣлъ сказать имъ: «я прощаю васъ, оставляю месть за кровь; такіе воины заслуживаютъ хлѣбъ и соль, положите ваши луки и идите ко мнѣ». До шести разъ говорили имъ это, они не соглашались и бились до послѣдняго. Когда всѣ они пали въ битвѣ, люди, остававшіеся съ Таянгъ-ханомъ, посадили Хана на лошадь и пустились въ бѣгъ; во время бѣгства онъ умеръ. Сынъ Таянгъ-хана, Кючликъ, спасшись изъ этой битвы, ушелъ къ дядѣ Таянгъ-ханову, Буюрукъ-хану.

СМЕРТЬ ЧАМУКИ ЧЕЧЕНА.

Мы разсказали выше, какъ Чамука-чеченъ, Джуйратъ, былъ виновникомъ военныхъ смутъ, своими внушеніями Сянкуну, сыну Унгъ-ханову. По смерти Унгъ-хана, онъ перешелъ къ хану Найманскому, а по смерти Таянгъ-хана ушелъ въ свой домъ. Джуйраты, въ общемъ совѣтѣ, разсуждали между собою: «Чингизъ-ханъ намъ властитель и одного съ нами поколѣнія; а Унгъ-ханъ кераитскій что намъ былъ? Таянгъ-ханъ Найманскій что намъ былъ? слѣдуя его внушеніямъ, мы должны были воевать съ Чингизъ-ханомъ. Всѣхъ этихъ дѣлъ затѣйщикъ Ча-

мука-чеченъ. Если мы не избавимся отъ него, то намъ не быть уже народомъ.» Потому они схватили Чамуку, связали ему руки и ноги и представили его Чингизъ-хану. Ханъ велѣлъ его умертвить, разнявъ его по суставамъ. Когда его рѣзали по суставамъ, онъ сказалъ: «скажу отъ души правду: еслибы Чингизъ-ханъ попался въ мои руки, то я также велѣлъ бы разнять его по суставамъ. Мое желаніе не исполнилось.»

Покореніе меркитовъ и тангута.

Пораженіе Таянгъ-хана было осенью. Чингизъ-ханъ слѣдующую зиму пробылъ дома; весною выступилъ противъ Меркитовъ. Начальникомъ ихъ былъ Тукта-бики, бывшій вмѣстѣ съ Таянгъ-ханомъ, когда онъ потерпѣлъ пораженіе. Не имѣя силъ бороться съ Чингизъ-ханомъ, онъ бѣжалъ къ Найманскому хану, Буйруку. Чингизъ-ханъ покорилъ Меркитовъ и присоединилъ ихъ къ своей державѣ.—Потомъ онъ отправился въ походъ на Тангутъ. Правитель Тангута заперся въ крѣпости; Чингизъ-ханъ въ нѣсколько дней взялъ крѣпость и сровнялъ ее съ землею, убилъ государя Тангутскаго, и, поставивъ въ обоихъ областяхъ правителя, возвратился домой.

Походъ чингизъ-хана противъ найманскаго хана, Буйрукъ-хана.

Чингизъ-ханъ прожилъ въ домѣ зиму того года, въ который возвратился изъ похода Тангутскаго; весною онъ выступилъ противъ Буйрукъ-хана. Онъ былъ уже близко къ Буйруку, а этотъ, не слыша о походѣ Чингизъ-хана, съ немногими людьми выѣхалъ на охоту и встрѣтился съ Чингизъ-ханомъ.

Чингизъ-ханъ схватилъ его въ этомъ мѣстѣ и отрубилъ ему голову. Сынъ Таянгъ-хана, Кючлюкъ, и меркитскій ханъ Тукта-бикій съ своими сыновьями, Джелауномъ и Меджаромъ, не подверглись участи хана, ибо не поѣхали на охоту. Изъ свиты Буйрукъ-хана одинъ человѣкъ успѣлъ убѣжать и извѣстить ихъ о семъ; Кючлюкъ и Тукта-бикій бѣжали и ушли на Иртышъ. Чингизъ-ханъ, завладѣвши домомъ и областію Буйрукъ-хана, возвратился въ орду свою.

Присоединеніе киргизовъ къ чингизъ-хановой державѣ.

Чингизъ-ханъ отправилъ къ Киргизамъ послами Алтана и Турмыша, съ требованіемъ покорности. Въ то время государемъ Киргизовъ былъ Урусъ-Иналъ. Онъ, изъявивъ покорность Чингизъ-хану, послалъ къ нему лучшихъ людей съ дарами. Въ числѣ даровъ самымъ рѣдкимъ былъ бѣлый кречетъ, у котораго ноги, носъ и глаза были красные.

Чингизъ-ханъ преслѣдуетъ кючлюка и тукта-бикія.

Пробывъ дома зиму, съ наступленіемъ весны онъ пустился преслѣдовать Кючлюка. Когда онъ приблизился къ Иртышу, ему встрѣтились Ойраты (и Карлыки); княземъ Ойратовъ былъ Купука-бики; ханомъ Карлыковъ-Арсланъ. Они, сознавая себя слабыми, а Чингизъ-хана сильнымъ, покорились ему. Ханъ, сдѣлавъ ихъ вожаками, на берегахъ Иртыша настигъ Кючлюка и Тукта-бикія; они не въ состояніи были сражаться съ нимъ и обратились въ бѣгство. Ханъ, преслѣдуя ихъ, схватилъ Тукта-бикія и велѣлъ убить его. Кючлюкъ спасся и ушелъ въ Туркестанъ къ Хану Кара-хатайскому, Гуръ-хану. Гуръ-ханъ принялъ его съ великою честію, отдалъ за не-

го свою дочь и назвалъ его своимъ сыномъ. Чингизъ-ханъ же возвратился оттуда въ свою Орду.

Подданство уйгуровъ.

Государь Уйгурскій, Иди-кутъ, покорившись Гуръ-хану Кара-хатайскому, платилъ ему дань скотомъ, и Гуръ-ханъ поставилъ даругой этому народу своего придворнаго Шадекюма. Шадекюмъ, поселившись въ этомъ народѣ, началъ дѣлать столько притѣсненій и обидъ, что Уйгуры, крайне оскорбленные имъ, не могли сносить дурныхъ его поступковъ. Въ то время походы Чингизъ-хана на Монголовъ и на Хатай и всѣ его подвиги сдѣлались извѣстными между народами міра: Идикутъ, убивъ Гуръ-ханова сановника, Шадекюма, отправилъ посла къ Чингизъ-хану и говорилъ: «слыша славу твоихъ подвиговъ, раскрываю коверъ сердца моего для принятія благосклонности твоей; надѣюсь, доколѣ продолжится жизнь моя, быть покорнымъ и усердно служить тебѣ.» Посолъ когда исполнилъ свое дѣло въ Ордѣ Чингизъ-хана, Чингизъ-ханъ, избравъ въ послы Дурбая, отправилъ его къ государю Уйгурскому, Идикуту. Когда Идикутъ, съ богатыми дарами явившись къ Чингизъ-хану, изъявилъ ему свою покорность, Чингизъ-ханъ съ своей стороны, оказавъ Идикуту вниманіе и ласку, щедро его угостилъ и честилъ. Въ это время Идикутъ говорилъ Чингизъ-хану: «пользуясь благоволеніемъ властелина вселенной, смѣю надѣяться быть пятымъ сыномъ его.» Чингизъ-ханъ понялъ, что онъ за себя проситъ у него дочь его и выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей. Присовокупляю къ свѣдѣнію, что слово Идикутъ на монгольскомъ языкѣ значитъ «счастливый».

Завоеваніе Чингизъ-ханомъ Хатая, Кара-Хатая и Джурджита.

Властитель земли Чингизъ-ханъ, не имѣя болѣе враговъ въ Монголіи, собралъ въ одно мѣсто всѣхъ Монголовъ и сказалъ: «Хатайскій государь Алтанъ-ханъ много зла дѣлалъ моему отцу и родственникамъ моимъ. Теперь, при помощи Бога всевышняго, хочу покорить Хатайское царство и надѣюсь отмстить Алтанъ-хану за моего отца и братьевъ.» Князья, вполнѣ ободривъ намѣреніе Хана, сказали: «прежде пошли къ Алтанъ-хану посла; если онъ, исполняя твое слово, подчинится тебѣ, то хорошо; а если этого не будетъ, то надобно воевать съ нимъ.» Чингизъ-ханъ, избравъ посломъ одного изъ сановниковъ своихъ, Чекаръ-ходжу, отправилъ его къ Алтанъ-хану и велѣлъ сказать: «Вѣчный Богъ даровалъ мнѣ владычество надъ землею; слава моя разносится среди народовъ міра. Ты, Алтанъ-ханъ, услышавъ эти слова мои отъ посла моего, покорись мнѣ и признавай меня верховнымъ Государемъ. Если не сдѣлаешь этого, я выступлю съ многочисленнымъ войскомъ и разсчитаюсь съ тобою въ дружбѣ и враждѣ; тогда увидимъ, на чью голову Вѣчный Богъ возложитъ вѣнецъ величія, и кого покроетъ ковромъ ничтожества?» Чекаръ-ходжа, прибывши въ орду Алтанъ-хана, пересказалъ всѣ слова Чингизъ-хана. Алтанъ, разгнѣванный ими, сказалъ Чекаръ-ходжѣ: «Чингизъ-ханъ не долженъ равнять меня съ другими Тюрками; а если у него есть охота драться, пусть скорѣе идетъ сюда: я не замедлю помѣриться съ нимъ силами.» Чекаръ-ходжа, принявъ отпускъ, на обратномъ пути внимательно осмотрѣлъ и узналъ дороги, мѣста, горы, рѣки въ Хатаѣ. Возвратившись къ Чингизъ-хану, онъ подробно передалъ слова Алтанъ-хана. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, объявилъ походъ и съ многочисленнымъ

ополченіемъ отправился на Алтанъ-хана. Алтанъ-ханъ также вывелъ изъ владѣній своихъ безчисленную рать. При входѣ въ одну долину, по которой дорога была уже Сирата, Алтанъ-ханъ расположился съ своимъ войскомъ. Чингизъ-ханъ, прибывъ въ эту страну, овладѣлъ многими областями ея; истребилъ много жителей, нѣкоторыя области ея предалъ пламени. Алтанъ-ханъ выслалъ навстрѣчу Чингизъ-хану одного изъ князей своихъ съ большими силами: изъ войска Чингизъ-хана одинъ человѣкъ убѣжалъ и явился къ князю Алтанъ-ханову, посланному противъ Чингизъ-хана, и сказалъ: «Чингизъ-ханъ, безчисленными силами овладѣвъ однимъ великимъ Хатайскимъ городомъ, огнемъ и мечемъ истребивъ его жителей, идетъ съ множествомъ плѣнниковъ; изъ нихъ одинъ я убѣжалъ.» Князь Алтанъ-хановъ, услышавъ это, съ большими силами выступилъ и наткнулся на войско Чингизъ-хана, который, предварительно извѣщенный о приближеніи непріятеля, двинулся съ большими силами, и, положившись на Бога, встрѣтилъ лицемъ къ лицу Алтанъ-ханова князя, вступилъ съ нимъ въ сильный бой. При помощи Бога Всевышняго, Чингизъ-ханъ поразилъ князя, истребилъ его войско и овладѣлъ многими крѣпостями хатайскими. Послѣ того съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ Чингизъ-ханъ устремился въ долину, гдѣ стоялъ Алтанъ-ханъ: здѣсь битва между ними была продолжительна; наконецъ Алтанъ-ханъ, потерявъ до тридцати тысячъ человѣкъ, отступилъ къ Ханъ-балыку. Въ Ханъ-балыкѣ кто дѣлался государемъ и вступалъ на царскій престолъ, титуловался *Алтанъ*. Послѣ этой битвы Чингизъ-ханъ овладѣлъ многими областями Хатайскими.

Возвращеніе Чингизъ-хана послѣ примиренія съ Алтанъ-ханомъ и женитьбы на его дочери.

Алтанъ-ханъ, бѣжавъ отъ Чингизъ-хана, когда пришелъ въ Ханъ-балыкъ, услышалъ, что Чингизъ-ханъ, овладѣвъ многими областями, идетъ къ Ханъ-балыку, на совѣтѣ съ своими Беками спрашивалъ: «что лучше-воевать или примириться съ Чингизъ-ханомъ?» Везирь его Ченгсангъ говорилъ: лучше примириться; потому что Чингизъ, ханъ послѣ замиренія, уйдетъ назадъ въ свою державу, а мы, избавясь отъ трудовъ военныхъ, соберемъ умныхъ людей и бековъ, и, посовѣтовавшись съ ними о вѣрныхъ способахъ къ устройству державы, позаботимся привести ихъ въ исполніе.—Алтанъ-ханъ, склонившись на мнѣніе Везиря, отправилъ посла къ Чингизъ-хану и въ даръ ему послалъ свою дочь, которая была еще подъ покрываломъ дѣвства. Чингизъ, ханъ вселенной, благосклонно принялъ посла Алтанъ-ханова, взялъ за себя дочь его, къ нему присланную, съ удовольствіемъ помирился съ нимъ и возвратился въ свою державу.

Алтанъ-ханъ, видя государство свое въ разстроенномъ положеніи, отправился въ городъ Темкинъ. Этотъ городъ построенъ былъ отцемъ Алтанъ-хана. Онъ былъ чудно укрѣпленъ; окружность его была въ сорокъ фарсанговъ; онъ стоялъ на берегу большой рѣки: если во время утренней молитвы въ лодкѣ отплывали отъ того конца его, то уже въ вечерній намазъ выходили на этомъ концѣ. Вокругъ города построены были еще три крѣпости: такъ укрѣпленъ былъ этотъ городъ! Алтанъ-ханъ, отдавъ Ханъ-балыкъ своему сыну, самъ отправился въ городъ Темкинъ. Алтанъ-ханъ, во время своего переѣзда изъ Ханъ-балыка, велѣлъ казнить смертію нѣкото-

рыхъ кара-хатайскихъ начальниковъ за неважныя вины; поэтому нѣсколько хатайскихъ наѣздниковъ у сына Алтанъ-ханова отогнали коней, овецъ, верблюдовъ и коровъ и присоединились къ войску Чингизъ-хана. Послѣ того одинъ молодой человѣкъ изъ Кара-хатайцевъ произвелъ мятежъ; овладѣвъ нѣкоторыми областями Хатая, онъ отправилъ посла къ Чингизъ-хану, а напослѣдокъ и самъ съ своимъ народомъ вступилъ въ службу этого властителя вселенной и награжденъ царскимъ благоволеніемъ и державною милостію. Такимъ образомъ многіе изъ Бековъ Алтанъ-хана, единственно по неблагодарности къ милостямъ его, уходили отъ него и присоединялись къ ордѣ Чингизъ-хана. Алтанъ-хановъ сынъ, спустя пять мѣсяцовъ, видя непостоянство и перевороты счастія, поручилъ управленіе Ханъ-балыкомъ князьямъ, а самъ ушелъ къ отцу своему. Чингизъ-ханъ, получивъ извѣстіе о слабости Алтанъ-хана, послалъ Самука-багадура и Мескапъ-багадура съ сильнымъ войскомъ взять Ханъ-балыкъ. На дорогѣ къ Ханъ-балыку многіе изъ Кара-хатайцевъ соединялись съ сими двумя полководцами и шли къ тому городу. Въ это время Алтанъ-ханъ услышалъ, что въ Ханъ-балыкѣ насталъ сильный голодъ; потому онъ съ двумя князьями, подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, отправилъ въ Ханъ-балыкъ нѣсколько харваровъ хлѣба. Эти два князя, когда везли хлѣбъ, встрѣтились съ двумя Чингизъ-хановыми военачальниками; началась жестокая битва: Алтанъ-хановы князья, ихъ войско, весь хлѣбъ достались князьямъ Чингизъ-хановымъ. Алтанъ-ханъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, принялъ ядъ и умеръ. Послѣ этого городъ Ханъ-балыкъ покорился Чингизъ-хановымъ вождямъ. Воеводы монгольскіе послали къ Чингизъ-хану извѣстіе, что они овладѣли Ханъ-балыкомъ, казною и великими сокровищами Алтанъ-хановыми; Чингизъ-ханъ

отправилъ въ Ханъ-балыкъ Кутукту-Нойяна съ двумя князьями, приказавъ имъ перевести къ нему казну Алтанъ-ханову. Эти три князя, уложивъ во вьюки казну и прочія сокровища, перевезли ихъ къ Чингизъ-хану. Чингизъ-ханъ, въ пять лѣтъ овладѣвъ многими областями Хатая, поставилъ въ нихъ правителей и даруговъ и возвратился въ свою Орду.

Потомъ онъ сдѣлалъ походъ въ область Акашинъ: въ нынѣшнее время это владѣніе называютъ Тангутъ. Онъ овладѣлъ всею этою областію.

Онъ въ своемъ умѣ предполагалъ еще разъ сдѣлать походъ на Хатай и покорить всѣ остальныя области его; но это намѣреніе было оставлено имъ потому, что сынъ Найманскаго Хана, Кючлюкъ, по смерти своего отца, ушелъ въ Тюркестанъ. Нѣкоторые изъ враговъ Чингизъ-хановыхъ, по общему согласію между собою, поставили себѣ Кючлюка государемъ, и, по совѣту Султана Мохаммеда, съ которымъ они сносились чрезъ посла, взбунтовались противъ Гуръ-хана. Въ это время Тюркестанъ былъ въ зависимости отъ Кара-хатая; Кючлюкъ захватилъ половину владѣній Гуръ-хановыхъ. Чингизъ-ханъ, извѣстясь объ этомъ, сказалъ: «когда столь опасный врагъ явился на одной сторонѣ моего царства, то мнѣ нельзя пускаться въ далекій походъ,» потому отложилъ экспедицію на Хатай. Въ это же время пришла вѣсть, что младшій братъ Меркитскаго Хана, Тукта-бикія, Куду, съ тремя своими сыновьями, убѣжавъ, живетъ въ Найманскомъ юртѣ: тамъ всѣ они составляютъ враждебные замыслы: Чингизъ-ханъ выслалъ на нихъ съ большимъ войскомъ Суюдай-Багадура и Конкиратъ-Тугаджара. Они въ своемъ походѣ нашли ихъ на берегу рѣки Чумъ-мурана, сразились съ ними, поразили и истребили ихъ,

взявъ много въ плѣнъ и въ неволю. Такъ въ шестьсотъ тринадцатомъ году (1216 Р. Х.) прекратилась держава Меркитская.

Высылка Бургулъ-нойяна противъ туматовъ.

Туматы, во время похода Чингизъ-ханова на Хатай, возмутились. Ханъ, возвратившись изъ похода, послалъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ Бургулъ-Нойяна. Онъ отправился, взялъ много ихъ въ плѣнъ и въ неволю, и возвратился ко двору Хана.

Сыновья, жены и наложницы Чингизъ-хана.

У Чингизъ-хана много было женъ и наложницъ, будтобы больше пяти сотъ; всѣ жены его были дочери или жены Хановъ; выше всѣхъ достоинствомъ было пять женъ: первая Бурте-Кучинь, мать его сыновей: вторая Кенджу, дочь Алтанъ-хана; третья Кюйсу, жена Таянгъ-хана; четвертая Милунь, пятая Сююкянь, обѣ были дочери одного Татарина: вторая изъ этихъ двухъ сестеръ взята имъ была, когда умерла первая.

Четыре сына было у Чингизъ-хана. Старшій Джучи-ханъ, второй Джагатай-ханъ, третій Огдай-каанъ, четвертый Тули-ханъ. Имя Джучи значитъ *гость*; Огдай значитъ *великій*; Тули значитъ *зеркало*. Каждаго изъ нихъ онъ опредѣлилъ къ особой должности: распоряженію Джучія поручены были аудіенціи, пиры и управленіе домомъ; Джагатаю—судъ и расправа: Огдаю—государственная казна и администрація; Тули-хану—управленіе военное. Кромѣ сихъ четырехъ сыновъ, у Чингизъ-хана было еще пять сыновъ отъ другихъ женъ: хатайскую державу до земли Алмака, онъ, при возвращеніи оттуда, отдалъ

въ управленіе тѣмъ пяти сыновьямъ, подчинивъ ихъ первымъ четыремъ ихъ братьямъ. Когда Чингизъ-ханъ раздѣлилъ свои владѣнія четыремъ своимъ сыновьямъ, то, посадивъ ихъ вмѣстѣ, сказалъ имъ: «будьте между собою согласны, не враждуйте другъ съ другомъ» и, вынувъ изъ своего колчана стрѣлу, переломилъ ее; потомъ, сложивши вмѣстѣ нѣсколько стрѣлъ, спросилъ: кто переломитъ ихъ? Никто не могъ переломить. Чингизъ-ханъ, обратясь къ своимъ сыновьямъ, сказалъ:» вы подобны этимъ стрѣламъ: если всѣ вы, избравъ одного изъ среды своей, поставите его себѣ государемъ и будете неуклонно слѣдовать его повелѣніямъ, никто не сокрушитъ васъ; но если, оставивъ единодушіе, отдѣлитесь одинъ отъ другаго враждою, то васъ также сокрушатъ, какъ переламываютъ одну стрѣлу. «Прекрасное было дано наставленіе.

Походъ Чене-нойяна противъ Кючлюка и убіеніе сего послѣдняго.

Кючлюкъ, сынъ Найманскаго хана Таянга, убѣжавъ, ушелъ въ Кара-хатай и искалъ покровительства себѣ у Гуръ-хана. Напослѣдокъ, разладивъ съ Гуръ-ханомъ, онъ захватилъ его владѣнія и собиралъ къ себѣ тѣхъ изъ Монголовъ и Татаръ, которые были во враждѣ съ Чингизъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, выслалъ противъ него большое войско подъ начальствомъ Чене-Нойяна, изъ поколенія Шешве. Чене-Нойянъ, настигнувъ его, сразился съ нимъ, разбилъ его. Кючлюкъ бѣжалъ съ немногими людьми; остальныхъ Чене-Нойянъ истребилъ, семейства ихъ взялъ въ плѣнъ, обратилъ въ рабство, и преслѣдовалъ Кючлюка. Чрезъ нѣсколько дней настигнувъ его, онъ истребилъ его нукеровъ, и Кючлюкъ съ человѣками тремя убѣжалъ въ Бедахшанъ, на долину Саригъ-кольскую. Чене-Нойянъ, от-

правясь вслѣдъ за нимъ, на пути сколько ни искалъ его и сколько о немъ ни распрашивалъ, не могъ сыскать его. Наконецъ попавшійся ему человѣкъ, который гналъ пару коней, на распросы его сказалъ: «три человѣка, съ тѣми примѣтами, которыя тобою сказаны, ушли въ эту сторону.» Чене-Нойянъ, получивъ эти извѣстія, ускорилъ преслѣдованіе, поймалъ Кючлюка, и, отрубивъ ему голову, возвратился къ Хану, которымъ щедро былъ награжденъ и удостоился быть любимцемъ его.

Чингизъ-ханъ отправляетъ Махмудъ-илауча посломъ къ Султану Мохаммеду, шаху Харезмскому.

Чингизъ-ханъ отправилъ посла своего Махмудъ-илауча къ Султану Мохаммеду, шаху Харезмскому, и велѣлъ сказать ему: «Всевышній Богъ предалъ мнѣ всѣ народы, отъ востока до предѣловъ твоего царства. Теперь нужно, чтобы ты былъ мнѣ сыномъ, содѣйствовалъ общему благу, дабы Мусульмане вкусили невозмущаемый миръ.» Махмудъ-илаучъ явился къ Султану и пересказалъ тѣ слова. Однажды Султанъ Мохаммедъ, позвавъ къ себѣ Махмудъ-илауча, наединѣ сказалъ ему: «спрошу тебя объ одномъ, скажи правду: имѣлъ-ли право твой Государь завоевать Хатайское государство?» Говоря это, онъ снялъ съ своей руки дорогую, прекрасную жемчужину и отдалъ ее Махмудъ-илаучу. Махмудъ-илаучъ сказалъ: «клянусь Богомъ, мой Государь говоритъ истину; справедливость словъ его вамъ скоро будетъ извѣстна.» Султанъ Мохаммедъ, сильно разгнѣванный этими словами, сказалъ Махмуду: «Махмудъ! или ты не знаешь, какъ обширно, какъ велико мое царство, какъ могущественна моя держава? Сколько подданныхъ у твоего Хана, что онъ, считая себя выше меня, называетъ меня своимъ сыномъ? Сколь велико у него войско,

что онъ превозносится надо мною?» Махмудъ-илаучъ смутился отъ словъ Султана Мохаммеда и почтительно сказалъ ему: «войско Чингизъ-хана предъ твоимъ войскомъ что свѣтъ луны предъ свѣтомъ солнца.» Этими словами смягчивъ гнѣвъ Султана Мохаммеда, Махмудъ-илаучъ спасъ себя отъ послѣдствій ярости его. Послѣ того поставлены были съ обѣихъ сторонъ мирные договоры: чтобы друзья одного были друзьями другаго, и чтобы враги которой-либо сторонѣ были общими врагами; чтобы не дѣлать зла другъ другу. Послы Чингизъ-хана, получивъ отпускъ отъ Султана, возвратились ко двору всемірнаго завоевателя. Радуясь заключенію мира съ Султаномъ Мохаммедомъ, Чингизъ-ханъ душевно увѣренъ былъ, что какъ Султанъ Мохаммедъ не замыслитъ ничего враждебнаго ему, такъ и онъ самъ не сдѣлаетъ ничего зловреднаго ему, хотя въ то время Халифъ Насиръ изъ Багдада присылалъ посла къ нему и усильно старался возбудить его противъ Султана Мохаммеда и открыть войну съ нимъ; онъ нисколько не уважилъ его предложенія и не думалъ нарушить миръ, до тѣхъ поръ, какъ Гаиръ ханъ, по повелѣнію Султана Мохаммеда, убилъ Чингизъ-хановыхъ купцовъ и посланника.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, по внушенію Гаиръ-хана, убиваетъ пословъ и купцовъ Чингизъ-хановыхъ.

Въ это время земли, лежащія между Ираномъ и Тураномъ, такъ были безопасны, что если бы кто пошелъ отъ запада до востока, положивъ себѣ на голову золотой какой-нибудь сосудъ, то ему никѣмъ не было бы сдѣлано обиды, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился. Во владѣніяхъ монгольскихъ не было городовъ: купцы, во всякое время отправляясь къ

нимъ съ кумачемъ, одеждами, бязью, съ пестредями, полумали тамъ большіе барыши. Съ этою цѣлію нѣсколько Мавераннегрскихъ купцовъ, согласившись между собою, на верблюдахъ привезли товары въ Орду Чингизъ-ханову. Чингизъ-ханъ, призвавъ одного изъ купцовъ, велѣлъ ему оцѣнить привезенные товары; этотъ человѣкъ оцѣнивалъ въ десять золотыхъ такую вещь, которая стоила только одного золотаго. Такой поступокъ не понравился Чингизъ-хану, и онъ сказалъ: «этотъ человѣкъ воображаетъ, что онъ привозитъ сюда такія вещи, какихъ намъ никогда не приводилось видѣть и какихъ у насъ не бываетъ», и велѣлъ своему казначею принести тканей, и этотъ пошелъ и принесъ тысячу сундуковъ съ парчами. Потомъ онъ потребовалъ товары того купца, и ихъ принесли. «Теперь, сказалъ Ханъ, приведите сюда другихъ купцовъ;» ихъ привели: онъ спросилъ о цѣнахъ ихъ товаровъ, они отвѣчали: «желаемъ предложить въ даръ Вашему Величеству нашу собственность, если она только достойна Васъ; а товаровъ продажныхъ для васъ у насъ нѣтъ.» Хану понравились слова ихъ; онъ взялъ себѣ всѣ ими привезенные товары; за вещь, стоющую одной монеты, онъ платилъ десять монетъ, обласкалъ и угостилъ ихъ. Сверхъ того онъ повелѣлъ своимъ князьямъ, чтобы они съ каждымъ купцомъ отправили по одному человѣку: всѣхъ, отправленныхъ съ купцами, было четыреста пятьдесятъ человѣкъ. Троихъ изъ нихъ Чингизъ-ханъ отправилъ послами къ Султану Мохаммеду: одинъ изъ нихъ былъ Махмудъ изъ Харезма, другой Али-ходжа изъ Бухары, третій Юсуфъ изъ Отрара; имъ поручено было передать слѣдующія слова:« столько-то вашихъ купцовъ, бывъ у насъ, удостоились нашего благоволенія и милостей; мы также отправили отъ себя къ вамъ нѣсколько человѣкъ, надѣясь, что примете ихъ ласково и отпустите съ милостями. Будь мнѣ сы-

номъ; Всевышній намъ двоимъ отдалъ вселенную: если я буду отцемъ, а ты мнѣ сыномъ, и мы другъ другу будемъ добры, то всѣ пути будутъ безопасны, всѣ будутъ жить въ покоѣ и довольствѣ. Посланные имъ прибыли въ Отраръ. Правитель Отрара, Инальчукъ, былъ родственникъ матери Султана Мохаммеда; Султанъ Мохаммедъ далъ ему имя Гаиръ-ханъ. Купцы представились ему; одинъ изъ нихъ зналъ Инальчука и назвалъ его Инальчукомъ, а не Гаиръ-ханомъ; этотъ, обидясь этимъ словомъ, велѣлъ купцовъ арестовать и послалъ къ Султану Мохаммеду увѣдомленіе, что нѣсколько человѣкъ пришли въ Отраръ для шпіонства. Султанъ Мохаммедъ, не разсмотрѣвъ дѣла, велѣлъ убить ихъ и забрать ихъ товары. Гаиръ-ханъ умертвилъ ихъ и взялъ ихъ товары. Одинъ изъ купцовъ бѣжалъ и, явясь къ Чингизъ-хану, разсказалъ ему какъ съ ними поступлено. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, пришелъ въ сильный гнѣвъ, позвалъ къ себѣ князей и въ совѣтѣ съ ними рѣшилъ итти войною на Султана Мохаммеда, собралъ войско, и послалъ къ нему человѣка сказать: «иду на тебя: да будетъ это тебѣ извѣстно!»

Битва Джучи-хана съ Султаномъ Мохаммедомъ, шахомъ Харезмскимъ.

Джучи, старшій сынъ Чингизъ-хана, отправился въ походъ противъ народовъ нѣкотораго поколѣнія, отдѣлившагося отъ Кючлюка и жившаго подлѣ Тюркестана. Въ то время Султанъ Мохаммедъ узналъ, что Чингизъ-ханъ рѣшилъ воевать его державу, и, собравъ войско, пошелъ къ Самарканду, а отдуда перешелъ къ Хадженду; въ этомъ мѣстѣ онъ, получивъ вѣсть, что Джучи-ханомъ сдѣлано нападеніе на поколѣнія, жившія подлѣ Тюркестана, быстро пошелъ въ страну, гдѣ жило это поколѣніе. Между двумя рѣками,

Кабли и Камаджемъ, нашелъ много убитыхъ, между ними отыскавъ одного полуживаго человѣка, расспросилъ его объ этомъ; онъ разсказалъ ему: «узнавъ о походѣ Джучи-хана въ нашу землю, мы хотѣли спастись отъ него бѣгствомъ; вчера въ такое-то время онъ настигъ насъ въ этомъ мѣстѣ; мы вступили въ битву, онъ насъ разбилъ, и, захвативъ многихъ въ плѣнъ, отселѣ удалился.» Получивъ эту вѣсть, Султанъ Мохаммедъ пустился преслѣдовать Джучи-хана и на другой день настигъ его. Джучи-ханъ, видя, что Султанъ Мохаммедъ догналъ его, совѣтовался съ своими Князьями что дѣлать. Князья говорили: «Ханъ не посылалъ насъ воевать съ Султаномъ Мохаммедомъ; походъ на Джабдаловъ мы сдѣлали и покорили ихъ. Такъ какъ насъ мало, а непріятелей много, то намъ лучше итти дальше; если насъ настигнетъ немного людей, то сразимся.» Джучи-ханъ сказалъ:» что же я скажу, когда приду къ моему отцу и моимъ братьямъ? скажу, что издали видѣлъ врага и бѣжалъ? «Онъ не принялъ совѣта князей, приготовился къ битвѣ и сразился съ Султаномъ Мохаммедомъ. Джучи-ханъ, съ передовыми отрядами войска, сдѣлалъ нѣсколько аттакъ; пробившись до знамени, онъ ударовъ до трехъ сдѣлалъ по щиту Султана Мохаммеда. Войско Султана Мохаммеда готово уже было обратиться въ бѣгство; только Султанъ-Джелаль-эддинъ своими хорошими распоряженіями остановилъ побѣгъ войска. Битва продолжалась до самаго вечера. Когда наступила ночь, Монголы на всемъ протяженіи своего стана зажгли огни, а сами ушли. По утру войско Султана Мохаммеда выступило противъ Монголовъ, но какъ они еще ночью ушли, потому воротилось въ свои владѣнія. Джучи-ханъ, явившись къ отцу, разсказалъ ему дѣла свои. Чингизъ-ханъ, довольный ими, изъявилъ ему много милостей. Султанъ Мохаммедъ, по совѣту своихъ князей, изъ которыхъ каждый представлялъ неудобства войны, распустилъ войско по областямъ своей державы, разставивъ его по крѣпостямъ, и возвратился домой. Причины упадка державы Султана Мохаммеда были слѣдующія: въ одинъ вечеръ онъ, въ пьяномъ состояніи, далъ повелѣніе убить Шейхъ-Мядждъ-эд-дина Багдадскаго, подозрѣвая его въ связи съ своею матерью, Тюркань-хатунь. По утру разкаяваясь въ этомъ поступкѣ, онъ послалъ къ Шейхъ-Неджмъ-уд-дину Кюбри блюдо золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ съ тѣмъ, чтобы онъ испросилъ ему у Бога прощеніе въ этомъ грѣхѣ. Шейхъ отвѣчалъ «не золото и серебро могутъ быть выкупомъ за кровь, а голова убійцы, моя голова и головы тысячи людей.» Также онъ, досадуя на повелителя правовѣрныхъ, халифа Насиръ-эд-дина Абуль-Аббаса, взялъ фетву отъ муфтіевъ, возвелъ на халифатство одного изъ термедскихъ Сендовъ, Али-ль-мюлька, и велѣлъ его имя поминать въ хютбѣ и выбивать на монетѣ. Потомъ, слушаясь внушеній одного изъ своихъ близкихъ, Гаиръ-хана, не уважилъ пословъ и купцовъ Чингизъ-хановыхъ и велѣлъ убить ихъ. Если бы мы стали разсказывать о всѣхъ худыхъ дѣлахъ его, то наша повѣсть сдѣлалась бы долгою; мы изложили ихъ кратко.

Походъ чингизъ-хана въ Бухарію.

Въ шестьсотъ пятнадцатомъ году (1218 Р. Х.) Чингизъ-ханъ съ безчисленнымъ войскомъ выступилъ въ походъ изъ своихъ владѣній и пошелъ на Отраръ. На дорогѣ съ нимъ соединился карлыкскій ханъ, Арсланъ-ханъ, съ большими своими отрядами; къ нему пришелъ Иди-кутъ изъ Бишъ-балыка съ большимъ числомъ Уйгуровъ; къ нему присоединился съ своими Текинцами Сакнакъ изъ Альмалыка. Чингизъ-

ханъ отрядилъ Окдай-хана и Джагатай-хана къ Отрару, Джучи-хана послалъ къ Дженду; Алакъ-нояна и Сюкту-куку съ пятью тысячами человѣкъ послалъ къ Фенакенду и Ходженду; а самъ онъ, завоеватель вселенной, съ остальными войсками, взявъ съ собою Тули-хана, пошелъ на Бухару. Имя Бухара на монгольскомъ языкѣ значитъ средоточіе учености. Во время перехода Чингизъ-ханова отъ Отрара къ Бухарѣ, Монголы нечаянно утромъ очутились подъ крѣпостію Зернукъ, и отъ удивленія подняли сильный крикъ. Жители Зернука тотчасъ узнали, что ихъ городъ осажденъ безчисленнымъ войскомъ, пришли въ необычайный, крайній страхъ, затворились въ крѣпости, заперевши ворота. При всемірномъ завоевателѣ, въ числѣ его сановниковъ, былъ человѣкъ, отличавшійся умомъ, по имени Хаджетъ; онъ былъ мусульманинъ. Ханъ послалъ его посломъ къ жителямъ Зернука. Умный Хаджетъ, вступивъ въ городъ, внушилъ жителямъ его, что лучше дѣлать. Весь городской народъ, отложивъ страхъ, вышелъ изъ города, явился къ Хану съ богатыми дарами и изъявилъ ему свою покорность. Чингизъ-ханъ оказалъ ему благоволеніе и милость, и Зернуку далъ имя Кутлукъ-балыкъ, что значитъ «счастливый городъ.» Молодыхъ людей въ городѣ онъ взялъ съ собою въ походъ, освободивъ отъ онаго стариковъ. Выступивъ отсюда, онъ пришелъ къ Туру. Жители Тура заперлись въ крѣпости. Въ слѣдствіе многихъ переговоровъ чрезъ пословъ, они всѣ вышли изъ крѣпости, съ большими дарами явились къ Хану. Онъ, принявъ ихъ благосклонно и милостиво, далъ повелѣніе, чтобы они, соразмѣрно количеству народа, взяли себѣ съѣстныхъ припасовъ, хлѣба, птицъ, быковъ, и вышли изъ города, а остальное имѣніе будетъ добычею войска. Народъ, исполняя его распоряженіе, вышелъ изъ крѣпости, а прочее все было разграблено ханскимъ

войскомъ. Продолжая походъ, Чингизъ-ханъ, въ мѣсяцѣ Мохарремѣ шестьсотъ шестнадцатаго года (1219 Р. Х.), наканунѣ праздника Ашура, въ змѣиномъ году, пришелъ къ Бухарѣ и осадилъ этотъ городъ. Но полуночи, беки, оставленные Султаномъ Мохаммедомъ для защиты Бухары, Кюкъ-ханъ, Сюнучь-ханъ и Кючлюкъ-ханъ, съ двадцатью тысячами человѣкъ сдѣлали вылазку изъ города для отраженія Чингизъ-ханова войска. Войско Хана, заблаговременно узнавъ о вылазкѣ, вступило въ бой, и, крѣпкое счастіемъ властителя царствъ, поразило двадцать тысячь человѣкъ и въ одну крату времени совершенно уничтожило ихъ. Когда наступило утро, всѣ жители Бухары, шейхи, муллы, мюфтіи, и вельможи и простолюдины, отворивъ ворота, вышли изъ города, явились Хану съ преданностію. Ханъ, сѣвъ на коня, въѣхалъ въ городъ. Осмотрѣвъ его, онъ прибылъ къ дверямъ сборной мечети; въѣхавши въ мечеть на конѣ, онъ вошелъ въ преддверіе ея. Мечеть эта была величественное зданіе; Ханъ спросилъ: »это зданіе не домъ-ли Султана Мохаммеда?« Ему сказали, что это храмъ Бога Всевышняго. Онъ слѣзъ съ коня, взошелъ на каѳедру, и, приказавъ Монголамъ, улемамъ и мюджтегидамъ, держать коня, самъ сталъ пить кумысъ. Списки Корана валялись подъ ногами коней: старшій изъ тогдашнихъ Сендовъ бухарскихъ, увидѣвъ книги Корана подъ ногами лошадей, спросилъ мюджтегида: »это какъ?« Мюджтегидъ отвѣчалъ: »молчи, Сендъ; время гнѣва божія теперь.« Чингизъ-ханъ сѣлъ на коня и поѣхалъ туда, гдѣ совершался праздникъ. Повелѣвъ явиться всему народу, онъ взошелъ на каѳедру и сталъ перечислять вины Мусульманъ, говорилъ о нарушеніи мирнаго договора султаномъ Мохаммедомъ, о избіеніи имъ пословъ и купцевъ: въ заключеніе сказалъ: »народъ! грѣхи твои велики: гнѣвъ Бога Всевышняго караетъ тебя; я только орудіе казни отъ Бога; нынѣ онъ поставилъ меня

властителемъ надъ вами». Послѣ этихъ словъ онъ сказалъ: «о имуществѣ гражданъ, которое на виду, нечего говорить вамъ; но вы охотно, безъ принужденія съ нашей стороны, представьте имущество, скрытое вами въ землѣ». Горожане отдавали все свое имущество, и бывшее на виду и спрятанное. При этомъ одинъ человѣкъ пришелъ къ Хану и сказалъ, что въ городѣ укрываются нѣкоторые изъ Харезмійцевъ; услышавъ такой доносъ, Ханъ велѣлъ Монголамъ зажечь городъ; отъ пожара уцѣлѣли только каменныя зданія, которыхъ въ Бухарѣ было много. Нѣсколько бековъ Султана-Мохаммеда заперлись было въ крѣпости-аркѣ, но Ханъ взялъ ихъ и велѣлъ умертвить, а крѣпость Бухары сравнять съ землею. Такимъ образомъ Бухара представляла видъ запустѣнія до временъ Каана: по его повелѣнію ее опять возобновили.

Битва огдай-каана и джагатай-хана съ Гаиръ-ханомъ и покореніе ими Отрара.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, поставилъ Гаиръ-хана съ пятидесятью тысячами человѣкъ охранять область Отрарскую; предполагая, что монгольское войско также хочетъ итти къ Отрару, Султанъ послалъ на помощь Гаиру-хану своего нукера Карачу Хаджета съ десятью тысячами воиновъ. Съ шестидесятью тысячами Гаиръ-ханъ заперся въ Отрарѣ; Чингизъ-хановичи пять мѣсяцовъ осаждали крѣпость: народъ въ Отрарѣ началъ унывать. Карача-хаджетъ сказалъ Гаиръ-хану: «сдадимъ Отраръ сыновьямъ Чингизъ-хана и отдадимся имъ въ подданство: тѣмъ мы спасемъ себя отъ тягостей осады.» Гаиръ-ханъ не соглашался на его слова, потому что его голова была причиною настоящихъ бѣдствій. Карача-хаджетъ, видя, что Гаиръ-ханъ не соглашается на его мнѣніе, сколько разъ онъ ни говорилъ ему, въ одну

ночь съ десятью тысячами человѣкъ вышелъ изъ крѣпости воротами Дервазен-суфи и предсталъ предъ сыновьями Чингизъ-хана. Чингизъ-хановичи сказали Карача-хаджету: ты не соблюлъ вѣрности къ своему Государю, не будешь вѣренъ и намъ, и велѣли убить его вмѣстѣ съ десятью тысячами человѣкъ. Монголы вошли въ Отраръ тѣми же воротами Дервазен-суфи. Всѣхъ жителей Отрара вывели въ поле и избили. При такихъ обстоятельствахъ Гаиръ-ханъ съ двадцатью тысячами человѣкъ заперся въ цитадели городской, и, каждой день дѣлая вылазки, въ битвахъ оказалъ опыты отличной храбрости, истребилъ много людей въ монгольскомъ войскѣ. Но какъ онъ въ этихъ битвахъ потерялъ всѣхъ своихъ людей, то Монголы ворвались въ крѣпость. Въ этой крайности Гаиръ-ханъ съ двумя человѣками скрылся наверху одного зданія. Оба нукера его были убиты; когда у хана, который непрестанно долженъ былъ отражать отъ себя, не стало уже стрѣлъ, то невольницы его начали носить къ нему кирпичи со стѣнъ, и онъ кирпичами отбивался. Наконецъ его окружили, схватили и живаго привели къ царевичамъ. Въ это время царевичи получили вѣсть, что Чингизъ-ханъ, взявъ Бухару, шелъ къ Самарканду. Огдай-каанъ и Джагатай-ханъ, со всемъ своимъ ополченіемъ, обратились къ Самарканду; на мѣстѣ, называемомъ Кюкъ-Сарай, они велѣли убить Гаиръ-хана.

Походъ Джучи-хана къ дженду.

Джучи-ханъ, выступивъ изъ Отрара, пришелъ къ Саганаку. Въ свитѣ его былъ одинъ Мусульманинъ Хасянъ-хаджи: его онъ послалъ въ Саганакъ съ повелѣніемъ посовѣтовать жителямъ его, чтобы они явились къ нему, сдали ему крѣпость и сами покорились. Хасянъ-хаджи пошелъ въ Саганакъ, совѣто-

валъ жителямъ сдаться; но они, думая, что смѣлость спасетъ ихъ, съ безразсудною дерзостью бросились на него, схватили его и убили, и потомъ, заперши ворота, затворились въ крѣпости. Джучи-ханъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ сильный гнѣвъ и далъ Монголамъ повелѣніе взять крѣпость штурмомъ. Монголы сдѣлали приступъ къ крѣпости, въ одинъ часъ взяли ее, и, въ отмщеніе за кровь Хасянъ-хаджи, убили десять тысячь Мусульманъ; сына Хасянъ-хаджіева поставили правителемъ Саганака. Отселѣ Джучи-ханъ прибылъ къ Узькенду. Жители Узькенда, вышедши изъ крѣпости, съ богатыми подарками предстали предъ Джучи-хана: ханъ изъявилъ имъ благоволеніе, не коснулся ни ихъ самихъ, ни имѣнія ихъ. Послѣ этого дѣла, Монголы сдѣлали походъ къ крѣпости Аснашъ. Жители Аснаша вышли и сразились съ ними: войско Джучи-ханово, поразивъ ихъ, всѣхъ избило. Въ это время правитель Дженда, получивъ извѣстіе о дѣлахъ Джучи-хана, бѣжалъ изъ Дженда и ушелъ въ Харезмъ. Джучи-ханъ, услышавъ это, отправилъ посломъ къ жителямъ Дженда своего нукера Джанъ-тимура. Дженцы не захотѣли покориться, замыслили убить Джанъ-тимура. Джанъ-тимуръ, употребивъ хитрость, избавился изъ рукъ ихъ, возвратился въ станъ Джучи-хана и пересказалъ хану, какъ съ нимъ тамъ поступлено было. Джучи, разгнѣванный, пошелъ къ Дженду, осадилъ его и взялъ крѣпость. Тѣхъ изъ жителей, которые составили умыселъ противъ Джанъ-тимура, велѣлъ избить. Прочимъ жителямъ онъ не мстилъ смертію, а, выведши вонъ изъ крѣпости, отдалъ на разграбленіе ихъ имѣніе, и Алія-ходжу Гаджджуванійца сдѣлалъ привителемъ Дженда.

Походъ Алакъ-нойяна и Сюкту-буки къ Фенакенду и Ходженду, и подвиги Тимуръ-меликa въ Ходжендѣ.

Выше мы сказали, что Чингизъ-ханъ послалъ къ Фенакенду и Ходженду Алакъ-нойяна и Сюкту-буку съ пятью тысячами человѣкъ. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука осадили Фенакендъ. Фенакендцы, затворивъ ворота крѣпости, держались въ ней до трехъ дней, но на четвертый день весь народъ вышелъ изъ крѣпости къ Алакъ-нойяну и Сюкту-букѣ съ богатыми дарами. Тогда два эти полководца отдѣлили особо ремесленниковъ и особо воиновъ Султана Мохаммеда, велѣли избить воиновъ, а ремесленниковъ и Таджиковъ отправили, для соединенія съ прочими, въ Ходжендъ; сами же, выступивъ въ походъ пришли къ Ходженду. Правителемъ Ходженда былъ Тимуръ-меликъ, воинъ столь храбрый, что Рустемъ и Эсфендіяръ въ день битвы не устояли бы противъ него. На срединѣ рѣки, въ Ходжендѣ, былъ островъ; на немъ построена была крѣпость, столь твердая, что ни одна рука созданнаго не могла взять ее. Въ этой крѣпости заперся Тимуръ-меликъ съ тысячью человѣкъ. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука, увидѣвъ эту крѣпость, изумились и говорили: »что намъ тутъ можно сдѣлать?« Тимуръ-меликъ велѣлъ построить двѣнадцать судовъ, покрыть ихъ палубами для защиты отъ стрѣлъ; а чтобы съ нихъ стрѣлять, велѣлъ прорубить въ нихъ окна; эти суда онъ такъ устроилъ, что ни стрѣлы, ни огнеметательныя орудія не могли вредить имъ: садясь на эти суда, въ продолженіе дня, воины его такъ храбро сражались, что сами Монголы одобряли ихъ. Не могши ихъ преодолѣть, наконецъ Монголы соединили всѣ свои силы, которыхъ было около пятидесяти тысячь, и, поставивъ въ переднихъ рядахъ Таджиковъ, стали бросать на суда камни и чурбаны, но камни и чурбаны, отбиваемые, падали въ

воду. Наконецъ, когда монгольское войско стало одолѣвать, Тимуръ-меликъ, уложивъ багажъ на семьдесять лодокъ, съ тысячею воиновъ сѣлъ на тѣ двѣнадцать судовъ и поплылъ внизъ по серединѣ рѣки. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука дали повелѣніе Монголамъ по берегу рѣки преслѣдовать Тимуръ-мелика, и Монголы по берегу рѣки шли рядомъ съ судномъ Тимуръ-мелика и непрестанно сражались. Тимуръ-меликъ, когда доплылъ до города Фенакенда, сверхъ чаянія увидѣлъ, что надъ рѣкою протянута большая цѣпь. Не могши плыть далѣе, Тимуръ-меликъ розмысламъ велѣлъ разорвать эту цѣпь; она распалась на части и суда его прошли. Но Монголы, быстро продолжая преслѣдованіе, обступили рѣку на всѣхъ пунктахъ и грозили Тимуръ-Мелику пораженіемъ. Тимуръ-Меликъ, видя опастность, вышелъ изъ рѣки и пошелъ въ Харезмъ сухимъ путемъ. Монгольскія войска, раздѣлившись на отряды, преслѣдовали Тимуръ-Мелика, и, настигнувъ Тимуръ-Мелика, сдѣлали на него сильный натискъ. Тимуръ-Меликъ съ тысячею своихъ витязей, оказалъ большую храбрость. Напослѣдокъ его воины всѣ были убиты; за Тимуръ-Меликомъ гнались три Монгола, а у него осталось только три стрѣлы; на одной изъ нихъ не было острія; этою стрѣлою безъ острія онъ попалъ въ глазъ одному изъ трехъ Монголовъ и вышибъ ему глазъ. Монголы, видя это, перестали гнаться за нимъ. Тимуръ-меликъ пришелъ въ Харезмъ, изъ Харезма, взявъ войска, пошелъ въ Кятъ. Въ Кятѣ онъ истребилъ гарнизонъ, оставленный тамъ Чингизъ-ханомъ, и возвратился въ Харезмъ, а оттуда пошелъ къ Султану Мохаммеду. Султанъ Мохаммедъ изъявилъ ему много ласки и благоволенія. Отъ него онъ удалился въ Шамъ; проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ опять возвратился въ Ходжендъ. Увидѣвъ, что Чингизъ-ханъ поставилъ правителемъ Ходженда своего сына,

онъ съ своимъ сыномъ отправился къ Огдай-каану. На дорогѣ онъ повстрѣчался съ однимъ изъ близкихъ къ монгольскому Государю чиновниковъ. Этотъ узналъ его и, когда вступивъ съ нимъ въ разговоръ, спросилъ о битвахъ его съ Монголами, онъ отвѣчалъ ему такъ, что чиновникъ тотъ, разсердившись, пустилъ въ него стрѣлу, и Тимуръ-меликъ на этомъ мѣстѣ былъ убитъ. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука, взявъ Ходжендъ, пошли къ Самарканду и соединились съ войскомъ Чингизъ-хана.

Взятіе чингизъ-ханомъ самарканда.

Султанъ-Мохаммедъ Шахъ-Харезмскій, страшась монгольскаго войска, оставилъ въ Самаркандѣ сто десять тысячь человѣкъ подъ начальствомъ тридцати хановъ. Шестдесятъ тысячь Тюрковъ и пятдесятъ тысячь Таджиковъ въ этомъ войскѣ были таковы, что каждый изъ нихъ въ битвѣ не отвратилъ бы своего лица отъ лютаго тигра, отъ разъяреннаго слона. При этомъ войскѣ онъ оставилъ также двадцать слоновъ. Кромѣ тѣхъ воиновъ, о которыхъ мы сказали, было много и другихъ людей, которымъ не было счета и смѣты. Они выкопали вкругъ крѣпости ровъ, проведши его до рѣки. Чингизъ-ханъ, во время похода къ Отрару, услышавъ объ укрѣпленіи Самарканда и о многочисленности тамъ силъ, отрядилъ своихъ сыновей къ Отрару. Нойяновъ послалъ въ окрестности Самарканда, самъ пошелъ къ Бухарѣ; взявъ Бухару, онъ подступилъ къ Самарканду. Его сыновья, покоривъ Отраръ, и Нойяны, опустошивъ область Самаркадскую, при Самаркандѣ соединились съ ордою завоевателя—хана. Войско, оставленное Харезмскимъ шахомъ въ Самаркандѣ, въ безчисленныхъ силахъ вышло чрезъ городскія ворота, начало съ однимъ изъ отрядовъ чингизъ-ханова войска битву столь жесто-

кую, что Харезмійцы въ этой битвѣ убили нѣсколько Монголовъ, часть ихъ взяли въ плѣнъ и возвратясь вошли въ Самаркандъ. На другой день, завоеватель міра самъ повелъ войско въ битву: въ этотъ день сраженіе было таково, что послѣ него никто изъ всѣхъ Харезмійцевъ не осмѣливался выходить изъ воротъ; но они храбро бились со стѣнъ крѣпости до самаго вечера. Тогда Шейхъ-уль-ислямъ и Кади самаркандскіе явились къ Хану и просили пощады; Ханъ, съ своей стороны, оказалъ имъ милость и благоволеніе. Шейхъ-уль-ислямъ и Кади, отправясь назадъ въ городъ, отворили Намазъ-гахскія ворота. Монголы, быстро подошедши, вошли въ городъ и отворили всѣ другія ворота; тогда всѣ Монголы вступили въ крѣпость и бросились грабить. Схвативъ многихъ изъ сановниковъ Султана-Мохаммеда, они убили до тысячи человѣкъ изъ нихъ такихъ, которые носили титло хановъ. Тридцать тысячь лучшихъ гражданъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми были отданы Нойянамъ; для Шейхъ-уль-ислама и Кадія были пощажены пятдесятъ тысячь семействъ, съ прочихъ они взяли дани двѣсти тысячь червонцевъ. Эти событія совершились въ шестьсотъ шестнадцатомъ году (1219 Р. Х.)

Походъ сыновъ чингизъ-хановыхъ въ харезмъ.

Побѣдоносный Ханъ, покоривъ Самаркандъ и Бухару, отрядилъ Джучи-хана, Окдай-каана и Джагатай-хана къ Харезму. Царевичи съ безчисленною ратію выступили въ походъ на Ургенджъ. Въ это время въ Харезмѣ изъ бековъ Шаха харезмскаго были Хамаръ-тегинъ, Мугулъ, Хаджебъ и Феридунъ-гури. Хамаръ-тегинъ былъ братъ Туркань-хатуни, матери Харезмскаго шаха. Онъ поставилъ его правителемъ въ Ургенджѣ. Въ Ургенджѣ было столько народу изъ

придворныхъ чиновниковъ Харезмскаго шаха, изъ вельможъ и благородныхъ, что число ихъ знаетъ только Всевышній Богъ. Эти Мусульмане жили, не обращая вниманія на превратности судьбы: вдругъ нѣсколько конныхъ Монголовъ явились у городскихъ воротъ и угнали стоявшихъ тамъ коней и муловъ. Сто тысячь человѣкъ, конныхъ и пѣшихъ, пустились въ погоню за Монголами. Въ разстояніи на одинъ фарсахъ отъ Ургенджской крѣпости былъ садъ, называвшійся Баги-хуррамъ: при этомъ садѣ они настигли Монголовъ. Въ томъ мѣстѣ много Монголовъ укрывалось въ засадѣ: ихъ конница вдругъ съ двухъ сторонъ бросилась на Ургенджцевъ: битва была столь жестока, что изъ множества Ургенджцевъ возвратились въ крѣпость только человѣкъ десять. Монголы, преслѣдуя ихъ, дошли до предмѣстія Тенуре, напали на это предмѣстіе, до самаго вечера грабили его, и, зажегши его, отступили. На слѣдующее утро, отрядъ Монголовъ подошелъ къ крѣпости, и, расположившись цѣпью вокругъ города, осматривалъ крѣпость. Князь Султана Мохаммеда, Шаха харезмскаго, Феридунъ-Гури, съ пятью стами человѣкъ, стоялъ у городскихъ воротъ и видѣлъ, что Джучи-ханъ, Огдай-каанъ и Джагатай-ханъ, съ безчисленнымъ коннымъ войскомъ, подошли къ Ургенджу и осадили его со всѣхъ сторонъ. Царевичи прислали въ Ургенджъ посла и говорили: «если вы, покорившись намъ, будете нашими подданными, то сами вы будете спасены, ваши семейные не будутъ плѣнниками и рабами». Ургенджцы не согласились на это и не преклонили выи своей для покорности. Послѣ того харезмское войско, въ продолженіе семи мѣсяцовъ, каждый день съ утра до вечера, сражалось. Монголы, вокругъ Ургенджа не находя камней для катапультъ, срубали тутовыя дерева, клали ихъ въ катапульты и бросали въ осажденный городъ. Монголы задумали от-

вести въ сторону рѣку Джейхунъ, чтобы отнять воду у Ургенджцевъ. Для отведенія Джейхуна три тысячи монгольскаго войска заняли то мѣсто, гдѣ хотѣли остановить рѣку. Ургенджцы, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, вышли изъ города, и, окруживъ тѣ три тысячи Монголовъ, такъ сильно ударили на нихъ, что изъ трехъ тысячь не спасся ни одинъ человѣкъ. Монголы никакъ не могли взять Ургенджа, потому что между царевичами возникнулъ раздоръ. Чингизъ-ханъ, услышавъ, что они не могли взять Ургенджа въ продолженіе семи мѣсяцовъ, чрезъ посла сказалъ: «Джучи-ханъ и Джагатай – ханъ должны Окдай – каана считать своимъ вождемъ и подчиняться его распоряженіямъ, другъ другу не противиться, и, при такомъ единодушіи, храбро биться съ Харезмійцами.» Царевичи, *получивъ такой приказъ отъ отца*, подчинились Окдаю, прекратили между собою ссоры, и мужественно противуставъ харезмскому войску, давали жестокія битвы. Наконецъ, взявъ Ургенджь, во всѣхъ *частяхъ зажгли его, всѣхъ жителей выгнали въ поле;* изъ нихъ выбрали до ста тысячь семействъ, занимавшихся какими-нибудь ремеслами; молодыхъ людей, женщинъ и дѣтей взяли въ рабство; а остальныхъ жителей раздѣлили между воинами: каждому въ войскѣ досталось по двадцати четыре человѣка; царевичами данъ приказъ убить ихъ, и Монголы всѣхъ ихъ перебили. Разсказываютъ, что какъ слава господина шейха Неджмъ-уд-дина разносилась въ мірѣ, то царевичи послали человѣка сказать шейху, чтобы онъ съ своимъ семействомъ вышелъ изъ крѣпости и пришелъ къ нимъ, дабы ему не подвергнуться участи растаптываемыхъ конями монгольскими. Шейхъ имъ отвѣчалъ: »я не одинъ; при мнѣ есть родственники и ученики.« Царевичи сказали: съ десятью человѣками пусть придетъ; шейхъ отвѣчалъ, что при немъ болѣе десяти; царевичи сказали: пусть съ сотнею человѣкъ

идетъ; шейхъ отвѣчалъ, что у него больше сотни; царевичи сказали: съ тысячею человѣкъ можетъ прійти. Шейхъ послалъ имъ отвѣтъ: »въ счастливое время я былъ всѣмъ этимъ людямъ пріятелемъ, другомъ, помощникомъ: какъ же мнѣ бросить ихъ въ день бѣдствія? не могу идти отъ нихъ.« Въ это время Монголы нахлынули на часть города, гдѣ былъ шейхъ. Шейхъ, съ своими служителями, нѣсколькихъ Монголовъ проводилъ въ жилище геенны и самъ въ тоже время былъ убитъ; *сказано*: *»мы Божіи и къ Богу возвратимся.«*

Походъ чингизъ-хана на Нахшебъ, Термизъ и Балхъ.

Чингизъ-ханъ, покоривъ Мавераннегръ, послалъ царевичей къ Харезму, а самъ пошелъ въ Самаркандъ. Пробывъ весну въ Самаркандѣ, онъ приступилъ къ Нахшебу, отъ Нахшеба перешелъ къ Термизу. Жители Термиза, не покоряясь ему, выставили свои ополченія и сразились съ нимъ. *Напослѣдокъ* Чингизъ-ханъ взялъ Термизъ и истребилъ жителей его. Въ это время Монголы захватили одну женщину и хотѣли убить ее. Женщина сказала: «не убивайте меня, я вамъ *дамъ прекрасную жемчужину.*» Они спросили: гдѣ же эта жемчужина? Женщина отвѣчала; «жемчужину я проглотила; она у меня въ брюхѣ.» Монголы распороли брюхо женщины, взяли жемчужину. По-этому не осталось ни одного убитаго, у котораго они не распороли бы брюха.

Побѣдоносный Ханъ, выступивъ изъ Термиза, пошелъ къ Балху. Въ то время Балхъ былъ столько благоустроенъ, что въ немъ было тысяча двѣсти главныхъ мечетей и тысяча двѣсти бань. Дѣло началось тѣмъ, что жители Балха и чиновники ихъ предстали предъ Хана и просили пощады: Ханъ не согласился,

потому что султанъ Джелаль-эд-динъ былъ живъ, а доколѣ онъ живъ, эти люди не перестанутъ противодѣйствовать Хану. Послѣ того Ханъ вступилъ въ жестокую борьбу съ жителями Балха и овладѣлъ городомъ. Избивъ жителей, крѣпость Балхскую онъ сравнялъ съ землею.

Кончивъ покореніе Балха, онъ послалъ въ Хорасанъ Тули-хана съ нѣсколькими Нойянами, а самъ приступилъ къ Талкану. Городъ Талканъ былъ сильно укрѣпленъ; жители его не хотѣли покориться, заготовивъ все нужное для войны, они начали борьбу съ завоевателемъ міра. Ратоборствовали семь мѣсяцовъ. Въ теченіи этого времени Тули-ханъ покорилъ Хорасанъ, и, съ многочисленною ратію своею, соединился съ отцемъ своимъ подъ Талканомъ. Соединенныя ихъ войска вступили въ жестокую битву съ Талканцами, поразили ихъ и всѣхъ избили, не оставивъ ни одного человѣка, даже грудныхъ дѣтей, и крѣпость сравняли съ землею.

Перешедши къ Андерабу, они взяли этотъ городъ, умертвили жителей его и разорили крѣпость.

Оттуда они перешли къ Баміану. Баміанцы заперлись въ городѣ, дали много сраженій и оказали большое мужество. Въ одну изъ этихъ битвъ Джагатай-хановъ сынъ пораженъ стрѣлою и умеръ. Побѣдоносный Ханъ любилъ этого сына его; огорченный симъ событіемъ, онъ, испуская изъ гортани своей дымъ гнѣва, далъ приказъ, чтобы Монголы взяли крѣпость штурмомъ. Монголы бросились на крѣпость, овладѣли ею, избили великихъ и малыхъ, хорошихъ и худыхъ, мущинъ и женщинъ, не оставивъ ни одного человѣка, и крѣпость сравняли съ землею. Чингизъ-

ханъ эту крѣпость назвалъ Мау-балыгъ, что значитъ «злой городъ.

Битва Чингизъ-хана съ султаномъ Джелаль-эд-диномъ и бѣгство послѣдняго за рѣку Синдъ.

Въ это время Чепе-нойянъ, Субудай-багадуръ и Тугаджаръ-конкиратъ посланы были Чингизъ-ханомъ преслѣдовать Султана Мохаммеда; Ханъ-меликъ, Государь гератскій, чрезъ посла, изъявилъ свою готовность покориться имъ и ждалъ отвѣта. Тугаджаръ, не вѣря его словамъ, вступилъ въ битву съ нимъ, но былъ убитъ стрѣлою, пущенною изъ города. По этой причинѣ Ханъ-меликъ сталъ бояться Чингизъ-хана, и въ тоже время услышавъ, что Султанъ Мохаммедъ-джелаль-эд-динъ пришелъ въ Газнинъ, отправилъ къ нему посла сказать: «я иду служить тебѣ: не теряй мужества!» Чингизъ-ханъ съ своей стороны, для наблюденія, выслалъ на дороги Газнина, Гурчистана, Забиля и Кампля, тридцать тысячь воиновъ подъ начальствомъ Шенки Кутуку-нойяна, Текеджака, Мулки и Уткяръ-килдчава: имя Кильджау будто значитъ «шутникъ.» Кутуку-нойянъ, услышавъ, что Ханъ-Меликъ идетъ на соединеніе съ Султаномъ Мохаммедомъ-джелаль-эд-диномъ, быстро погнался въ слѣдъ за нимъ и вечеромъ настигъ его: не имѣя возможности вступить въ битву почью, отложилъ сраженіе до утра и провелъ тутъ ночь. Но Ханъ-меликъ ночью шелъ далѣе и соединился съ Султаномъ. Текеджакъ и Мулка, съ отрядомъ войска, отдѣлившись отъ Кутуку-нойяна, осадили крѣпость Валіянъ и надѣялись уже ее взять: тогда Султанъ Джелаль-эд-динъ, соединивъ многочисленныя войска свои, быстро пришелъ къ Валіяну, захватилъ и убилъ тысячу человѣкъ изъ сторожевыхъ отрядовъ монгольскихъ; остальные обратились въ бѣгство и присоединились къ Кутуку-

нойяну. Султанъ-джелаль-эд-динъ, поставивъ Ханъ-мелика на правомъ крылѣ, Сейфъ-эд-дина-мелика на лѣвомъ, а самъ, составляя центръ арміи, пошелъ на Монголовъ; Монголы, также построившись въ боевой порядокъ, вступили въ битву: султанскаго войска было много—вся его пѣхота, Монголовъ было мало; сраженіе продолжалось до самаго вечера. Вечеромъ Монголы, надѣлавъ чучелъ изъ войлока и платковъ и усадивъ ихъ на лошадей и верблюдовъ, въ боевомъ порядкѣ поставили ихъ назади себя, какъ бы это войско пришло дать на слѣдующее утро сраженіе. Воины Султана-джелаль-эд-дина, не понимая этой хитрости, подумали, что къ непріятелю пришли вспомогательныя войска и хотѣли бѣжать; Султанъ-джелаль-эд-динъ кричалъ: «Монголы прибѣгаютъ къ хитрост; не бойтесь!» Послѣ того они, ободривъ свои сердца, сдѣлали аттаку и обхватили со всѣхъ сторонъ Монголовъ, которые не выдержали нападенія и обратились въ бѣгство: Монголовъ много было убито. Шенки-кутуку, убѣжавъ съ немногими людьми, пришелъ къ Хану. Чингизъ-ханъ, раздраженный этимъ, повелѣлъ собрать войско. Султанъ Джелаль-эд-динъ обратно отправился домой. Монголовъ много взято было въ плѣнъ: раздѣливъ добычу Ханъ-меликъ и Сейфъ-эд-динъ-меликъ въ дорогѣ поссорились между собою за одну лошадь. Ханъ-меликъ плетью ударилъ по головѣ Сейфъ-эд-дина, которой жаловался на это Султану; Султанъ не разобралъ этого судебнымъ порядкомъ; потому Сейфъ-эд-динъ-меликъ, озлобясь, ночью отдѣлился со всѣми Канглійцами и ушелъ въ горы керманскія. Въ это время Султанъ-джелаль-эд-динъ услышалъ, что Чингизъ-ханъ идетъ на него съ безчисленнымъ войскомъ, и, не надѣясь устоять противъ него, рѣшилъ отступить и переправиться чрезъ рѣку Синдъ. Съ своей стороны Чингизъ-ханъ, совершая походъ и ночью и днемъ, пришелъ въ Газнинъ: тамъ онъ получилъ вѣсть, что Султанъ-джелаль-эд-динъ находится отселѣ на разстояніи пятнадцати дневнаго пути. Оставивъ въ Газнинѣ правителя, онъ устремился къ берегамъ Синда, преслѣдуя Султана. Султанъ же, приказавъ приготовить лодки, хотѣлъ на утро переправиться и уйти. Ханъ увидѣлъ, что если онъ въ эту ночь замедлитъ нападеніемъ, то непріятель на утро переправится и уйдетъ: со всѣхъ сторонъ онъ окружилъ войско Султана, построясь въ три или четыре линіи. Монголовъ было вдвое или втрое больше Таджиковъ. Султанъ, при восхожденіи солнца, увидѣлъ, что онъ стоитъ между огнемъ и водою. Чингизъ-ханъ, сказавъ: «Султана схватите живаго», отрядилъ въ авангардъ Угяръ-калчава и Кутуръ-калчава и велѣлъ конницѣ сдѣлать аттаку; нападеніе сдѣлано съ правой и лѣвой стороны; Султанъ, съ пятью или шестью стами человѣкъ конницы, отражая на той и другой сторонѣ, съ утра до полудня бился съ многочисленнымъ врагомъ и оказалъ много храбрости. Наконецъ, когда Монголы пробились въ самую средину его войска и ему оставалось только отдаться въ плѣнъ, онъ, спасаясь отъ бѣды, бросился въ рѣку и переплылъ чрезъ нее. Чингизъ-ханъ, видя этотъ подвигъ Султана, похвалилъ его, и, обративъ рѣчь къ своимъ дѣтямъ, сказалъ: »таковыми дѣтьми да награждаетъ отцевъ природа!« Чингизъ-ханъ захватилъ семейство и казну Султана; послалъ Дубай-нойяна и Бала-нойяна преслѣдовать Султана; они проникли до средины Хиндостана, но, потерявъ слѣды его и не получая вѣсти о немъ, возвратились. Чингизъ-ханъ отправился назадъ изъ этой страны, подчинивъ себѣ области сосѣднія и во всѣхъ ихъ поставивъ своихъ правителей, возвратился въ Самаркандъ и тамъ провелъ зиму.

Преслѣдованіе султана мохаммеда войскомъ чингизъ-хановымъ.

Чингизъ-ханъ, осаждая Балхъ, когда услышалъ, что Султанъ-Мохаммедъ съ немногими людьми вышелъ изъ Термиза и перешелъ на другую сторону рѣки Аму, послалъ Чепе-нойяна, Субудай-багадура и Тугаджара-конкирата въ слѣдъ за нимъ, давши каждому изъ нихъ по десяти тысячь человѣкъ, и сказавъ, чтобъ они нигдѣ не останавливались, пока не схватятъ Султана Мохаммеда.» Каждой изъ державъ, которая, покорившись вамъ, будетъ просить пощады, давайте пощаду; если же какіе народы не станутъ покоряться, тѣхъ истребляйте, семейства и имущество ихъ берите въ плѣнъ, города ихъ сожигайте. Надѣюсь, что, до истеченія трехъ лѣтъ, эти дѣла должны быть окончены. Я не останусь здѣсь и отправлюсь въ свой юртъ; кончивъ ваши дѣла, и вы возвратитесь въ отечество. Князья, получивъ отпускъ отъ Хана, переправились чрезъ рѣку и вступили въ Балхъ; изъ него пошли въ область Гератскую. Государь Гератскій, по имени Ханъ-Меликъ, вмѣстѣ съ подданными, встрѣтилъ ихъ съ дарами и изъявилъ свою покорность. Чепе-Нойянъ, не встрѣчая препятствій, отправился далѣе на преслѣдованіе Султана-Мохаммеда. Тугаджаръ-Конкиратъ оставался назади; онъ, прибывъ къ Герату, не принялъ предложеній его жителей и съ ними началъ битву; Гератцы принуждены были отбиваться. Тугаджаръ, раненый стрѣлою, пущенною изъ города, умеръ; войско его отступило и соединилось съ Чепе-Нойяномъ. Послѣ этого они дошли до Ясава. Ясавійцы не оказали имъ уваженія; они заперли ворота города; когда Монголы, не рѣшаясь останавливаться на своемъ походѣ, проходили мимо его, Ясавійцы, въ безразсудствѣ насмѣхаясь надъ Монголами, начали ругать ихъ. Послѣдніе, бывъ раздражены ими, воротились, подступили къ крѣпости,

три дня держали ее въ осадѣ, въ четвертый взяли, избили всѣхъ людей, не оставивъ въ живыхъ ни одного человѣка; отселѣ пошли къ Нишабуру. Въ то время Султанъ-Мохаммедъ получилъ вѣсть, что тридцать тысячь Монголовъ, перешедши рѣку, идутъ подобно бурѣ и ищутъ одного Султана, созвалъ своихъ Князей, совѣтовался съ ними, и, по совѣту ихъ, отправилъ свое семейство въ крѣпость Карундеръ, а самъ отступилъ къ Ираку; поручивъ защиту Нишабура Фяхръ-эль-мюльку, Низамъ-эд-дину, Абуль-магаля-Кетибу и Зіа-ль-мюльку съ нѣсколькими другими князьями, онъ чрезъ Рей пошелъ въ Казвинъ. Въ немъ находился его сынъ Султанъ Рукнъ-эд-динъ съ тридцатью тысячами человѣкъ; услышавъ о приближеніи отца, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу; отселѣ Султанъ Мохаммедъ другаго сына своего, Султана Мохаммедъ-гай-ясъ-эд-дина, вмѣстѣ съ матерью его, отправилъ въ Карундеръ. Между тѣмъ Чепе-нойянъ и Субудай Багадуръ, съ пути къ Нишабуру, отправили посла къ бекамъ, оставленнымъ тамъ Султаномъ Мохаммедомъ, съ требованіемъ сдачи города; беки отъ себя послали трехъ человѣкъ съ богатыми дарами и говорили: «пусть представятъ намъ Султана Мохаммеда; тогда все государство отдастся имъ.» Чепе-Нойянъ послалъ къ нимъ письмо на уйгурскомъ языкѣ за печатію Чингизъ-хана; содержаніе его такое: «Всесильный Господь отдалъ мнѣ владычество надъ міромъ: кто мнѣ покорится, тотъ будетъ счастливъ; а кто не будетъ повиноваться, тотъ будетъ уничтоженъ.» Беки не замедлили сдать городъ; Монголы, взявъ изъ Нишабура проводниковъ, пошли далѣе по слѣдамъ Султана-Мохаммеда. Перешедши въ Мазандеранъ, они въ немъ умертвили много жителей, сравняли крѣпость съ землею и выступили на дорогу къ Асфарайну. Встрѣчавшихся имъ на этомъ пути городовъ они не тревожили, когда они покорялись имъ;

разоряли до основанія тѣ, которые имъ не покорялись. Обложивъ отрядомъ войска крѣпость Иланъ, въ которой находилась мать Султана, они пошли къ Рею; овладѣвъ Реемъ, истребили жителей его, разорили до основанія крѣпость его. Харезмскій шахъ, получивъ вѣсть объ этомъ, не зналъ куда дѣться, совѣтовался со всѣми князьями, и въ страхѣ, нигдѣ не находя себѣ убѣжища, ушелъ въ Карундеръ; а изъ людей, при немъ бывшихъ, каждый бѣжалъ въ свою сторону. Когда Харезмскій шахъ шелъ къ Карундеру, встрѣтился съ отрядомъ Монголовъ; началась битва, Султанъ Мохаммедъ, когда конь подъ нимъ былъ раненъ стрѣлою, обратился въ бѣгство и пошелъ въ Карундеръ, но, не смѣя остановиться и тутъ, принялъ направленіе къ Гилану, Монголы, преслѣдуя его, вступали въ жаркія битвы съ нимъ; они гнались за Султаномъ Мохаммедомъ не совсѣми силами, оставивъ часть ихъ подъ Карундеромъ. Султанъ Мохаммедъ, семь дней пробывъ въ Гиланѣ, выступилъ къ Истидару; на дорогѣ онъ потерялъ свою казну и отселѣ пошелъ къ Каспійскому морю, переправился на одинъ изъ острововъ его, Абискунъ, но и на немъ не смѣлъ остановиться. Въ то время, какъ Султанъ вышелъ изъ Гилана, Монголы также пошли за нимъ, но, не нашедши его, поворотили и пришли къ Карундеру: въ немъ были нѣкоторыя изъ женъ и дѣтей Султана; Монголы захватили здѣсь ихъ въ плѣнъ. Младшія изъ дѣтей его были въ крѣпости Иланѣ, то Монголы пошли къ ней и осадили ее. Говорятъ, что отъ Адама до настоящаго времени здѣсь не было недостатка въ дождѣ; жители города, выкапывая водохранилища, собирали въ нихъ столько воды, что не имѣли въ ней недостатка, хотя бы имъ приводилось цѣлые годы сидѣть въ осадѣ; но въ это время, къ счастію Чингизъ-хана и злополучію Султана Мохаммеда, Шаха Харезмскаго, не упало ни одной капли дождя; чрезъ пятнадцать дней воды не стало. Визирь Султана Мохаммеда, Насръ-эд-динъ, вышелъ изъ крѣпости, явился предъ Чепе-Нойяномъ и—тотчасъ пролился такой дождь, что потекли ручьи. Монголы взяли казну и сокровища, какія тамъ были; визиря, мать и дѣтей Султана отослали къ Чингизъ-хану. Чингизъ-ханъ велѣлъ убить Визиря и дѣтей Султана. Султанъ-Мохаммедъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, пораженъ былъ скорбію, упалъ безъ-чувствъ, и уже не приходилъ въ себя. «Мы Божіи, и къ Богу возвратимся.» Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, не нашли полотна для савана, и въ одеждѣ, какая была на немъ, похоронили его. Это событіе совершилось въ змѣиномъ году, въ шестьсотъ семнадцатомъ году гиджры (1220 Р. Х.) Султанъ Мохаммедъ царствовалъ двадцать одинъ годъ.

Монголы вступили въ области Нахичеванскую и Азербаджанскую, и, опустошивъ ихъ, вошли въ Ширванъ. Взявъ десять проводниковъ изъ Шамахи, они одного изъ нихъ убили, чтобы устрашить остальныхъ, и этимъ послѣднимъ сказали: «если вы не поведете насъ по хорошей дорогѣ, то мы тоже съ вами сдѣлаемъ, что сдѣлали съ вашими товарищами» и приказали имъ вести себя; они повели ихъ по дербендской дорогѣ. Въ то время эти пути были заняты Кипчаками и Аланами. Субудай-Багадуръ, отправивъ человѣка къ Кипчакамъ, говорилъ имъ: «вы намъ братья, а Аланы намъ чужіе; не помогайте имъ, а будьте дружны съ нами.» При этомъ посланы были богатые подарки. Кипчаки, склонившись на слова Монголовъ, отдѣлились отъ Аланъ. Когда эти остались безпомощными, Монголы напали на нихъ, поразили, разграбили и плѣнили. Кипчаки обратились къ Руси и, получивъ отъ нея вспомогательную рать, пошли на Монголовъ. Монголы, увидѣвъ ихъ, захотѣли об-

мануть ихъ ложнымъ отступленіемъ; Кипчаки подумали, что они бѣгутъ отъ страха, погнались за ними, двѣнадцать дней преслѣдовали ихъ. Тогда Монголы вернулись назадъ, напали на нихъ; въ продолженіе семи дней бились съ ними; наконецъ ихъ одолѣли, поразили, истребили. Захвативъ много добычи и *плѣнниковъ, они съ весельемъ и торжествомъ возвратились* ко двору Чингизъ-хана. Доставивъ богатую добычу, они представили отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; Ханъ съ своей стороны, похваливъ ихъ подвиги, осыпалъ ихъ наградами и милостями.

ОТПРАВЛЕНІЕ ТУЛИ-ХАНА ЧИНГИЗЪ-ХАНОМЪ ВЪ ХОРАСАНЪ.

Ханъ, покоривъ Балхъ, послалъ Тули-хана въ Хорасанъ. Тули-ханъ, взявъ осемьдесятъ тысячь человѣкъ Чингизъ-ханова войска, выступилъ къ Мерву. Въ то время Хорасанъ былъ въ самомъ отличномъ состояніи, такъ что Мервскіе поселяне, гордясь своимъ большимъ богатствомъ и изобиліемъ, считали себя лучшими подданными государя и ставили себя выше Бековъ. Предъ тѣмъ временемъ Султанъ Мохаммедъ поставилъ-было мервскимъ правителемъ Мяджръ-уль-мюлька; но когда въ Мяджръ-уль-мюльковомъ управленіи открылась нѣкоторая неисправность, то Султанъ Мохаммедъ, отрѣшивъ Мяджръ-уль-мюлька отъ должности, поставилъ-правителемъ Мерву Бегаръ-эль-мюлька. Когда Султанъ Мохаммедъ удалился въ Ракъ, а Мяджръ-уль-мюлькъ шелъ для соединенія съ Султаномъ, въ Ракѣ разнесся слухъ, что монгольское войско вступило въ Хорасанъ. Султанъ Мохаммедъ послалъ приказъ Мервскому правителю такой: «когда придетъ на тебя монгольское войско, ты не вступай съ нимъ въ битву, но покорись ему и сдай Мервъ.» Когда это повелѣніе пришло къ правителю Мерва, Бехаръ-эль-мюльку, онъ, не

считая для себя хорошимъ оставаться въ Мервѣ, перешелъ въ крѣпость Язеръ и въ ней заперся, а изъ жителей нѣкоторые удалились въ другія области, иные, которыхъ жизнь достигла своего предѣла, остались въ Мервѣ. Въ это время два военачальника изъ войска Тулиханова съ большими силами пришли къ Мерву. Намѣстникъ Бехаръ-эль-мюлька, съ нимъ Шейхъ-уль-ислямъ и всѣ жители вышли изъ города, явились къ военачальникамъ и, изъявивъ имъ свою покорность, отдали имъ имущество. Нойяны, удовольствовавшись этимъ имуществомъ, отступили отъ Мерва. Въ это время одинъ чиновникъ Султана Мохаммеда, по имени Бука-тюркманъ, съ нѣсколькими Тюркманами скрывался въ одной безлюдной, дикой степи, лежащей въ окрестностяхъ мервскихъ; по отшествіи монгольскаго *войска, онъ изъ этого убѣжища выступилъ и, согласившись* съ Тюркманами, вошелъ въ Мервъ. Тогда разбѣжавшіеся и скрывавшіеся по сторонамъ Тюркманы, Таджики, слуги Султана Мохаммеда собрались къ Букѣ-чегаку-тюркману, и, препоясавъ чресла свои поясомъ службы, составили безчисленную рать при Букѣ-туркманѣ. Въ то самое время, какъ распространилась вѣсть, что Султанъ Мохаммедъ на островѣ Абискунѣ перешелъ изъ тлѣннаго жилища въ вѣчное, прежній правитель Мерва, Мяджръ-уль-мюлькъ, сѣвши на осла, изъ Ирака пріѣхалъ въ Мервъ. Бука-тюркманъ, по пристрастію къ власти, не пустилъ Мяджръ-уль-мюлька въ Мервъ; чрезъ нѣсколько дней Мяджръ-уль-мюлькъ, употребивъ хитрость, вошелъ въ городъ; всѣ Мервцы, находившіеся подъ властію Буки, предались Мяджръ-уль-мюльку и поставили его правителемъ. Предъ этимъ временемъ жители Сярхаса покорились Монголамъ, и они Шейхъ-уль-ислама сярхасскаго поставили правителемъ въ Сярхасѣ. Шейхъ-уль-ислямъ мервскій послалъ письмокъ Шейхъ-уль-ислиму Сярхасскому съ жалобами на Мяджръ-уль-

мюлька. Гонцы Мяджръ-уль-мюлька схватили людей шейхуль-ислямовыхъ, отняли письмо и представили его Мяджръ-уль-мюльку. Мяджръ-уль-мюлькъ, прочитавъ это письмо, велѣлъ убить Шейхъ-уль-ислама и трупъ его стащить за ноги и бросить въ рѣку. Выше мы сказали, что послѣдній изъ мервскихъ правителей, Бехаръ-уль-мюлькъ, заперся въ крѣпости Язерѣ; онъ вышелъ изъ Язера, пошелъ въ Мазандеранъ къ воеводамъ монгольскимъ и разсказавъ, что дѣлается въ Мервѣ, говорилъ: «дайте мнѣ войска; я пойду и покорю вамъ Мервцевъ. На каждой годъ буду доставлять въ дань тканей, каждому изъ васъ на одинъ кафтанъ». Монгольскіе князья согласились на его предложеніе, дали ему семь тысячь человѣкъ войска и послали къ Мерву. Бехаръ-уль-мюлукъ съ семью тысячами Монголовъ отправился въ походъ и прибылъ въ мѣстечко Шагристанъ. Тутъ онъ узналъ, что Мяджръ-уль мюлькъ сдѣлался правителемъ Мерва; что при немъ осемьдесятъ тысячь человѣкъ войска; съ однимъ Монголомъ и Календеромъ послалъ отъ себя Мяджръ-уль-мюльку письмо, въ которомъ писалъ: «съ Монголами воевать вамъ не должно. Такъ какъ при мнѣ семь тысячь Монголовъ, то лучше всего, чтобы вы намъ предались и покорились.» Пришедши въ Мервъ, Монголы отдали письмо Мяджръ-уль-мюльку. Мяджръ-уль-мюлькъ, вникнувъ въ смыслъ этого письма, велѣлъ обоихъ этихъ посланцевъ убить и на дорогѣ поставилъ стражу. Когда это услышали семь тысячь Монголовъ, шедшихъ съ Бехаръ-уль-мюлькомъ, то они его убили и ушли назадъ. Мяджръ-уль-мюлькъ, услышавъ объ этомъ поступкѣ Монголовъ, почелъ свое положеніе безопаснымъ и съ лучшими изъ Мервцевъ предался пьянству и веселостямъ; но въ это время правитель Амувіи, Ихтіяръ-эд-динъ, Тюркманъ, съ нѣсколькими Тюркманами пришелъ въ Мервъ и сказалъ Мяджръ-

эль-мюльку, что монгольское войско идетъ для осады Мерва, что одинъ отрядъ этого войска пришелъ къ Амувіе и что съ минуты на минуту надобно ждать прихода Монголовъ къ Мерву. Мяджръ-уль-мюлькъ сильно встревожился, велѣлъ народу приготовить нужное въ случаѣ осады крѣпости; а Ихтіяръ-эд-динъ съ нѣсколькими Тюркманами, по общему соглашенію между ними, расположился станомъ на берегу одной большой рѣки, между монгольскимъ войскомъ и Мервомъ. Отрядъ монгольскаго войска, въ шестьсотъ человѣкъ, сдѣлалъ нападеніе на станъ Тюркмановъ, и, разграбивъ весь станъ, людей избилъ, нѣкоторыхъ взялъ въ плѣнъ. Въ это время Тули-ханъ, завоевавъ Нишабуръ и нѣсколько областей въ Хорасанѣ, съ безчисленнымъ, съ несмѣтнымъ войскомъ пришелъ и обложилъ Мервъ, въ началѣ мѣсяца Мохаррема, въ шестьсотъ осьмнадцатомъ году (1221 Р. Х.). Мервское войско сдѣлало вылазку, бросилось въ бой и въ одинъ часъ убило тысячу Монголовъ. Двадцать дней продолжались битвы; наконецъ Тули-ханъ, озлобясь, слѣзъ съ коня и пѣшій, прикрывши голову щитомъ, побѣжалъ къ воротамъ Мерва: всѣ Монголы устремились вслѣдъ за Ханомъ. Въ этотъ разъ Мервцевъ, вышедшихъ изъ крѣпости и сражавшихся было осемьдесятъ тысячь; всѣ они побѣжали и ушли въ крѣпость; около двухсотъ полковъ монгольскихъ обступило крѣпость. Мяджръ-уль-мюлькъ увидѣлъ, что онъ не можетъ противоборствовать такому войску; въ этой крайности выслалъ посла къ Тули-хану съ словами: «отдаюсь и покоряюсь.» Послѣ того Мяджръ-уль-мюлькъ съ богатыми дарами вышелъ изъ крѣпости, смѣло предсталъ предъ лице хана. Ханъ потребовалъ отъ Мяджръ-уль-мюлька имущества и сокровищъ города, отпустивъ правителя подъ прикрытіемъ двухсотъ Монголовъ. Послѣ того дано повелѣніе жителей городскихъ вывести въ поле; четыре дня выво-

дили горожанъ въ полѣ, оставили въ немъ только четыреста человѣкъ ремесленниковъ. Исключая сихъ послѣднихъ, всѣхъ мущинъ, женщинъ, дѣтей раздѣлили войску, на каждаго Монгола причлось по четыреста человѣкъ, и каждый доставшуюся ему часть людей убилъ. Нѣкто Сендъ-Газль-уд-динъ съ нѣсколькими писцами вышелъ изъ города, переписалъ убитыхъ людей. Тринадцать дней они перечисляли погибшихъ подъ стѣнами города, кромѣ убитыхъ въ полѣ: ихъ было милліонъ триста тысячь человѣкъ. Напослѣдокъ, по распоряженію хана, Монголы разрушили Мервскую крѣпость и всѣ въ немъ зданія, такъ что не осталось и слѣдовъ ихъ. Одного изъ вельможъ Мерва, Эмира Зія-уд-дина поставилъ въ Мервѣ правителемъ, сказавъ, чтобы народъ спасшійся чрезъ побѣгъ и укрывательство занялся земледѣліемъ, и Ярмуша поставилъ надъ ними Даругою, а самъ выступилъ изъ Мерва и быстро пошелъ къ Нишабуру. Послѣ этого народъ три раза собирался въ Мервѣ, но находилъ тамъ гибель. Въ одномъ изъ этихъ истребленій было убито народа до шестидесяти тысячь.

ПОХОДЪ ТУЛИ-ХАНА КЪ НИШАБУРУ.

Тули-ханъ, покоривъ Мервъ, отправился къ Нишабуру. Нишабурцы выслали къ Хану своихъ судей и просили пощады; онъ ея не далъ; произошла упорная битва; Нишабуръ былъ взятъ и жители его избиты. Въ немъ убито тысяча семьсотъ сорокъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей.

ПОХОДЪ ТУЛИ-ХАНА КЪ ГЕРАТУ.

Тули-ханъ, отустоивъ Нишабуръ, пошелъ къ Герату. Когда онъ приблизился къ Герату, послалъ къ первымъ вельможамъ гератскимъ своего чиновника, понмени Зянбура, и велѣлъ сказать: «покоритесь намъ, чтобы самимъ вамъ избавиться отъ смерти и вашимъ семействамъ отъ плѣна и рабства.» Предъ этимъ временемъ Султанъ Мохаммедъ Джелаль-эддинъ поставилъ правителемъ Герата Мелика-шамсъ-уд-дина Мохаммеда, и, ввѣривъ ему сто тысячь человѣкъ, самъ удалился. Меликъ-шамсъ-эд-динъ Мохаммедъ велѣлъ убить посла Тули-ханова, заперъ крѣпость и началъ поспѣшно приготовлять все нужное къ отраженію врага. Тули-ханъ, услышавъ, что посолъ его убитъ, въ гнѣвѣ двинулъ войско къ Герату и осадилъ его. Въ продолженіе семи дней происходили битвы, столь жестокія, что въ рѣкѣ текла не вода, а кровь; на Тули-хановой сторонѣ убито было до тысячи семисотъ бековъ. Въ осьмой день Монголы сдѣлали приступъ къ крѣпости, и войско Меликъ-шамсъ-эд-дина Мохаммеда сдѣлало вылазку; произошелъ жестокій бой. Въ этой битвѣ Меликъ-шамсъ-эд-динъ Мохаммедъ, пораженный стрѣлою, былъ убитъ. Тули-ханъ съ двумястами человѣкъ подскакалъ къ воротамъ Герата, и, снявъ съ головы своей шлемъ, кричалъ городскимъ жителямъ: «жители Герата! знайте и вѣдайте: я сынъ Чингизъ-хановъ, Тули-ханъ; если не хотите себѣ смерти, а дѣтей и семейства ваши видѣть въ плѣну и рабствѣ и желаете покоя, выходите изъ города, явитесь ко мнѣ, и, покорившись мнѣ, доставляйте Чингизъ-хану въ каждой годъ половину того, что вы давали Султану-джелаль-эд-дину.» Гератцы, выслушавъ эти слова, раздѣлились на двѣ партіи; приверженцы Султана-джелаль-эд-дина говорили: «не вступимъ въ подданство; не станемъ сдавать города!» Но горожане отворили ворота, вышли и явились предъ Тули-ханомъ. Ханъ, вступивъ въ городъ, велѣлъ избить двѣнадцать тысячь человѣкъ изъ войска Султана-джелаль-эд-дина; и, простивъ городскихъ жителей

за возмущеніе, далъ имъ правителя Меликъ-Абу-бекра, другою сдѣлалъ одного изъ своей свиты, Монгола Мангкатая и самъ отправился къ своему отцу и соединился съ нимъ въ Талканѣ.

По выходѣ Тули-хана, Меликъ-Абу-бекръ и Мангкатай вмѣстѣ правили и судили. Въ это время произошла великая битва у Чингизъ-хановыхъ Нойяновъ съ Султаномъ Джелаль-эд-диномъ, между Газнином и Маміяномъ, и какъ Нойяны худо дѣйствовали, то изъ Монголовъ много было убито въ этомъ сраженіи. Молва объ этой битвѣ разнеслась вездѣ, въ обоихъ Иракахъ, въ Хорасанѣ и въ Мавераннегрѣ. Народъ вообразилъ себѣ, что Чингизъ-ханъ не можетъ стать лицемъ къ лицу противъ Султана-джелаль-эд-дина; по-этому жители Герата съ Меликъ-Абубекромъ убили даругу Мангкатая, взбунтовались противъ Чингизъ-хана и сдѣлали своимъ правителемъ Меликъ-Мубаризъ-эд-дина. Всемірный властитель, получивъ объ этомъ извѣстіе, не одобрилъ распоряженія Тули-ханова; онъ сказалъ ему: «если бы ты избилъ этотъ народъ, то такого бунта не было бы!» и, разгнѣванный, послалъ на Гератъ Ильчиктай-Нойяна съ восьмидесятью тысячами человѣкъ. «Возьми Гератъ, сказалъ Ханъ, и не оставляй въ немъ ни одного живаго человѣка!» Ильчиктай-Нойянъ отправился въ походъ и, прибывъ къ Герату, осадилъ его. Жители Герата до шести дней жестоко дрались съ нимъ: много пало и мусульманъ и невѣрныхъ. Наконецъ двадцать тысячъ воиновъ со всѣхъ четырехъ сторонъ устремились на городъ, вошли въ него и овладѣли имъ; избили весь народъ: шестьсотъ тысячъ человѣкъ было истреблено. Разрушивъ крѣпость Гератскую, Монголы сравняли ее съ землею. Въ Гератѣ только пятнадцать человѣкъ

осталось живыхъ; кромѣ ихъ ни одной души не осталось.

СОВѢЩАНІЕ ЧИНГИЗЪ-ХАНА СЪ СВОИМИ БРАТЬЯМИ И СЫНОВЬЯМИ О ВОЗВРАЩЕНІИ ВЪ МОНГОЛІЮ.

Чингизъ-ханъ покорилъ Иранъ и Туранъ и одни изъ враговъ его погибли, другіе, убѣжавъ, трепетали предъ его грознымъ могуществомъ: при такомъ положеніи его дѣлъ, изъ Хатая получена вѣсть, что Хатайцы возмутились и отложились отъ Чингизъ-хана. Ханъ, получивъ это извѣстіе, призвалъ къ себѣ своихъ дѣтей и бековъ и сдѣлалъ такое распоряженіе: Джагатая послалъ къ Гилану для того, чтобы онъ отыскалъ и захватилъ въ руки Султана Джелаль-эд-дина; Окдая послалъ къ Газнину, съ тѣмъ, чтобы онъ разорилъ юртъ Султана Мохаммеда Субектекина, а самъ захотѣлъ итти въ Туранъ. Окдай-каанъ, по распоряженію отца, отправясь въ Газнинъ, покорилъ юртъ Субектекиновъ и возвратился въ Туранъ. Также и Джагатай-ханъ, отправясь въ Мекранъ, разорилъ тамошнія области, жителей взялъ въ плѣнъ, и, не получивъ никакого свѣдѣнія о Султанѣ Джелаль-эд-динѣ, возвратился чрезъ Бухару и Ташкендъ въ Самаркандъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЧИНГИЗЪ-ХАНА ВЪ СВОЙ ЮРТЪ.

Чингизъ-ханъ весною возвратился въ свой юртъ. Переходя по областямъ и укрѣпленнымъ мѣстечкамъ, онъ поставлялъ правителей и даругъ, и, перешедши чрезъ рѣку Аму, прибылъ въ Бухару. Здѣсь съ нимъ соединились Царевичи и Нойяны, которыхъ онъ посылалъ на—сторону.

Завоеватель страны Чингизъ-ханъ послалъ отъ

себя къ Бухарцамъ человѣка съ приказомъ: «пришлите ко мнѣ кого-нибудь изъ ученыхъ муллъ; я хочу кое-о-чемъ спросить его». Бухарцы послали къ нему Кадія, по имени Эшрефа, и одного Ваиза (проповѣдника). Чингизъ-ханъ спросилъ ихъ: «что значитъ ваше имя: мусульмане?» Они отвѣчали: слово мусульманинъ значитъ рабъ Божій. Господь единъ, который ни съ чѣмъ не имѣетъ сходства, которой не имѣетъ вида. Чингизъ-ханъ сказалъ: «и я знаю, что Богъ единъ.» Они дальше говорили: Богъ посылалъ въ міръ пророка. Всевышній Господь присылалъ его для того, чтобы дать рабамъ своимъ заповѣди свои-повелѣнія и запрещенія.—Чингизъ-ханъ одобрилъ и эти слова. Далѣе говорили они: каждодневно совершая пятивременную молитву, мы тѣмъ совершаемъ наше служеніе Богу.—Это онъ также похвалилъ. Потомъ говорили: въ продолженіе одиннадцати мѣсяцовъ мы ѣдимъ, когда только захочемъ; но въ одинъ мѣсяцъ днемъ мы не вкушаемъ пищи, но ѣдимъ ночью. И это онъ почелъ хорошимъ. Потомъ они говорили: есть храмъ Божій, по имени Мекка; туда мы ходимъ на поклоненіе, если позволятъ силы... Чингизъ-ханъ отпустилъ ихъ отъ себя. Граждане и сановники Бухары просили себѣ у Хана тарханнаго ярлыка, и Ханъ благосклонно пожаловалъ народу тарханный ярлыкъ.

Изъ Бухары Чингизъ-ханъ перешелъ въ Самаркандъ. Оттуда онъ отправилъ посла къ Джучи-хану въ Кипчакъ, и говорилъ: «любезный сынъ! выѣзжай со всѣмъ своимъ войскомъ и пригони къ нашей сторонѣ звѣрей дешт-кипчакскихъ: я хочу охотиться.» Выше было сказано, что, когда царевичи были въ походѣ на Харезмъ, Чингизъ-ханъ послалъ къ нимъ приказъ, чтобы Джучи и Джагатай считали Окдая главнымъ своимъ начальникомъ и не выходили изъ-

подъ его распоряженій. По этой причинѣ Джучи-ханъ, послѣ завоеванія Харезма, тяготясь этимъ распоряженіемъ, отправился въ Дешт-кипчакъ, подчинилъ себѣ всѣхъ жителей этой степи и проводилъ время тамъ въ охотѣ за звѣрьми и птицами. Какъ скоро отъ отца его пришелъ посланный и пересказалъ его слова, Джучи-ханъ выѣхалъ со всѣмъ своимъ войскомъ, и, гоня передъ собою всѣхъ звѣрей степныхъ, прибылъ къ отцу своему. Тогда же онъ привезъ ему богатые дары; коней доставилъ онъ въ даръ сто тысячъ: изъ нихъ двадцать тысячъ были сѣрые, двадцать тысячъ сивые, двадцать тысячъ гнѣдые, двадцать тысячъ вороные и двадцать тысячъ чубарые. Ханъ съ своей стороны изъявилъ свою любовь и ласку къ Джучію. Джучи-ханъ къ своимъ младшимъ братьямъ показалъ полную и нѣжную привязанность. Тогда Чингизъ-ханъ вмѣстѣ съ своими сыновьями весело охотился. Возвратившись въ свой юртъ и увидѣвъ семейства, они радовались своему счастію.

Въ это время получено извѣстіе, что правитель Тангута, Шидурку, возмутился. Ханъ выступилъ въ походъ съ большими силами противъ Шидурку; и Шидурку съ своей стороны съ многочисленною арміею вышелъ и сталъ лицемъ къ лицу предъ Ханомъ. Началась жестокая битва. Шидурку наконецъ обратился въ бѣгство и заперся въ одномъ укрѣпленномъ городѣ. Чингизъ-ханъ разграбилъ и опустошилъ область его, и съ побѣдою возвратился въ свою Орду. Вслѣдъ за симъ прибылъ посолъ отъ Шидурку, которой чрезъ него говорилъ: «я готовъ явиться къ Хану, если онъ проститъ мнѣ мою вину и приметъ меня въ число сыновъ своихъ, клятвою увѣривъ меня въ моей безопасности». Чингизъ-ханъ согласился на это предложеніе и отпустилъ посла, щедро осыпавъ его милостями. Когда посолъ

Шидурку выѣхалъ отъ двора Ханова, Ханъ заболѣлъ и слегъ въ постель.

БОЛѢЗНЬ ЧИНГИЗЪ-ХАНА, НАСТАВЛЕНІЕ ЕГО СВОИМЪ ДѢТЯМЪ И СМЕРТЬ ЕГО.

Чингизъ-ханъ, во время похода въ Хатай, видѣлъ сонъ и отъ того сильный страхъ овладѣлъ имъ. Теперь вообразивъ, что онъ скоро умретъ, вдругъ сдѣлался боленъ. Чувствуя свою слабость, онъ созвалъ къ себѣ дѣтей и вельможъ. Джучи-хана какъ въ это время уже не было въ живыхъ, то онъ велѣлъ представить къ себѣ его дѣтей. Далъ имъ наставленіе и говорилъ своимъ дѣтямъ: «смотрите, другъ друга не обижайте изъ-за временныхъ выгодъ. Если въ сердце кому изъ васъ западетъ самое малое подозрѣніе, изгоните его изъ сердца, дабы вамъ избавиться отъ коварства врага. Окдая поставьте государемъ вмѣсто меня, всѣ будьте покорны ему, выполняя всѣ его распоряженія.» Дѣтямъ и вельможамъ онъ велѣлъ написать актъ о избраніи Окдая на престолъ. Также онъ завѣщалъ: «о моей смерти ни кому не открывайте, доколѣ не придетъ сюда Шидурку съ своими людьми; когда онъ придетъ, убейте его и всѣхъ кто съ нимъ будетъ. Послѣ того объявите о моей смерти.» Тутъ птичка души его улетѣла изъ клѣтки его тѣла. Царевичи, согласно завѣщанію отца своего, никому не давали знать о смерти Хана. Чрезъ нѣсколько времени пришелъ Шидурку съ войскомъ; Царевичи, схвативъ Шидурку, убили его и также войско его; потомъ объявили о смерти Чингизъ-хана и предались глубокой горести и скорби. Однажды Чингизъ-ханъ, бывъ на охотѣ, остановился подъ высокимъ деревомъ и сказалъ: «когда я умру, то похороните меня подъ этимъ деревомъ.» Когда Чингизъ-ханъ умеръ, его тѣло положили въ

ящикъ и похоронили подъ тѣмъ деревомъ; на этомъ мѣстѣ, послѣ того какъ тутъ похороненъ былъ Ханъ, выросъ столь густой лѣсъ, что стрѣла, пущенная изъ лука, не могла пролетѣть чрезъ него. Это мѣсто сдѣлалось кладбищемъ всѣхъ государей и князей. Чингизъ-ханъ преставился изъ этого міра въ шестьсотъ двадцать четвертомъ году (1227 Р. Х.), въ свиной годъ; родился въ свиной годъ и въ свиной годъ сдѣлался Ханомъ. Всѣхъ лѣтъ жизни Хана было семьдесятъ три; царствовалъ двадцать пять лѣтъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ со всѣхъ сторонъ приходилъ народъ, чтобы раздѣлить скорбь свою съ Царевичами; по окончаніи траура, каждый пошелъ въ станъ свой, а о средствахъ къ государственному устройству никто не помыслилъ.

Чингизъ-ханъ управленіе десятью тысячами человѣкъ возлагалъ на одного человѣка и назвалъ его Темникомъ; начальство надъ тысячью человѣкъ поручалъ человѣку съ именемъ Тысячника; сто человѣкъ поручивъ кому либо въ управленіе, назвалъ того Сотникомъ; управленіе надъ пятидесятью человѣка поручалъ начальнику съ именемъ Пятидесятника; управленіе десятью человѣками поручалъ человѣку съ именемъ Десятника, и далъ законъ, чтобы ничья тма, тысяча, сотня, пятидесятокъ, десятокъ, не смѣшивались съ тмою, тысячею, сотнею, пятидесяткомъ, десяткомъ другаго; и у кого изъ народа, состоящаго въ какой-либо тмѣ, тысячѣ, сотнѣ, пятидесяткѣ, десяткѣ, будетъ какое дѣло, тотъ съ нимъ относился бы къ своему Темнику, Тысячнику, Сотнику, Пятидесятнику, Десятнику. Онъ также узаконилъ, чтобы мущина, женщина хранили при себѣ все нужное, даже шило, иглу; чтобы всякое военное оружіе, какое требуется въ сраженіи, держали при себѣ въ полномъ количествѣ; а кто нарушалъ этотъ уставъ, тотъ под-

вергался царскому гнѣву и наказывался. Чингизъ-ханъ строго требовалъ, чтобы сынъ повиновался приказамъ отца своего, младшій братъ словамъ старшаго брата; жена была согласна съ своимъ мужемъ; зять не оскорблялъ своего тестя; запретилъ ворамъ промышлять воровствомъ; негодяю дѣлать негодныя дѣла: въ Чингизъ-ханово время не смѣли дѣлать поступковъ противныхъ этимъ правиламъ. Въ комъ замѣчалъ умъ, храбрость, того дѣлалъ начальникомъ въ войскѣ; проворнаго и быстраго посылалъ смотрѣть за табунами; малосмысленныхъ, вялыхъ дѣлалъ пастухами стадъ. Потому дѣла Чингизъ-хана со дня-на-день улучшались и могущество его увеличивалось.—Онъ говорилъ: темникъ, тысячникъ, сотникъ, даже десятникъ, если старается видѣть меня въ началѣ или концѣ каждаго года и знать мои намѣренія, можетъ быть начальникомъ большаго войска: а кто не дѣлаетъ этого, тотъ не годится въ начальники и мужикамъ. Таковаго человѣка онъ сравнивалъ съ камнемъ, который бросаютъ въ воду, и котораго, когда упадетъ на дно, не видно болѣе. Онъ также говорилъ: кто хорошо держитъ свой домъ, тотъ хорошо будетъ управлять и царствомъ. Также его слова: кто десять человѣкъ въ войскѣ умѣетъ хорошо устроить, тотъ съумѣетъ управить большою арміею.—Кто у себя удаляетъ все дурное, тотъ способствуетъ государственному благосостоянію.—Еще: кто приходитъ къ начальнику, тотъ не долженъ говорить съ нимъ, не испросивъ позволенія; а если заговоритъ о чемъ-нибудь, не спросившись, и другіе будутъ слушать слова его—что хорошаго? а если слушать не станутъ, то онъ будетъ подобенъ кузнецу, который куетъ молотомъ холодное желѣзо. Такихъ присловій у Чингизъ-хана было много: если намъ здѣсь писать ихъ всѣ, то наше сочиненіе будетъ велико; потому мы здѣсь вписали не многія.

ПОПРАВКИ ПОГРѢШНОСТЕЙ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Надобно читать:
1	8	Божія	Божія,
6	13	способную	удобную
8	27	Исигъ	Иссигъ
10	15	передъ ней,	передъ статуей,
11	11	Бйду-ханъ,	Байду-ханъ,
—	14	между сими народами.	между нхъ подданными.
12	13	девять;	девяти;
13	27	услышитъ,	узналъ,
17	16	съ областями	съ живущими
—	30	дѣлали	сдѣлали
25	1 сниз.	Одобрилъ	Одобри
31	3 сниз.	Дюрюльганъ.	Дерлигинъ.
34	15	собери	узнай
37	4	Всѣхъ изъ перешедшихъ	Всѣхъ перешедшихъ
—	5	шаху	шаху,
40	26	Его . . . мекринъ.	Текриновъ также называютъ Мекрины.
42	23	Айкара мурана.	Айкара-муранъ.
—	28	его	него
45	6	Тіянгъ-ханъ;	Таянгъ-ханъ;
53	12	брони	броню
55	6	первое . . другое	первый родъ Другой
63	10–11	Чене-Нойану	Чепе-Нойону
64	5	если у кого въ глазахъ	если въ глазахъ

Стран.	Строк.	Напечатано:	Надобно читать:
70	3	могли	могла
72	19	вызналъ Унгъ-ханъ	выгналъ Унгъ-хана
77	4 сн.	Чингизъ-ханъ	«Чингизъ-ханъ
78	25	Чене-нойяна.	Чепе-нойона.

Примѣч. Вмѣсто нойянъ, вездѣ, гдѣ встрѣтится это слово, надобно читать нойонъ, титулъ лицъ изъ княжескихъ родовъ у Монголовъ.

85	9	Чингизъ, ханъ	Чингизъ-ханъ
87	7	даруговъ	даругъ
88	4	Бургулъ-нойянъ	Бургулъ-нойонъ
89	17	Чене-нойянъ	Чепе-нойонъ
88	21	Огдай-каанъ	Окдай-каанъ.

Примѣч. Это чтеніе надобно поставить вездѣ, гдѣ встрѣчается имя этого хана.

96	19	что	что́
113	17	-гай-ясъ-	-гайясъ-
118	15	—мюлукъ	—мюлькъ
121	20	двумястами	двумя стами
124	18	захочетъ	захотимъ.
128	20	болѣе	больше.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.